

РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

УКД; 342.4:502 (575.3)

ББК: 67/99(2)01+26.22 (2 Тадж)

П-49

ПОЛТАВЕЦ АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА В
РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

5.5.2. Конституционное право; конституционный судебный процесс; правовое регулирование местной власти

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственно-
правовых дисциплин юридического
факультета Российско-Таджикского
(Славянского) университета
Эльназаров Давлатшо Ходжаевич

Душанбе – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ	
ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН	19
1.1. Формирование конституционно-правовых основ экологического права в советский период развития Таджикистана	19
1.2. Развитие и особенности института конституционно-правового регулирования экологических правоотношений в положениях Конституции Республики Таджикистан	40
ГЛАВА 2. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ – КАК ОБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	62
2.1. Понятие и содержание конституционных основ экологического права .	62
2.2. Особенности принципов конституционного строения экологического права в системе нормативного регулирования Республики Таджикистан	83
ГЛАВА 3. РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН	107
3.1. Классификация конституционных основ экологических прав человека и их место в системе прав человека.....	107
3.2. Проблемы и перспективы развития экологического законодательства Республики Таджикистан	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ	161
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:	163
ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ	182

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АЭС – Атомная электростанция

ЕАЭС – Евразийский экономический союз

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации

СССР – Союз Советских Социалистических Республика

СНГ – Содружество Независимых Государств

СНК – Совет народных комиссаров

ООН – Организация Объединенных Наций

ОЭЭО – Отходы электронного и электротехнического оборудования

РТ – Республика Таджикистан

РФ – Российская Федерация

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РОП – Расширенная ответственность производителя

ТССР – Таджикская Советская Социалистическая Республика

ФРГ – Федеративная Республика Германия

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Обращение к конституционным основам экологического права обусловлено трансформацией современного конституционализма, в рамках которой вопросы охраны окружающей среды и экологические права человека приобретают статус фундаментальных ценностей. В условиях усиливающихся экологических угроз именно конституционный уровень правового регулирования становится определяющим фактором формирования устойчивой модели развития и эффективного обеспечения экологической безопасности.

Современный этап развития человечества характеризуется глубокими изменениями в состоянии окружающей среды, связанными с изменением климата, истощение природных ресурсов, утратой биоразнообразия, таяния ледников в регионе и усилением антропогенного давления на экосистему. Для Республики Таджикистан, как горной страны с уязвимой экологической системой, данные вызовы приобретают особую остроту и стратегическую значимость.

Уместным будет подчеркнуть, что Конституция Республики Таджикистан как системообразующий акт государства в данном случае играет ключевую роль в формировании правовых основ экологической политики, задаёт направление развития экологического законодательства, определяет баланс между экономическими интересами и требованиями охраны окружающей среды. Именно конституционные нормы обеспечивают институциональную и нормативную устойчивую систему экологического права, закрепляя фундаментальные экологические права граждан, обязанности государства по охране природы и механизмы реализации экологической политики.

В условиях современных тенденций развития отечественного законодательства признание прав и свобод личности в качестве высшей ценности приобретает нормативно-конституционный характер и выступает ключевым принципом, охватывающим всю систему основ конституционного строя. Конституция Республики Таджикистан в данном смысле закрепляет не

только приоритет прав и свобод человека и гражданина, но и возлагает на государство позитивную обязанность по формированию таких правовых и институциональных условий, которые обеспечивают их эффективность. Тем самым конституционные нормы приобретают ценностно-ориентированное содержание, трансформируясь из формально-декларативных предписаний в действенный механизм регулирования общественных отношений.

Конституционное закрепление экологических основ с государственной деятельностью логически вытекает из признания человека высшей конституционной ценностью и направлена на обеспечение базовых условий его существования и развития. Охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов и обеспечение экологической безопасности в этом контексте выступают как взаимосвязанные и взаимодополняющие элементы единой конституционной модели экологического развития, ориентированные на защиту жизни, здоровья и благоприятной среды обитания человека. Экологические положения конституции тем самым приобретают системное значение, выходя за рамки узкоспециального регулирования и оказывая воздействие на формирование отраслевого законодательства и отечественной правоприменительной практики.

В широком конституционно-правовом измерении приоритет прав и свобод личности, дополненный экологическим компонентом, обуславливает необходимость экологически ориентированной организации правовой, политической, экономической, социальной, научной и культурной сфер общественной жизни. Конституция выступает здесь в роли интегративного нормативного основания, обеспечивающего согласование публичных и частных интересов, а также формирование устойчивой модели развития государства. В результате этого экологическая функция государства приобретает конституционно обусловленный характер и становится неотъемлемой частью механизма реализации и защиты прав и свобод личности как высшей ценности конституционного строя.

Конституционная обязанность государства по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина в экологической сфере выступает ключевым нормативным механизмом, обеспечивающим интеграцию экологических интересов личности в систему основ конституционного строя. Реализация данной обязанности придаёт экологическим правам не факультативный, а императивный характер, трансформируя их в юридически значимые притязания, подлежащие обеспечению со стороны публичной власти. Тем самым Конституция Республики Таджикистан выполняет функцию связующего звена между ценностной установкой на приоритет личности и практическими механизмами охраны окружающей среды, ориентированными на защиту жизненно важных интересов индивида.

Действующая Конституция Республики Таджикистан, реализуя свою учредительную и системообразующую функцию, заложила нормативные основы современного конституционно-правового статуса личности, введя в него новые институты и правовые категории, которые в советский этап развития не нашли своего нормативного отражения на высшем уровне. Впервые в национальной конституционной модели были институционализированы экологические права личности и корреспондирующие им обязанности государства, что свидетельствует о качественном расширении содержания конституционного правопорядка. Так, конституционное предписание о принятии государством мер по оздоровлению окружающей среды (ст.38) формирует позитивные обязательства публичной власти, направленное на профилактику экологических рисков и улучшение условий жизнедеятельности населения.

Особое значение в системе конституционных гарантий имеет закрепление исключительной собственности государства на землю, недра, водные ресурсы, воздушное пространство, животный и растительный мир и иные природные богатства, а также обязанность государства обеспечивать их эффективное использование в интересах народа (ст.13). Указанное положение отечественной Конституции придаёт экологической политике публично-правовой характер и

ориентирует управление природными ресурсами на принципы рациональности, устойчивости и межпоколенческой ответственности. В сочетании с конституционными гарантиями свободы слова, печати и права на пользование средствами информацией (ст.30) создаются предпосылки для общественного контроля, экологической информированности и участия граждан в решении экологически значимых вопросов, что в целом усиливает конституционно-правовой механизм защиты экологических прав личности.

Конституционная-правовая модель Республики Таджикистан исходит из необходимости формирования устойчивого механизма защиты населения от экологически обусловленных угроз, закрепляя экологическую безопасность в качестве самостоятельного и значимого элемента национальной безопасности. Нормы отечественной Конституции ориентируют государство на активное использование правовых средств, способных обеспечить не только формальное, но и реальное противодействие экологическим рискам, возникающим в процессе социальной-экономического развития. В этом смысле экологическая безопасность приобретает конституционное измерение и выступает результатом целенаправленной деятельности публичной власти, выстроенной в соответствии с приоритетами охраны жизненно важных интересов личности и общества.

Развитие экологической безопасности осуществляется через систему специализированных институтов и механизмов, деятельность которых должна опираться на конституционно закреплённые ориентиры обеспечения национальной безопасности. Система подобных институтов образует собой целостный правовой и организационный каркас, в рамках которого экологические интересы интегрируются в сферу публичного управления и правового регулирования. При этом конституционные положения задают вектор их функционирования, определяя пределы и направления допустимого воздействия государства на природную среду и хозяйственную деятельность в целях предотвращения экологических угроз.

Не менее приоритетное значение в обеспечении экологической безопасности принадлежит конституционным экологическим основам статуса личности, общества и государства, которые выступают действенным инструментом согласования публичных и частных интересов. Эффективность данных основ напрямую зависит от создания надлежащих правовых, институциональных и социально-экономических условий, а также от формирования многоуровневого механизма их защиты, способного обеспечить как предупреждение нарушений, так и восстановление нарушенных прав. В этом контексте конституционные экологические нормы выходят за рамки программных установок и приобретают характер непосредственно применимо применимых правовых регуляторов.

В условиях нарастающей экологической напряжённости в современном Таджикистане особую актуальность приобретает дальнейшее развитие конституционно-правового содержания общечеловеческих ценностей, отражающих взаимосвязь благоприятной окружающей среды и достойных социально-экономических стандартов жизнедеятельности. Стабильное развитие личности, общества и государства невозможно без системной и последовательной эколого-правовой политики, основанной на конституционных принципах и согласованной с международно-правовыми обязательствами Республики Таджикистан. В данных обстоятельствах конституция выступает не только фундаментом внутренней экологической политики, но и правовой платформой для её интеграции в современную систему международного экологического сотрудничества.

Уместным будет указать, что признание государством экологических прав человека представляется собой не только декларативное положение, а выступает в качестве комплексного политико-правового обязательства, предполагающего закрепление принципов прозрачности, подотчётности и участия граждан в экологических правоотношениях. В этой связи экологические права выступают существенным критерием демократического государства, поскольку без их эффективной реализации невозможно

построение правового и социально справедливого общества. С учётом данных тенденций, в современной научной доктрине постепенно формируется новая концепция «экологической демократии», которая исходит из того, что традиционные формы демократии, сосредоточенные преимущественно на политических и экономических свободах, не в полной мере учитывают экологическое измерение прав человека и не всегда способствуют полноценному участию общества в управлении и охране природных ресурсов и участию в мероприятиях, направленных на обеспечение экологической безопасности. Положения Конституции Республики Таджикистан, устанавливающие обязанности государства по охране природных ресурсов и гарантии прав человека, формируют нормативную основу для институционализации экологических прав, в этой связи признание государством экологических прав человека выступает конституционно обусловленным политико-правовым обязательством, предполагающим реализацию принципов прозрачности, подотчётности и участия граждан в решении экологически значимых вопросов, что соответствует современным тенденциям развития вышеуказанной концепции.

Вопросы изменения климата, а также ряд других проблем экологической направленности регулярно становятся предметом внимания со стороны государства, с целью создания действенных механизмов решения указанных проблем. Как отмечал в своем послании Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон: «С учетом изменения климата и с целью улучшения экологической ситуации в стране, а также создания для населения максимально лучших и благоприятных условий жизни Правительству страны, Комитету по охране окружающей среды, всем государственным структурам и органам поручается принять и реализовать конкретную государственную программу по озеленению страны на период до 2040 года» [[148]]. Мы считаем, что подобный подход отражает стратегическую направленность государственной экологической политики, в которой акцент сделан на долгосрочные меры по

смягчению последствий изменения климата и улучшения качества жизни граждан. Реализация масштабной программы озеленения представляется не только исключительно инструментом адаптации к климатическим изменениям, но и способствует устойчивому развитию, сохранению биоразнообразия и повышения экологической устойчивости Республики Таджикистан.

Степень изученности темы исследования. Сфера правоотношений являлась предметом научного интереса различных отечественных исследователей, которые рассматривались в разрезе отраслевых проблем чаще всего, связанных с теорией государства и права, конституционного права, административного, финансово, экологического, гражданского, международного и ряда других отраслей и отразились в научных трудах отечественных учёных в частности, в работах: Г.С. Азизкуловой [[22]], Б.С. Гадоева [[26]], А.М. Диноршоха [[28]], З.Д. Маджидзода [[33]], Э.С. Насриддинзода [[35]], Б.А. Сафарзода [[138]], Ф.Т. Тахирова [[39]], Д.Х. Эльназарова [[139]] и других авторов.

Проблема экологических прав по своему характеру имеет интегрированный характер, который заключается в достаточно тесной взаимосвязи публичных и частных начал. Исследования в данном контексте нашли отражение в работах таких отечественных ученых, как: Ш.К. Бадалова [[133]], Н.С. Боймахмадзода [[48]], Р.Д. Джабборова [[27]], А.В. Золотухина [[30]], Д.К. Рашидова [[114]], М.М. Сохибзода [[38]], Г.В. Шарифова [[40]], М.А. Кодирзода [[82]] и других.

Теоретические проблемы конституционно-правового регулирования экологических правоотношений исследовались такими зарубежными авторами как: С.А. Боголюбов [[36]], М.М. Бринчук [[25]], Д.В. Герасимов [[59]], О.С. Колбасов [[32]], М.Н. Копылов [[84]], Э.Ю. Яковлев [[132]].

Связь исследования с программами, либо научной тематикой. Диссертация была проведена в рамках долгосрочной исследовательской программы юридического факультета и кафедры государственно-правовых дисциплин Межгосударственного образовательного учреждения высшего

образования «Российско-Таджикского (Славянского) университета» по направлению «Современные проблемы развития юридической науки и совершенствования законодательства Республики Таджикистан и зарубежных стран в контексте расширения интеграционных процессов на период 2021-2025».

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования. Целью диссертационного исследования является всесторонний научный анализ и обоснование конституционных основ экологического права Республики Таджикистан, а также выработка теоретических и практических рекомендаций по совершенствованию правового регулирования экологических правоотношений в современных условиях. Работа направлена на раскрытие сущности роли конституционных положений и обеспечений экологической безопасности и устойчивого развития государства.

Задачи исследования. Достижение указанной цели предполагает решения нижеследующих задач:

- проанализировать эволюцию становления конституционных основ экологического права в Таджикистане в советский период, а также выявить ключевые этапы и тенденции их развития;
- определить особенности конституционно-правового регулирования экологических правоотношений, отражённых в положениях Конституции Республики Таджикистан;
- сформулировать и уточнить понятие и содержание конституционных основ экологического права и определить их место и роль в системе национального права;
- изучить и охарактеризовать принципы конституционного строения экологического права в системе нормативного регулирования Республики Таджикистан;
- провести классификацию конституционных экологических прав человека, проанализировать их место в системе прав и свобод личности;

– выявить и проанализировать основные проблемы и противоречия развития конституционно-экологического законодательства, а также их влияние на эффективность правового регулирования в сфере охраны окружающей среды;

– разработать и обосновать практические рекомендации и предложения по совершенствованию конституционно-правовых механизмов регулирования экологических правоотношений в Республике Таджикистан.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации, охраны и защиты экологических прав и свобод человека и гражданина, а также в сфере государственного регулирования экологических правоотношений на конституционном уровне. В поле внимания исследования находятся правовые механизмы, институты и принципы, обеспечивающие взаимодействие государства, общества и личности в вопросах охраны окружающей среды.

Предметом исследования являются конституционные нормы, принципы и институты, регулирующие экологические правоотношения в Республике Таджикистан, а также их место и роль в системе национального права. В рамках исследования анализируется содержание конституционных положений, определяющих основы экологической политики государства, гарантии экологических прав граждан и механизмов их реализации, а также взаимосвязь конституционно-правовых норм с другими отраслями права, регулирующими экологическую сферу.

Этап, место и период исследования (исторические рамки исследования). В соответствии с приказом МОУ ВО «Российско-Таджикский (славянский) университет» (РТСУ) от «02» декабря 2014 г. № 134 был прикреплен к кафедре государственно-правовых дисциплин РТСУ в качестве соискателя.

Протоколом № 4 заседания кафедры государственно-правовых дисциплин РТСУ от 25 ноября 2023 года была утверждена тема диссертационного исследования: «Конституционные основы экологического права в Республике Таджикистан»; этим же решением определён научный

руководитель доктор юридических наук, доцент Эльназаров Давлатшо Ходжаевич.

Теоретические основы исследования включают в себя научные труды отечественных и зарубежных авторов и базируются на выкладках теоретического и методологического характера, затрагивающих различные аспекты исследуемой проблематики и отражены в научных трудах таких ученых, как: Г.С. Азизкуловой, З. Ализода (З.М. Алиева), Ш.К. Бадалова., Б.С. Гадоева, А.М. Диноршоха, А. Достиева, А.В. Золотухина, З.Дж. Маджидзода, Э.С. Насриддинзода, Д.К. Рашидова, Б.А. Сафарзода, Т.И. Султановой, Ф.Т. Тахирова, А.Г. Холикзода, Р.Г. Шабозова, Т.Ш. Шарипова, Р.Ш. Шарофзода, Д.Х. Эльназарова, С.С. Алексеева, В.В. Лазарева, Н.С. Макаревича, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, Л.С. Явича, С.А. Боголюбова, М.М. Бринчука, А.К. Голиченкова, О.С. Колбасова, О.И. Крассова, В.В. Петрова, Ю.С. Шемшученко, А.С. Шестерюка и других.

Методологические основы исследования. В процессе написания настоящего диссертационного исследования применялись системно-аналитический, сравнительно-правовой, логико-теоретический методы изучения социально-правовых явлений, метод правового моделирования и другие методы правовых исследований. Вышеуказанные методы научного анализа позволили выявить основные эволюционные этапы формирования конституционных основ экологического права, закономерности развития предмета и объекта исследования, а также его взаимосвязь с другими социально-правовыми явлениями.

Эмпирическая предпосылка. В качестве эмпирической основы настоящего диссертационного исследования выступил критически осмысленный научный и нормативный материал, отражающий текущее состояние и актуальные проблемы в области охраны окружающей среды в Республике Таджикистан. Для исследования столь сложной и междисциплинарной проблематики автор использовал достаточно широкий спектр источников, освещающих её различные аспекты. В их числе,

нормативно-правовые акты Республики Таджикистан, регулирующие вопросы охраны окружающей среды, международно-правовые акты, признанные Республикой Таджикистан, законодательные акты зарубежных стран об охране окружающей среды и др.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые в отечественной юридической науке проводится комплексный системный анализ конституционных основ экологического права в Республике Таджикистан, с учётом исторической преемственности, то есть начиная с советского периода до современного этапа развития Республики Таджикистан. В работе обоснована взаимосвязь конституционных норм с экологическим законодательством, выявлены особенности формирования реализации экологических прав человека на конституционном уровне, а также дана авторская классификация конституционных экологических прав и принципов их закрепления. Кроме того, предложены новые научно-обоснованные подходы к совершенствованию конституционно-правовых механизмов охраны окружающей среды и обеспечения экологических прав граждан в условиях современного развития.

Положения, выносимые на защиту. Исследованный материал позволил автору сформулировать следующие положения, выносимые на защиту:

1. Было определено, что конституционные основы экологического права Республики Таджикистан формируются системой взаимосвязанных нормативных предписаний, включающих нормы-принципы, нормы правила и норма-приоритеты, которые в совокупности определяют ценностные ориентиры, направления и механизмы правового регулирования в сфере охраны окружающей среды и использования природных ресурсов. Закрепление приоритетности экологической защиты, рационального природопользования и экологической безопасности как ключевых направлений государственной политики, а также признание природных ресурсов исключительной собственностью государства и возложение на него обязанности по обеспечению их эффективного использования в интересах народа, придаёт экологическим нормам конституционно-правовой характер и обуславливает их

системообразующую роль в развитии национального экологического законодательства Республики Таджикистан.

2. Автором утверждается, что если ранняя система прав человека строилась по секторам – личные, политические, социально-экономические, культурные, то в эпоху климатических изменений она все более тяготеет к интегративной модели, где экологический компонент пронизывает все категории прав человека в совокупности, что, в свою очередь, требует отказа от традиционной иерархии прав человека в пользу концепции экологической взаимозависимости прав и свобод, согласно которой защита окружающей среды становится необходимым условием реализации любого права, а не отдельным направлением правовой политики государства. К таковым правам, в частности, могут быть отнесены такие права как – право на благоприятную окружающую среду, право на природопользование, право на защиту экологических прав и т.д.

3. Обосновывается, что признание значения экологических прав человека неразрывно связано с основополагающими принципами государственного устройства, закреплёнными в статье 1 Конституции Республики Таджикистан, согласно которой Таджикистан провозглашается демократическим государством. Подобное конституционное положение задаёт стратегический вектор развития страны, в котором демократия рассматривается не только как форма политической организации общества, но и как качественная характеристика всей государственной и общественной жизни, включая экологическую политику. В подобном контексте признание и обеспечение экологических прав граждан выступает обязательным элементом реализации демократического принципа, так как демократия немыслима без участия граждан в решении вопросов, затрагивающих их жизненные интересы, в том числе экологические. Реализация права на благоприятную окружающую среду, доступ к экологической информации, участие в принятии и решений и право на судебную защиту в совокупности являются проявлением демократии в экологическом измерении, отражающим тесную связь между конституционным статусом личности и экологической ответственностью государства.

Следовательно, обращение к статье 1 Конституции Республики Таджикистан позволяет сделать важный вывод: экологическая демократия – это конкретное воплощение принципов демократического и правового государства, закреплённых в основном в законе страны.

4. Утверждается, что одной из ключевых проблем современного экологического права является недостаточная интеграция международных экологических стандартов в национальное законодательство Республики Таджикистан, а также низкий уровень институциональной реализации основополагающих принципов современного экологического права, таких как «загрязнитель платит», расширенной ответственности производителей и устойчивого развития. В ряде случаев экологические нормы носят лишь декларативный характер, не обеспечены экономическими механизмами реализации и не подкреплены системой эффективного контроля и ответственности. Однако, несмотря на эти недостатки, тенденции развития экологического законодательства Республики Таджикистан позволяют говорить о формировании предпосылок для его системной кодификации и постепенного обновления. Разработка проекта Экологического кодекса Республики Таджикистан представляет собой закономерный этап институционального развития, направленный на упорядочение нормативного массива и усиления превентивной направленности правового регулирования.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты и выводы диссертационного исследования обладают потенциалом практического применения в контексте дальнейшего развития конституционно-правового регулирования экологических прав в Республике Таджикистан. Выводы, сделанные в ходе исследования, опираются на глубокий и системный анализ научной доктрины, норм национального законодательства и признанных международно-правовых актов. Представленный в работе теоретический материал может служить методологической основой при разработке учебных курсов по таким дисциплинам как «Экологическое право» и «Конституционное

право» в учреждениях высшего профессионального образования Республики Таджикистан.

Степень достоверности результатов исследования. Выводы, сформулированные в рамках настоящей диссертации, опираются на комплексную методологическую базу, охватывающую широкий спектр исследовательских подходов. Достоверность выводов обеспечивается всесторонним осмыслением как национальной, так и зарубежной научно-правовой доктрины, а также глубокой проработкой значительного комплекса нормативно-правовых источников.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Предмет и содержание диссертационного исследования соответствуют паспорту специальности 5.5.2. Конституционное право; конституционный судебный процесс; правовое регулирование местной власти, утвержденного Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан от 25 сентября 2025 года, №10.

Личный вклад соискателя учёной степени. Исследование выполнено соискателем на основе собственной исследовательской инициативы, что выразилось в разработке оригинальных понятийных конструкций по ключевым вопросам темы, а также в апробации основных положений работы посредством публикации и докладов на научно-практических конференциях как международного, так и национального уровня.

Апробация и применение результатов диссертации. Настоящее диссертационное исследование обсуждено на кафедре государственно правовых дисциплин юридического факультета Российско-Таджикского (Славянского) университета. Основные положения, выводы и рекомендации диссертационного исследования проводились поэтапно и получили отражение в докладах и выступлениях автора на международных и республиканских научно-практических конференциях:

А) международные:

– Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современности: взгляд молодежи». – Доклад на тему: «Понятие экологической функции в Республике Таджикистан». Душанбе, 5 мая 2023 г.;

– XI Международная научно-практическая конференция «Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития». – Доклад на тему: «Проблемы классификации конституционных основ экологического права Республики Таджикистан». Душанбе, 31 октября 2023 г.;

– XIII Международная научно-практическая конференция «Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития». – Доклад на тему: «Правовое регулирование лицензирования деятельности в сфере обращения с опасными отходами в Республике Таджикистан». Душанбе, 31 октября 2025 г.;

Б) республиканские:

– Республиканская научно-практическая конференция «Теоретико-правовые основы регулирования экологических прав человека и гражданина в правовой системе Республики Таджикистан и Российской Федерации: конституционно-правовой аспект». – Доклад на тему: «Экологическая основа конституционного строения Республики Таджикистан». Душанбе, 30 апреля 2025 г.

Публикации по теме диссертации. Основные результаты диссертационного исследования изложены в 1 монографии, 11 научных статьях, 6 из которых опубликованы в ведущих журналах, рекомендованных Высшей Аттестационной Комиссией при Президенте Республики Таджикистан, 5 из которых опубликованы в сборниках научных конференций.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из перечня сокращений и условных обозначений, введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, рекомендации по практическому использованию результатов исследования, списка использованной литературы, публикаций по теме диссертации. Общий объем диссертации составляет 184 страницы.

ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

1.1. Формирование конституционно-правовых основ экологического права в советский период развития Таджикистана

История развития конституционного регулирования экологических правоотношений имеет длительную историю в Республике Таджикистан. Основа процесса законодательного регулирования рассматриваемых правоотношений была преимущественно заложена ещё в советскую эпоху, когда в Республике Таджикистан начало формироваться новое законодательство. Безусловно и в дореволюционную эпоху предпринимались попытки каким-либо образом урегулировать вопросы защиты окружающей среды. Как отмечает видный отечественный учёный А.М. Диноршох: «В монархический период в Таджикистане регулирование экологии проявлялось в форме использования указов монархической верхушки для регулирования отношений с природой, в целом общее регулирование устанавливалось в плане владения землёй, охраны природных ресурсов, принадлежащих монарху» [[28], с. 7].

Необходимо отметить, что данные правоотношения начали полноценно и комплексно регулироваться с момента установления Советской власти, когда законодательная база получила свою широкую систематизацию. Советский период развития Таджикистана был отмечен созданием целой системы экологического законодательства, которая включала нормы, направленные на охрану окружающей среды. Однако, здесь необходимо сделать оговорку о том, что активное регулирование защиты окружающей среды нашло своё отражение лишь во второй половине XX века, когда конституционное регулирование экологических правоотношений стали обуславливаться нарастающими проблемами в сфере экологии по всему миру.

Конституция СССР 1924 года заложила основу для создания единого союзного государства и определила полномочия высших органов государственной власти, а также закрепила ряд важных для нашего исследования положений, например, пункт «н» статьи 1 рассматриваемой Конституции давала СССР право устанавливать общие принципы использования земель, недр, лесов и вод на всей территории Советского государства. Безусловно, на тот период становления нового государства не было речи о функционировании прогрессивного экологического законодательства, но именно вышеуказанные конституционные нормы стали основой для дальнейшего законодательного развития страны.

Первая Конституция СССР, которая была принята в 1924 году, имела главной целью сформировать единое государство и создать соответствующие органы управления. Как справедливо отмечает Б. Е. Рошин: «В настоящее время Конституция СССР 1924 г. является одним из важнейших юридических документов истории отечественного государства и права. Данный документ (как и любой исторический документ) представляет определенный интерес и требует объективного изучения и осмысления, ибо, взглядываясь в прошлое и сравнивая его с настоящим, можно проследить определенные закономерности и тенденции развития нашего общества, оценить неоспоримые достижения прошлого, а также учесть негативный опыт и избежать ряда ошибок в настоящем и будущем» [[115], с. 189]. Несомненно, Конституция СССР 1924 г. была основой для принятия дальнейших актов в рамках союзных республик и заложила базис для формирования конституционных основ экологического права, в том числе и в советском Таджикистане. Безусловно, рассматриваемая Конституция имеет исключительное значение не только как правовой акт, но и как историко-политический феномен, сыгравший ключевую роль в формировании новой государственности. Принятие первой союзной Конституции ознаменовало собой переход от революционного «хаоса» к институционализации власти, формированию правовой структуры, способной объединить множество национальных республик в рамках единого

политического и идеологического пространства. В этом смысле, данный документ выступал не просто сводом правовых норм, но и своеобразной программой государственного строительства в области экологического права, в которой впервые была заложена идея наднационального управления в условиях многонациональности народов. Б.Е. Рощин, отмечая роль первой советской конституции, обращает внимание не только на юридическую значимость данного документа, но и на её диалектическую связь с современностью. Историко-правовой подход, предложенный учёным, позволяет рассматривать данную конституцию как источник политико-правового опыта, из которого можно извлечь уроки для развития современных государств возлежания тех или иных ошибок. Ведь как показывает историческая ретроспектива, становление любой конституционной системы сопровождается поиском баланса между централизацией и автономией, между единством государства и самобытностью её частей, то есть вопросами, которые остаются актуальными и по сей день.

Позднее начали приниматься новые законы, и другие нормативно-правовые акты, которые вносили ясность и детализировали вопросы регулирования правоотношений по охране окружающей среды. В 1928 году, были приняты «Общие начала землепользования и землеустройства» [[19]]. Основной целью данного документа было определение порядка использования земли в сельскохозяйственных и иных целях. Тем не менее, в рассматриваемом документе были положения, которые обязывали арендаторов не осуществлять деятельность, которая может привести к истощению земли (Раздел VII). Помимо этого, закреплялась норма о переселении населения на новые земли в целях использования их природных богатств (Раздел IV).

В целом, следует указать, что социалистический период формирования экологического законодательства можно назвать наиболее широким по своему подходу и разноплановым, с точки зрения правового регулирования рассматриваемых правоотношений. Более глубокая модернизация законодательных подходов к данному вопросу, а также активная

нормотворческая деятельность начала осуществляться уже в период независимости.

Ю.В. Осипенков по данному поводу пишет: «Осознание экологической тематики как глобальной проблемы просматривается с 60-х по 80-е гг., в этот период предпринимаются попытки выработать совместные для мирового сообщества решения, призванные стабилизировать ситуацию с ухудшением качества окружающей среды» [[106], с. 10]. На наш взгляд, ученый совершенно справедливо отмечает, что осознание экологической проблематики как глобальной категории, выходящие за пределы национальных интересов, приходится именно на период 60-80-х годов. Именно в это время человечество впервые столкнулось с необходимостью переосмысления своего отношения к природе не как к бесконечному источнику ресурсов, а как к хрупкой экосистеме, от состояния которой зависит само существование человеческой цивилизации. Данное осознание имело не только философско-мировоззренческое, но и правовое измерение, поскольку именно тогда начала формироваться идея экологического права как самостоятельной отрасли, основанной на принципах устойчивого развития, всеобщей ответственности и солидарности государств.

Анализируя данный тезис, мы пришли к выводу, что Республике Таджикистан, как молодому суверенному государству, унаследовавшему экологические проблемы постсоветского пространства, особенно важно учитывать исторический опыт становления глобальной экологической повестки. Следует указать, что конституционные основы экологического права Таджикистана во многом опираются на идею именно той эпохи, когда формировались международные механизмы защиты окружающей среды и универсальные подходы к её охране.

В более широком смысле, период, о котором идёт речь, можно рассматривать как начало экологического самосознания человечества, то есть перехода от антропоцентрической модели развития к экосистемной, где человек перестаёт быть исключительно эксплуатантом природы и становится её ответственным пользователем. Подобная трансформация заложила правовую и

идеологическую основу для закрепления экологических прав человека в конституциях современных государств, включая и Республику Таджикистан. Указанная мысль имеет не только правовое, но и концептуально-философское значение, так как она отражает момент, когда экология из сферы научного познания перешла в сферу правового регулирования и стала одним из ключевых направлений глобальной политики и национального конституционализма.

Хронологию формирования института конституционно-правового регулирования экологического права в Республике Таджикистан можно подразделить в следующем порядке: дореволюционный период до 1917 г., советский период 1917–1991 гг. и современный период независимого Таджикистана с 1991 г. по сегодняшний день.

Необходимо подчеркнуть, что хотя те или иные нормы, касающиеся охраны окружающей среды были и в дореволюционное время, но они не обладали единой органичной классификацией и не были систематизированы. Наиболее активная законодательная деятельность по кодификации данных правоотношений началась уже после принятия первых конституций советских республик.

Уже позднее началась активная нормотворческая деятельность по принятию первых специализированных нормативно-правовых актов, направленных на охрану и рациональное использование природных ресурсов: Декрет об охоте [[10]], Постановление СНК СССР «Об общих началах землепользования и землеустройства» [[19]], «Горное положение СССР» [[9]], Постановление СНК СССР «Об охране и улучшении рыбных запасов СССР» [[20]] и т.д.

На фоне разработки новой законодательной базы в области экологического регулирования шли процессы по размежеванию национальных республик в Средней Азии. На второй сессии ЦИК СССР, состоявшейся 14 октября 1924 года, было принято решение о разделении Туркестанской АССР и Бухарской ССР, в результате чего были образованы Туркменская ССР, Узбекская ССР, и Таджикская АССР в составе Узбекской ССР, а также

Казахская АССР, Кара-Киргизская и Кара-Калпакская автономные области в составе РСФСР. После принятия Конституции СССР в союзных республиках были приняты новые конституции (основанные на концептуальных началах заложенных в Конституции СССР), включая Конституцию Таджикской ССР 1929 года. До этого момента государственное и общественное устройство Таджикской АССР регулировались Конституцией СССР 1924 года и Конституцией Узбекской ССР 1927 года [[136], с. 72].

Принятие Конституции Таджикской АССР (далее – Конституция 1929 г.) 29 апреля 1929 года на II съезде Советов стало важной законодательной вехой в истории страны. Основной закон ввел новые механизмы власти и закрепил принципы равноправия граждан, закрепив тем самым новую идеологию [[74], с. 147].

Действительно, принятие Конституции 1929 года стало одним из ключевых этапов в процессе государственного становления Таджикистана. Рассматриваемый нормативный акт не только закрепил формальные основы государственности, но и ознаменовал переход от автономного статуса к полноценной союзной республике в составе СССР. Конституция 1929 года стала первым документом, в котором Таджикская АССР получила возможность институционально определять собственные органы власти, административно-территориальное устройство и основные принципы функционирования государственного аппарата. В этом смысле данный основной закон можно рассматривать как своеобразный акт политико-правовой самостоятельности, пусть и в рамках централизованной советской модели управления.

Следует указать, что принятие Конституции 1929 года происходило в условиях формирования единой идеологической системы, где конституционные нормы имели не только юридический, но и идеологический характер. Основной закон Таджикской АССР 1929 года формально закреплял равноправие граждан, провозглашал социалистический принцип справедливости и социальной защиты, однако его содержание отражало дух эпохи, то есть приоритета интересов государства над интересами личности,

подчинение всех институтов идеологии коммунистического строительства. Тем не менее, в историческом контексте, этот документ сыграл положительную роль, так как способствовал институционализации таджикского общества, формированию правовой базы для государственного управления, в том числе в области экологии, а также становлению политической и административной идентичности республики.

Гл.1, п.18 Конституции 1929 года закрепляла: «Вся земля, леса, недра, воды, а равно фабрики и заводы, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и средства связи составляют собственность Республики, на основах, определяемых особыми законами Союза Советских Социалистических Республик и верховными органами Узбекской Советской Социалистической Республики и Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики» [[39], с. 302].

Необходимо указать, что вышеуказанная норма, провозглашающая землю, леса, недра и воды собственностью республики, имела не только юридическое, но и глубокое идеологическое значение, так как отражала господствующие на тот момент концепцию социалистической собственности, в рамках которой природные богатства рассматривались как достояние народа, подлежащее управлению от имени государства. Тем самым закреплялась идея полного отказа от частной собственности на природные ресурсы, что рассматривалось как гарантия их рационального и общественно полезного использования.

Очевидно, что, рассматривая норма была продуктом своей эпохи, тех времен, когда государство рассматривалось как единственный субъект, способный эффективно распоряжаться природными благами. Включение в перечень государственной собственности не только земли и недр, но и транспортной инфраструктуры, связи и промышленных объектов, подчёркивало стремление к созданию единой централизованной экономической системы, в которой управление природными материальными ресурсами осуществлялось в интересах социалистического строительства. Исходя из

этого, мы можем утверждать, что в тексте Конституции 1929 года прослеживается тесная связь между экономической и экологической функцией государств, хотя термин «экология» ещё не применялся в правовой теории, тем не менее, сама идея рационального управления природными богатствами уже содержала зачатки будущей правовой мысли.

С научной точки зрения, данная конституционная норма имеет принципиальное значение для понимания истоков отечественного экологического законодательства, так как вопросы владения, пользования и распоряжение природными ресурсами изначально рассматривались в контексте государственной, а не частных интересов, что заложило основу для будущего формирования понятия экологической функции государства, где именно государство выступает гарантом сохранения и рационального использования природных богатств. Впоследствии данная идея трансформировалась в современный конституционный принцип охраны окружающей среды и устойчивого природопользования, закреплённый в основном законе уже независимого Таджикистана.

В связи с этим следует отметить, что Конституцию 1929 года можно рассматривать как исторический прообраз правового принципа государственной собственности на природные ресурсы. Несмотря на идеологическую обусловленность, он стал фундаментом для понимания ответственности государства за сохранение природного потенциала страны. Подобное положение не только сформировало юридическую основу для будущего экологического законодательства, но и предвосхищало концепцию природных ресурсов как общественного достояния, которое сегодня лежит в сердце конституционных основ экологического права Республики Таджикистан.

В дальнейшем была принята Конституция Таджикской ССР 1931 года (далее – Конституция 1931 г.), где были заложены основные принципы, провозглашающие основные направления охраны и использования природных ресурсов в интересах пролетариата. Конституция 1931 г. в главе 1, п. 23

закрепляла практически аналогичную Конституции 1929 г. норму о землях, лесах, недрах, водах и другой собственности, лишь за исключением того, что законодатель исключил из текста рассматриваемой конституции упоминание об Узбекской ССР, так как Таджикская ССР в данный исторический отрезок времени уже официально признавалась в качестве союзной республики с самостоятельной компетенцией.

Тем не менее, следует упомянуть, что Конституция 1931 г. помимо указанной нормы в пункте 24 также закрепляла: «Владение землёй, водой допускается на правах пользования. Права на пользование землёй, водой для введения сельского хозяйства имеют все граждане Таджикской ССР и их объединения, желающие обрабатывать её своим трудом». В пункте 25 также провозглашалось: «Таджикская ССР ставит своей целью реконструкцию сельского хозяйства на социалистических началах: колхозного, совхозного строительства, строительства МТС, развития хлопководства и других технических культур, обеспечивающих быстрое улучшение благосостояния трудящихся масс, укрепление связи трудового дехканства Таджикистана с пролетариатом СССР, развитие промышленности, всех других отраслей народного хозяйства, обеспечивая успешное завершение построения социализма» [[39], с. 368].

Следует указать, что положения новой на тот момент Конституции 1931 года представляют собой значительный этап в эволюции правового регулирования природопользования и отражает характерную для того времени идеологию социалистического преобразования общества. Нормы указанных пунктов не просто регламентировали порядок владения и пользования землёй и водными ресурсами, но и выражали концептуальную основу советского подхода к взаимодействию человека и природы, то есть подчинение природных ресурсов в целях коллективного труда и общественного производства.

Закреплённое в пункте 24 положение о владении землёй и водой «на правах пользования» свидетельствует о полном отказе от права собственности в традиционном, частноправовом смысле. Земля и водные ресурсы уже

рассматривались как исключительная собственность государства, передаваемая гражданам и коллективам лишь во временное пользование. Тем самым формировалась юридическая конструкция, в которой человек не являлся владельцем природы, а лишь её пользователем в рамках общественно-полезной деятельности. Такое положение дел закрепляло принцип государственной монополии на природные богатства, что, с одной стороны, обеспечивало централизованный контроль, а с другой стороны фактически исключало личную ответственность граждан за рациональное природопользование, поскольку субъективные права были подчинены коллективной идее.

В свою очередь, положение пункта 25 Конституции раскрывают идеологическую подоплёку экологической правовой политики того времени. Провозглашая «реконструкцию сельского хозяйства на социалистических началах» и развитие колхозного, совхозного и механизированного земледелия, Конституция 1931 года фактически устанавливала модель интенсивного природопользования, основанного на индустриализации и централизации сельскохозяйственного производства. Экологический аспект присутствует лишь имплицитно, то есть охрана природы подчинена задаче улучшения благосостояния трудящихся масс. Однако, это противоречие между хозяйственным ростом и сохранением природных ресурсов стало впоследствии одним из важных проблем в развитии советского, а затем и таджикского экологического законодательства.

С правой точки зрения нормы Конституции 1931 года можно рассматривать как переход от декларативного признания природных ресурсов государственной собственностью, характерной для предыдущей Конституции 1929 года, к конкретизации правового режима их использования, то есть это был первый шаг к созданию системы государственного регулирования землепользования и водопользования, которая основана на принципах планового хозяйства. Тем самым закладывались предпосылки для будущего формирования экологической функции государства, которая в позднесоветский и постсоветский период получила уже самостоятельное значение.

Резюмируя, следует указать, что Конституция 1931 года не только закрепила экономические основы социалистического природопользования, но и стало своеобразной точкой отчёта становления национальной правовой концепции экологического регулирования. Несмотря на идеологический окрас, её положения сыграли значительную роль в формировании юридического мировоззрения, где природные ресурсы начали восприниматься не просто как средство производства, а как общественное достояние, который требует государственного учёта, рационального использования и дальнейшей правовой охраны.

4 июня 1936 года указом Президиума ЦИК была создана Конституционная комиссия, которая занималась разработкой новой Конституции Таджикской ССР. состав комиссии входили представители различных областей жизни Таджикистана, включая народных депутатов, представителей партийных и общественных организаций, профессоров, ученых и экспертов. Комиссия проводила обширную работу по анализу существующей Конституции, изучению опыта других республик СССР и разработку новых предложений, которые должны были отразить реальную жизнь таджикского народа и соответствовать новой политической ситуации в стране. Результатом работы комиссии стало принятие новой Конституции Таджикской ССР от 1 марта 1937 года (далее – Конституция 1937 года) [[116], с. 148].

Конституция 1937 года содержала сразу несколько положений, которые так или иначе регулировали вопросы пользования природными ресурсами. В статье 6 закреплялось: «Земля, её недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия, а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственные собственности, то есть всенародным достоянием» [[39], с. 439]. Рассматриваемая статья Конституции 1937 года отражает характерную для советской правовой доктрины идею «всенародной собственности» как

юридической фикции, символизирующей исключительное право государства на природные ресурсы. Подобный подход обеспечивал концентрацию полномочий по их управлению в руках органов государственной власти, что, с одной стороны, гарантировало целостность экономического пространства, а с другой – исключало возможность формирования института частной собственности на природные объекты. Вследствие этого экологический аспект в данном периоде имел сугубо производственное измерение, то есть охрана природы подчинялась задачам индустриализации и хозяйственного развития, а не идее устойчивого развития или сохранение экосистемы, характерной для современного периода.

Однако с позиции современного экологического конституционализма такая модель представляется односторонней, так как она не содержала механизмов ответственности государства или должностных лиц за нерациональное использование природных ресурсов и не устанавливала прав человека на благоприятно окружающую среду. Тем не менее именно эта норма стала историческим прологом к развитию публично-правовой концепции экологического управления, где государство выступает основным гарантом рационального природопользования, в чем, собственно, и заключается её особая ценность как раннего этапа эволюции экологического права в советском Таджикистане.

Пункт «л» статьи 15 Конституции 1937 года содержал следующее положение: «Ведению Таджикской Советской Социалистической Республики в лице её высших органов власти и органов государственного управления подлежит установление порядка пользования землёй, недрами, лесами и водами» [[39], 440]. Анализируя данную статью, следует отметить, что она демонстрирует тенденцию постепенного перехода от общей декларации государственной собственности на природные ресурсы, характерной для ранних конституции ТССР, к попытке нормативного распределения компетенции между СССР и союзными республиками.

В данном случае советский законодатель прилагал усилия по созданию управленческой вертикали в сфере использования природных ресурсов. Однако этот пункт, несмотря на формальное закрепление полномочий, носил преимущественно административно-организационный характер и не предусматривал механизмов реального осуществления экологической функции государства. На наш взгляд, данная норма является одним из ранних проявлений территориальной дифференциации природопользования, то есть предпосылки для последующего развития процесса распределения экологических полномочий от всесоюзного центра к союзным республикам, в рамках которого определённые вопросы охраны природы и рационального использования ресурсов передаются местным властям. Тем не менее, в условиях централизованной советской системы подобное распределение полномочий носило декларативный характер и служило в большей степени средством укрепления управляемости природных ресурсов, нежели механизмом их правовой охраны.

Иными словами, норму, приведённую в Конституции 1937 года, можно рассматривать как конституционную фиксацию принципа государственного управления природными ресурсами, но ещё не как проявление экологической ответственности государства. Безусловно, норма статьи 15 Конституции обозначила достаточное значимое направление будущей эволюции – от хозяйственного управления природными богатствами к формированию полноценного института экологического права, где защита природы становится не только функцией, но и обязанностью государства.

Начиная с 30-х годов прошлого столетия наметилась определённая тенденция в части становления всего законодательного комплекса в области регулирования экологических проблем. Государство, после решения основных задач по формированию органов управлений и других базовых вопросов постепенно начало обращать особое внимание к экологической проблематике. К примеру, как пишет Т. Нагибина: «В Советском Союзе одним из важных законодательных актов общесоюзного значения по охране вод было

постановление ЦИК и СНК СССР от 17 мая 1937г. «О санитарной охране водопроводов и источников водоснабжения». Этим законом запрещено всем без исключения предприятиям и учреждениям спускать вредные для здоровья или загрязненные сточные воды в границах зоны санитарной охраны источников водоснабжения, а также в пределах всей территории населенных пунктов» [[101], с. 22]. Приведённая мысль ученого весьма показательна для понимания закономерностей формирования советской экологической политики, в том числе его правового измерения. Уже в период 30-х годов можно наблюдать систематизацию и постепенное формирование законодательного комплекса, направленного на охрану окружающей среды, что свидетельствует о переходе от фрагментарного регулирования к целенаправленной экологической стратегии государства. Постановление ЦИК 1937г. «О санитарной охране водопроводов и источников водоснабжения» представляет собой не только акт технического характера, но также имеет существенное значение, так как заложило правовую основу государственного контроля в сфере природопользования и санитарной безопасности.

С юридикологической точки зрения данный акт можно рассматривать как один из первых шагов к институционализации экологического права, то есть к формированию системы норм, регулирующих отношения между государством, хозяйствующими субъектами и природной средой, так как его появление ознаменовало собой осознание государством того факта, что охрана природы это не только вопрос морали или идеологии, но и правовая необходимость, имеющая прямое влияние на здоровье населения и устойчивость экономического развития. Иными словами, советская власть, решив первоочередные задачи государственного строительства, начало постепенно вырабатывать механизмы правового воздействия на хозяйственную деятельность, с целью предотвращения деградации природных ресурсов государства. Если рассматривать этот процесс в ретроспективе, то становится очевидным, что истоки современного экологического законодательства Таджикистана во многом восходят именно к подобным историческим

нормативным актам. Республики, некогда входившие в состав СССР, участвовали в общей правовой и административной модели природоохранного регулирования, где ключевая роль отводилась государственному надзору и превентивным мерам санитарного характера. Следует указать, что эти подходы впоследствии нашли отражение в национальной системе экологического права Таджикистана, особенно на уровне конституционного закрепления прав граждан на благополучную благоприятную окружающую среду и обязанности государства обеспечивать её охрану.

Можно предположить, что уже в 30-е годы прошлого столетия происходила своеобразная правовая кодификация экологического мышления в СССР, где санитарная охрана источников водоснабжения стала одной из первых форм проявления концепции «экологической безопасности». Несомненно, данное обстоятельство имеет характерное влияние для современного таджикского конституционализма, поскольку демонстрирует эволюцию от административно-командных методов к правовому регулированию, основанному на принципах устойчивого развития, рационального природопользования и защиты здоровья человека как высший конституционной ценности.

Уже в дальнейшем, при укреплении органов государственной власти и усложнения общественных отношений, стали формироваться новые государственные институты, главной задачей которых была охрана окружающей среды. Как пишет по этому поводу Ш.С. Нодирзода: «В Таджикской ССР систему государственного контроля по охране природы осуществляли различные министерства и ведомства (Государственный комитет лесного хозяйства, Управление водного хозяйства, Министерство сельского хозяйства, Управление геологии)» [[103], с. 315]. Мы поддерживаем подобную мысль, так как с развитием государственных институтов власти и укреплением аппарата управления, начался процесс институционализации экологической политики в СССР, в том числе в Таджикской ССР. В рассматриваемом случае наблюдается закономерный процесс эволюции государственного управления,

то есть переход от единичных нормативных актов к формированию целостной системы специализированных органов, наделённых функциями контроля и охраны природных ресурсов. Действительно, с укреплением административного аппарата и усложнением общественных отношений, возникла объективная необходимость создания органов, которые могли бы не просто фиксировать экологические нарушения, но и выстраивать комплексную систему управления природопользования.

Следует подчеркнуть, что упомянутые автором государственные структуры сформировали своеобразный межведомственный механизм экологического администрирования. Подобный механизм, хотя и действовал в рамках централизованной советской модели, фактически заложил основу современного понимания институциональной архитектуры экологического управления. Каждая из указанных ведомств представляла определённую отраслевую компетенцию, и в совокупности они формировали комплексное видение взаимодействия человека и природы, основанное на принципах рационального использования ресурсов и недопущения их истощения.

В контексте развития конституционализма в истории таджикского народа этот период можно охарактеризовать как период формирования первичных элементов экологического государственного механизма. Государство впервые осознало необходимость системного подхода, когда охрана природы уже не является задачей одного органа, а требует согласованных действий разных институтов, подкреплённых правовыми и организационными инструментами. Подобный подход, развивающийся в советскую эпоху, впоследствии оказал прямое влияние на конституционное закрепление принципов экологической безопасности в Республике Таджикистан. Следует отметить, что благодаря советскому опыту была выработана традиция институционального многоуровневого контроля, нашедшего отражение в современных механизмах управления природоохранной деятельностью.

Конституции Таджикской ССР 1929, 1931 и 1937 годов безусловно стали той правовой платформой, которая сформировала общее видение

конституционного регулирования широкого спектра правоотношений на начальном этапе развития советского государства. Тем не менее, особую роль в этом контексте и особенно в части регулирования вопросов экологической направленности сыграла принятая во второй половине XX-го века Конституция Таджикской ССР 1978 года, которая стала новой страницей в истории отечественного конституционализма и сформировала новые подходы к регулированию природоохранной деятельности государства. Более того, рассматриваемый исторический период также характеризуется существенным усилением экологической повестки в большинстве стран мира.

Статья 18 Конституции Таджикской ССР 1978 г. закрепляла: «В интересах настоящего и будущих поколений в Таджикской ССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и её недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды» [[4]].

Уместным будет отметить, что Конституция Таджикской ССР 1978 года стала важнейшей вехой в развитии правового регулирования экологических отношений, ознаменовав переход от ведомственного и отраслевого регулирования к закреплению экологических принципов на конституционном уровне. Впервые в истории таджикского конституционного развития охрана природы получила статус одного из приоритетных функций государства, что отражало новое понимание взаимосвязи между развитием общества и состоянием окружающей среды. Рассматриваемое положение основного закона иллюстрирует осознание того, что природная среда – это не только экономический ресурс, но и основа самого существования человека и общества.

Подобная формулировка основного закона является ярким выражением идеологии «экологического гуманизма», характерного для позднесоветского периода, так как оно формулирует мысль о необходимости не просто охраны природных ресурсов, но и их рационального, научно-обоснованного использования, что говорит о постепенном переходе от сугубо

административного подхода к более комплексному, то есть экологическому и научно-обоснованному. Впервые конституционно закрепляется идея ответственности перед будущими поколениями, что по своей сути является предвестником принципа устойчивого развития, ставшего ключевым ориентиром международного экологического права в конце XX века.

Для Таджикской ССР подобная нормативная конструкция имела не только декларативный, но и символический характер. В условиях интенсивной индустриализации, активного освоения земель и водных ресурсов, а также расширения сельскохозяйственного производства, рассматриваемая Конституция фактически провозгласила необходимость гармонизации экономической деятельности с природной средой. И что немаловажно, подобный процесс свидетельствовал о зарождении в советском правовом сознании того, что сегодня мы можем назвать «экологическим императивом», то есть понимания того, что любое социальное или хозяйственное развитие должно происходить с учётом экологических ограничений.

Проводя анализ в историко-правовой ретроспективе, можно утверждать, что именно конституционное закрепление экологических принципов в тот период в определённой степени заложило основу для будущего конституционного развития уже независимого Таджикистана. Современная Конституция Республики Таджикистан во многом унаследовала данную традицию, закрепив в статье 13 обязанность государства обеспечивать рациональное использование природных ресурсов и охрану окружающей среды. Таким образом, положения Конституции Таджикской ССР 1978 года стало концептуальным предшественником современного экологического конституционализма Таджикистана, где охрана природы рассматривается как высшее государственная и общественная ценность, тесно связанная с правами человека на благоприятную окружающую среду.

Помимо прочего, статья 65 Конституции Таджикской ССР 1978 года закрепляла, что все граждане Таджикской ССР обязаны беречь природу, охранять ее богатства. Несомненно, подобная норма была своего рода

новшеством для советского конституционализма, так как она имела принципиальное значение и свидетельствовала о постепенном переходе от исключительно ресурсного, утилитарного подхода к окружающей среде к признанию необходимости её охраны как общенациональной ценности. Однако, несмотря на прогрессивный характер данной нормы, следует отметить, что она имела преимущественно декларативное значение и не сопровождалось реальными юридическими механизмами её реализации. Обязанность граждан охранять природу не была подкреплена ни системой правовых гарантий, ни разработанными инструментами экологической ответственности. Иными словами, государство возлагало определённые морально-правовые обязанности на население, не обеспечивая при этом адекватных условий для их исполнения.

Вместе с тем, рассматриваемая конституционная норма сыграла заметную роль в формировании общественного восприятия охраны природы как приоритетной государственной задачи, так как она стала своеобразным идеологическим фундаментом, на основе которого в последующие десятилетия развивалось экологическое законодательство. Более того, сам факт включения обязанности по охране природы в текст Конституции ТССР 1978 года свидетельствовало о том, что экологическая тематика постепенно приобретала статус одного из ключевых направлений государственной политики и соответствовало духу второй половины двадцатого века, когда вопросы экологической направленности всё активнее становились предметом обсуждения международного сообщества.

Безусловно, нормы конституций, принятые в период советского правления, содержали отдельные положения, затрагивающие экологические вопросы. Тем не менее, следует указать, что в советской правовой системе вопросы защиты природы и рационального природопользования рассматривались преимущественно как вспомогательные элементы хозяйственной политики, а не как самостоятельная, значимая отрасли права. В центре государственной политики находилось стремление к индустриализации, наращиванию производственных мощностей и освоению природных ресурсов,

что объективно отодвигало экологические аспекты на периферию правового регулирования. По этому поводу Д.В. Дустов справедливо отмечает: «Отсутствие закона об охране природы в Таджикской ССР в годы её существования в Советском Союзе можно объяснить тем, что в то время охрана окружающей среды не была приоритетом» [[69], с. 18]. На наш взгляд, отсутствие специализированного закона об охране природы в Таджикской ССР можно рассматривать как следствие общего подхода союзного государства к вопросам экологии. В то время правовая охрана окружающей среды осуществлялась фрагментарно, то есть через нормы земельного, водного и лесного законодательства, которые имели ярко выраженный ресурсный, а не охранительный характер. Подобный подход отражал технократическое мировоззрение той эпохи, в рамках которого природа воспринималась преимущественно как источник экономического роста, а не как самостоятельная ценность, требующая системной правовой защиты. Указанный факт свидетельствует об отсутствии в советский период чётко сформулированной концепцией экологических прав граждан, а также институциональных механизмов их реализации. Невключение экологических вопросов в систему приоритетных направлений государственной политики создало правовой «вакуум», который стал особенно ощутимым в последующие десятилетия, когда последствия неограниченного освоения природных ресурсов начали угрожать устойчивому развитию общества.

Вышеуказанная авторская мысль наглядно иллюстрирует историческую специфику правового регулирования рассматриваемых правоотношений, а также фундаментальные причины, обусловившие необходимость конституционного закрепления экологических прав и обязанностей в постсоветский период. Именно осознание стратегической значимости окружающей среды для устойчивого развития послужило стимулом для формирования современного конституционно-нормативного экологического законодательства в Республике Таджикистан, основанного на принципах

приоритета охраны природы, рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности граждан.

Резюмируя, необходимо указать, что конституционные акты советского периода, начиная с первой Конституции 1929 года и заканчивая Конституцией Таджикской ССР 1978 года, последовательно закрепляли публично-правовой статус природных ресурсов. Земля, её недра, воды, леса, а также иные природные богатства рассматривались как исключительная собственность государства. Такая модель собственности полностью соответствовала духу социалистической централизованной экономики, в которой именно государство выступало единственным субъектом распоряжения природными ресурсами.

Однако при всём наличии норм, связанных с регулированием природопользования, советский конституционализм не предусматривал индивидуальных экологических прав человека. Природа и её богатства воспринимались как средство обеспечения экономического благосостояния, индустриализации, укрепление народного хозяйства, а не как ценность, требующая самостоятельной правовой защиты. В данной правовой конструкции преимущественно делался акцент на владение и распоряжении, а не на охране и рациональном использовании природных богатств. Более того, в подобной правовой парадигме экологические приоритеты, как правило, отходили на второй план, поскольку государственная политика была ориентирована на достижение плановых экономических показателей, развитию тяжёлой промышленности, сельского хозяйства и инфраструктуры. Лишь в последней в истории советского периода Конституции ТССР 1978 года наблюдается постепенное осознание необходимости охраны природы, что находит отражение, например в норме, предусматривающей обязанности граждан по бережному отношению к природным богатствам. Однако и на этом этапе экологическая составляющая оставалась вспомогательной по отношению к экономическим целям государства.

Таким образом, советский период конституционного развития в области охраны окружающей среды в Таджикистане можно охарактеризовать как этап

государственно-централизованного владения природными ресурсами с минимальной экологической чувствительностью законодательства. Тем не менее, справедливо будет указать, что именно советский период заложил структурные основы для дальнейшего формирования экологического законодательства в Таджикистане, так как определил государственную монополию на природные ресурсы, установил правовые рамки их использования и подготовил почву для перехода к более прогрессивным, экологически ориентированным нормам уже в постсоветское время.

1.2. Развитие и особенности института конституционно-правового регулирования экологических правоотношений в положениях Конституции Республики Таджикистан

С распадом СССР и провозглашением государственной независимости, Республика Таджикистан начала собственный путь развития экологического законодательства. С принятием 6 ноября 1994 года Конституции Республики Таджикистан [[1]] (далее – Конституция РТ) был сделан первый шаг на пути провозглашения новых подходов в законодательном регулировании довольно широкого круга вопросов, в том числе экологических правоотношений.

Как справедливо отмечает Н.С. Боймахмадзода: «Закрепление основных принципов взаимоотношений общества, государства и природы на конституционном уровне не случайно, так как проблемы экологии приобрели актуальность не только на уровне государства, но и в глобальном масштабе. Конституция РТ как Основной закон, устанавливающий основные, ключевые принципы взаимоотношений человека, общества и государства, включает в себя также нормы экологического характера, ибо от уровня экологии зависит существование самого человечества, общества и государства» [[48], с. 86]. Мы поддерживаем данную мысль, так как приведённое высказывание отражает одну из важнейших тенденций современного конституционного развития Таджикистана – интеграцию экологических принципов в систему

основополагающих конституционных норм. Сам факт закрепления экологических положений на конституционном уровне не является случайным или декларативным шагом, на наш взгляд, это результат глубокой трансформаций правового мышления, продиктованной осознанием того, что экологическая безопасность и устойчивое развитие на сегодняшний день стали неотъемлемой частью национальной и глобальной безопасности.

Как пишут российские авторы, исследующие проблематику конституционно-правового регулирования экологических правоотношений: «Определяющую роль в экологической сфере играет Конституция РФ, которая играет центральную роль в обеспечении природоохранной деятельности в регионах через свои основные функции. К их числу относятся: учредительная; регулятивная; духовно-мировоззренческая; обеспечения общественной устойчивости; соединения традиций и модернизации; стратегического целеполагания; систематизации законодательства, права» [[31], с. 72]. Приведённая мысль российских исследователей затрагивает ключевую и концептуально важную мысль о том, что конституция – как системообразующий нормативный акт государства является фундаментом всей экологической политики и правового регулирования природоохранной деятельности. В современных условиях именно она определяет стратегические направления, ценностные ориентиры и правовые рамки, в которых формируется и развивается экологическое право. Конституция не просто провозглашает принципы охраны природы, а структурирует всю систему государственного управления в экологической сфере, задавая вектор для отраслевого законодательства, программ и институтов. Следует указать, что в современной правовой науке подобная позиция является достаточно общепринятой и поддерживается широким кругом исследователей [[43]; [23]; [61]; [67]; [86]; [121]; [118]].

Следует указать, что под учредительной функцией конституции понимается процесс формирования основ государственного экологического строя, закрепления прав собственности на природные ресурсы, распределение

компетенции между различными уровнями власти и определения конституционных обязанностей граждан в области охраны природы. Регулятивная же функция выражается в установлении правовых ориентиров и принципов рационального природопользования, закреплении экологических прав и обязанностей как неотъемлемой части конституционного статуса личности.

Помимо прочего, не менее значимым является духовно-мировоззренческая функция, которая придаёт экологической политике ценностное и культурное измерение. Конституция закрепляет не только правовые, но и моральные ориентиры – уважение к природе, осознание её ценности как основы жизни и ответственности перед будущими поколениями, что формирует общественное восприятие природы не как ресурса для безграничной эксплуатации, а как объекта, требующего бережного отношения и правовой охраны.

Функции обеспечения общественной устойчивости и объединения традиционных основ с модернизацией системы регулирования, отражают баланс между историческими особенностями природопользования и современными требованиями устойчивого развития. В то время как функция стратегического целеполагания задаёт долгосрочные ориентиры экологической политики, то функция систематизации, в свою очередь, обеспечивает согласованность и целостность нормативно-правовой базы, регулирующие экологические правоотношения.

Конституция, будучи ядром правовой системы, задаёт стратегическое направление для развития всей правовой доктрины и законодательства. Включение экологических норм на конституционном уровне отражает смещение парадигмы восприятия природы от объекта неограниченной эксплуатации к признанию её самостоятельной ценности и источника жизни.

Кроме того, конституционное закрепление экологических принципов выполняет важную институционально-правовую функцию – оно формирует обязательство государства по охране окружающей среды и определяет

экологическую ответственность граждан, что способствует выстраиванию гармоничной системы взаимоотношений между человеком, обществом и природой. В условиях глобальных экологических кризисов такая конституционная ориентация является проявлением не только правового прогресса, но и политической зрелости государства. Иными словами, конституционное регулирование экологических отношений представляет собой не только исключительно нормотворческую технику, а выступает в качестве инструмента формирования нового типа правового мышления, в которой экологическая безопасность становится равнозначно политической, экономической и социальной основой стабильности государства.

Конституция Республики Таджикистан закрепляет специальные положения (ст.13,38 и 44), имеющие прямое или опосредованное отношение к экологическим правоотношениям. Соответственно правовое значение содержащихся в ней специальных норм важно оценивать в том числе и с учетом сущности общих положений Конституции, которые так или иначе соприкасаются с вопросами экологической направленности. Уместным будет отметить, что вторая глава Конституции РТ хоть и посвящена правам, свободам и обязанностям человека и гражданина, тем не менее обладает тесной и неразрывной связью с природоохранной сферой, поскольку реализация большинства конституционных прав невозможна по своей сути без обеспечения благоприятной окружающей среды. В этой связи И.О. Давронов пишет: «В Таджикистане сформировалась целостная система прав и свобод человека, которая нашла своё отражение во второй главе Конституции. Однако, развитие современных прав человека не стоит на месте и за последние 30 лет на международном и национальном уровне сформировались новые категории прав человека, среди которых особо выделяются экологические права человека» [[66], с. 38]. Анализируя приведённую мысль автора, необходимо подчеркнуть, что формирование целостной системы прав и свобод человека в Конституции независимого Таджикистана действительно стало одним из ключевых достижений нового этапа развития государства. Вторая глава Конституции РТ

действительно содержит широкий спектр фундаментальных прав, отражающих как классические, так и современные гуманистические права. Однако правовая динамика в сфере прав человека не является статичной, так как она развивается в тесной взаимосвязи с глобальными вызовами, среди которых особое место занимает экологическая проблематика.

Современная международно-правовая доктрина рассматривает экологические права не как второстепенные или производные, а как неотъемлемую составляющую систему основных прав человека, поскольку состояние окружающей среды напрямую влияет на качество и продолжительность жизни, здоровье и безопасность личности. Иными словами, право на благоприятную окружающую среду постепенно трансформируется в структурообразующий элемент современного института прав человека. Очевидно, что для Республики Таджикистан данный процесс обретает особую значимость, так как наша страна обладает уникальными природными ресурсами, включая горные экосистемы, водные артерии, значимые для всего региона, а также уникальное биоразнообразие, от состояния которой зависит устойчивое развитие общества и государства в целом. В связи с этим, закрепление экологических прав в конституционно-правовом пространстве выступает не только юридической необходимостью, но и фундаментальным условием национальной безопасности и социального прогресса.

Мысль о формировании новой категории прав человека, то есть экологических прав, в полной мере отражает актуальные тенденции как международного, так и национального права. Включение и развитие данных прав в рамках конституционно-правовой системы Таджикистана свидетельствует о постепенном переходе от антропоцентрической к эколого-антропоцентрической модели регулирования, где человек и природа рассматриваются не в противопоставлении, а в неразрывном единстве, что позволяет не только расширить содержание прав человека, но и укрепить устойчивую правовую основу для охраны окружающей среды в долгосрочной перспективе.

Очевидно, что для создания соответствующих условий обеспечения потребностей граждан по отношению к достойной экологической среде, государству необходимо систематически вырабатывать и совершенствовать нормативно-правовые акты, гарантирующие экологические права граждан. В этой связи профессор А.М. Диноршоев справедливо отмечает: «С учётом развития общественных отношений и возникновения новых реалий считаем необходимым доработать существующий в Конституции Республики Таджикистан каталог прав и свобод человека и включить в него новые права человека, например экологические права и свободы» [[134], с. 16]. В таком же ключе выступает профессор Д.Х. Эльназаров, который пишет «В отечественной правовой доктрине динамично и системно формируется новая и самостоятельная группа экологических прав, свобод и обязанностей человека и гражданина» [[139], с. 75]. Подобная мысль в научной доктрине всё чаще становится предметом оживлённых научных дискуссий, так как объективно отражает трансформацию в понимании идеи прав человека в условиях современности. Несомненно, институт прав человек чрезвычайно динамичная область правоотношений, которая весьма чувствительна ко многим процессам, происходящих в мире, в том числе, к изменениям в самом понимании факта взаимообусловленности проблем окружающей среды и их сочетанию с вопросами прав человека.

Мысль о включении в Конституцию РТ экологических прав и свобод человека в полной мере соответствует мировой практике, так как многие современные конституции прямо закрепляют право граждан на благоприятную окружающую среду, рассматривая его как неотъемлемую часть права на жизнь и здоровье. На наш взгляд, вышеприведённые авторские тезисы отражают объективную закономерность развития конституционно-правовой мысли в Таджикистане. Включение экологических прав в текст Конституции РТ стало бы не просто формальной новеллой, а свидетельством перехода к новому качественному этапу развития правовой системы, где охрана окружающей среды рассматривается не как вспомогательное направление государственной

политики, а как структурный элемент системы прав и свобод человека. Очевидно, что подобный подход укрепит правовые механизмы защиты экологических интересов личности и общества, а также дополнительно обеспечит устойчивую правовую основу для реализации принципов экологически ориентированного государства.

Конституционно-правовые основы охраны окружающей среды в Республике Таджикистан занимают ключевое место в формировании национальной экологической политики и развитии устойчивого права окружающей среды. Более того, Конституция РТ выступает не только в роли главного акта, определяющего систему государственного устройства и базовых прав, свобод и обязанностей человека, но и служит фундаментом для построения комплексной экологической правовой системы, ориентированной на сохранение природных ресурсов для будущих поколений.

В статье 13 Конституции РТ закрепляется: «Земля, ее недра, вода, воздушное пространство, животный и растительный мир и другие природные ресурсы являются исключительной собственностью государства и государство гарантирует эффективное их использование в интересах народа». Положение данной нормы отражает фундаментальный принцип, согласно которому природные ресурсы рассматриваются как национальное достояние, подлежащее особой охране и рациональному использованию. Отечественный законодатель, предусматривая подобную правовую конструкцию, обозначил стратегическую роль государства как основного субъекта управления природными ресурсами и гаранта их сохранения. Вместе с тем уместно указать, что такая модель правового регулирования, закрепляющая исключительную собственность государства на природные ресурсы, с одной стороны позволяет обеспечить централизованный контроль и стратегическое планирование в сфере охраны окружающей среды, а с другой стороны она требует выстраивания эффективных механизмов государственного управления и подотчётности, без чего существует риск превращения конституционных положений в декларативные нормы. Следовательно, конституционное закрепление

государственной собственности на природные ресурсы должно рассматриваться не как самоцель, а как инструмент формирования сбалансированной системы экологических отношений, в которой государство выступает не только собственником, но и ответственным хранителем природного наследия.

На наш взгляд, провозглашение конституционных основ экологического регулирования стало важным шагом становления экологического права в Республике Таджикистан, так как оно задало общую правовую рамку для дальнейшего развития отраслевого законодательства, ориентированного на обеспечение экологической безопасности и всестороннюю реализацию экологических прав граждан.

Другая норма Конституции РТ предписывает, что охрана природы, исторических и культурных памятников – обязанность каждого (ст.44). Уместным будет отметить, что данная конституционная норма имеет двойную природу, с одной стороны, она носит нормативно-обязывающий характер, закрепляя персональную ответственность граждан за сохранение природных богатств и культурного наследия. С другой же стороны, она выполняет достаточно значимую идеологическую и воспитательную функцию, формируя в обществе экологическое сознание и чувство сопричастности каждого индивида к охране окружающей среды. Немаловажным также является тот факт, что Конституция РТ именно через подобные положения задаёт вектор не только государственной, но и общественной политики в экологической сфере, способствуя созданию комплексной охраны окружающей среды.

Следует отметить, что закрепление обязанности по охране природы на конституционном уровне свидетельствует о признании окружающей среды не просто объектом регулирования, а фундаментальной ценностью, неразрывно связанной с устойчивым развитием общества и государства. Подобная формулировка корреспондирует с международными стандартами, в частности с положениями Стокгольмской декларации по окружающей среде 1972 года и декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 года, где

подчёркивается коллективная ответственность человечества за сохранение экосистемы.

Иными словами, такая формулировка статьи 44 позволяет нам говорить о комплексной природе экологического права в Таджикистане, где наряду с государственными гарантиями особое место отводится участию общества и каждого гражданина в сохранении природного наследия. На наш взгляд, в итоге именно такое взаимодействие государства и общества способно обеспечить реальную эффективность конституционных норм в сфере охраны окружающей среды.

Другим новшеством, которое отсутствовало в конституционных нормах советского периода, является закрепление в статье 38 Конституции РТ нормы об обязанности государства принимать меры по оздоровлению окружающей среды в контексте обеспечения права на охрану здоровья. Содержание рассматриваемой статьи заслуживает особого внимания, так как закрепляет право каждого человека на охрану здоровья и фактически устанавливает значимую взаимосвязь между состоянием окружающей среды и реализацией этого конституционного права. Уже сам факт упоминания об «оздоровлении окружающей среды» в тексте Конституции РТ свидетельствует о признании экологических факторов как одного из ключевых условий обеспечения здоровья граждан и стабильного социального развития. Кроме того, подобная норма отражает современную конституционную-правовую тенденцию интеграции экологических и социальных прав, что особенно актуально в условиях глобальных экологических вызовов. По сути, Конституция РТ устанавливает прямую корреляцию между качеством окружающей среды и уровнем общественного здоровья, возлагая на государство обязанность принимать меры по её оздоровлению. В этом смысле статья 38 Конституции РТ не ограничивается исключительно рамками медицинской помощи, а охватывает более широкий социально-экологический контекст, направленный на формирование благоприятной жизненной среды.

На наш взгляд, включение в текст Конституции РТ положений о мерах по оздоровлению окружающей среды имеет глубокое юридическое и политико-правовое значение, так как оно подразумевает, что забота о здоровье граждан не может быть изолирована от природных условий их существования. Уместно будет указать, что подобная законодательная формулировка также усиливает обязательства государства в сфере экологической политики, превращая их из программных намерений в конституционные обязанности.

Помимо прочего статья 38 Конституции РТ содержит упоминание о развитии массового спорта, физической культуры и туризма, тем самым демонстрируя комплексное видение законодателя в данной области. Экологически благоприятная среда рассматривается не только как условие здоровья населения, но и как ключевой фактор полноценной и активной жизни общества. В совокупности все эти меры формируют основу для понимания здоровья как многогранной категории, включающей не только сугубо медицинские аспекты, но и экологические, социальные и культурные условия существования личности в Республике Таджикистан.

Как пишет М.М. Бринчук: «Показателем социального государства является достойная жизнь каждого человека и общества. В той мере, в какой экологические проблемы затрагивают интересы человека, в частности его здоровье, экологическое является органичной частью социального, что в полной мере относится и к категории «социальное государство», и, соответственно, к качеству жизни» [[54], с. 16]. Следует указать, что подобная позиция отражает чрезвычайно существенный аспект современной правовой доктрины – взаимосвязь социальной и экологической составляющих государственной политики. В условиях стремительного развития цивилизации и возрастающего антропогенного воздействия на природу, обеспечение достойного уровня жизни невозможно без надлежащей охраны окружающей среды. Следовательно, экологический компонент перестаёт быть второстепенным направлением деятельности государства и становится неотъемлемой частью концепции социального государства. Сущность

социального государства заключается не только в предоставлении социальных гарантий и защите социально-уязвимых слоёв населения, но и в создании условий для здоровой, безопасной и устойчивой среды обитания человека. Экологическое благополучие напрямую влияет на качество жизни, продолжительность жизни, здоровье нации, а значит и на устойчивость и стабильность самого общества. Именно по этим причинам современные конституционно-правовые концепции всё чаще рассматриваются через призму экологических прав как структурный элемент социальных прав, а не как изолированная категория. Экологическое измерение является неотъемлемым компонентом социальной функции государства, а качество жизни граждан в современном обществе определяется не только экономическим благосостоянием, но и состоянием природной среды.

В рамках настоящего исследования будет уместным провести сравнительно-правовой анализ конституционных норм Республики Таджикистан и ряда зарубежных стран в области охраны окружающей среды, с целью выявления специфики экологической политики и выявления существующих законодательных пробелов.

Интересным представляется опыт стран Южной Америки в части конституционного регулирования вопросов охраны окружающей среды, так как основные законы довольно большого количества государств указанного региона, помимо схожих положений с Конституцией РТ о праве граждан на благоприятную окружающую среду, закрепляют нормы о практически полном запрете на ввоз в страну опасных отходов. В этой связи Желтов М.В. и Невзоров Т.Б. пишут: «Очень яркой особенностью практически всех южноамериканских конституций является конституционный запрет на ввоз в страну радиоактивных отходов и иных отходов, представляющих опасность для населения». Довольно часто данный запрет дополняется нормой о запрете производства, хранения, продажи и использования ядерного, химического и бактериологического оружия. Такие нормы содержатся в Конституции Аргентины [1, ст. 41], Конституции Парагвая [4, п. 2 ст. 8], Конституции Венесуэлы [2, ст. 129],

Конституции Боливии [3, ст. 344]» [[71], с. 265]. Действительно, приведённая цитата демонстрирует принципиально значимый конституционно-правовой подход стран Южной Америки к вопросам экологической безопасности и охраны окружающей среды. Специфика заключается в том, что государства региона не ограничились в установлении подобных запретов на уровне обычного законодательства, а закрепили их непосредственно в текстах своих конституции, тем самым придали экологическим запретам высшую юридическую силу. Включение подобных положений в нормы основного закона имеет не только юридическое, но и глубокое политико-правовое и ценностное значение, так как свидетельствует о том, что вопросы экологической безопасности рассматриваются как фундаментальные приоритеты национальной политики, напрямую связанные с обеспечением прав человека на жизнь, здоровье и благоприятную окружающую среду. Конституционный уровень регулирования предполагает, что данные запреты становятся непоколебимыми элементами правового строя, изменения которых возможно лишь через сложные и высокозащищённые механизмы конституционных реформ.

Запрет на ввоз радиоактивных и иных опасных отходов, а также на производство и использование ядерного, химического и бактериологического оружия имеет достаточно существенное превентивное стратегическое значение. С одной стороны, он служит эффективным барьером против трансграничного перемещения экологически опасных веществ, с другой же стороны закрепляет принципы экологической ответственности государства перед собственным населением. Стоит отметить, что подобный подход южноамериканских стран выгодно отличает их от многих других государств, где аналогичные положения регулируются нормами обычных законов, и, следовательно, менее устойчивы к политическим изменениям. Таким образом, внесение таких запретов на конституционный уровень позволяет обеспечить более высокий уровень экологических гарантий устойчивости экологической политики государства в долгосрочной перспективе.

Кроме того, Желтов М.В., Невзоров Т.Б. в этой же статье пишут: «Конституция Бразилии прямо указывает на необходимость сохранения генетического наследия страны и осуществление контроля за генетическими исследованиями [7, п. 2 § 1 ст. 225]. В Конституции Венесуэлы говорится о том, что геном живых существ не может быть запатентован и этот вопрос будет урегулирован в отдельном законе [2, ст. 127]. Ещё дальше идёт Конституция Эквадора, в которой содержится прямой конституционный запрет импорта в страну экспериментальных биотехнологий и генетически модифицированных продуктов [6, ст. 15]» [[71], с. 265]. Указанные конституционные положения демонстрируют высокий уровень развития эколого-правового мышления в странах Латинской Америки, где вопросы, связанные с биотехнологиями сохранения генетического разнообразия, приобрели конституционно значимый характер, так как эти нормы отражают осознание того, что генетическое наследие является не только объектом научного интереса, но и элементом национальной безопасности, биоэтики и устойчивого развития общества.

Так, Конституция Бразилии, закрепляя необходимость сохранения генетического наследия и контроля за генетическими исследованиями, закладывает основу для формирования биоэтического правопорядка, в котором научный прогресс соотносится с принципами защиты природы и человека. Здесь очевидна попытка государства сбалансировать интересы научного прогресса и биосферной безопасности, не допуская неконтролируемого вмешательства природных процессов.

Что касается Конституции Венесуэлы, то она делает ещё один шаг в сторону защиты биоразнообразия и генетических ресурсов, исключая возможность патентования генома живых существ. Подобное решение имеет как этическое, так и правовое измерение: оно препятствует коммерциализации самой природы, защищая её от превращения в объект собственности и товарного оборота. Тем самым венесуэльский конституционный подход можно рассматривать как проявление экологического гуманизма, основанного на идее уважения ко всему живому.

Особого внимания заслуживают нормы Конституции Эквадора, которые вводят жёсткий конституционный запрет на импорт экспериментальных биотехнологий и ГМО-продуктов. Подобный шаг можно расценивать как выражение принципа предосторожности, являющегося одним из краеугольных камней международного экологического права. Закрепляя подобную норму, Эквадор тем самым демонстрирует, что защита природных экосистем и здоровья граждан превалируют над экономическими интересами и технологическими экспериментами, которые потенциально могут дать какие-либо преимущества других областях.

На наш взгляд, анализ приведённых конституции позволяет утверждать, что в ряде южноамериканских стран произошёл качественный переход от формального признания экологических принципов к их содержательному и конкретному воплощению в конституционных нормах. Рассматриваемые государства не только закрепляют абстрактные экологические права, они формируют правовую философию, в центре которого находится биосфера как высшая ценность. Подобный подход в конституционно-правовом регулировании экологических правоотношений представляет собой позитивный пример для подражания при дальнейшем совершенствовании экологического законодательства в других странах, включая Республику Таджикистан.

Конституция Швейцарии, регулируя вопросы охраны окружающей среды при эксплуатации земель, в статье 104 закрепляет следующее положение: «Государство в области сельского хозяйства: а) пополняет крестьянские доходы прямыми выплатами для достижения соразмерной компенсации за произведенную продукцию при условии доказанности выполнения экологических требований; б) поощряет экономически целесообразными стимулами формы производства, которые особо близки к природе, сберегают окружающую среду и животный мир; с) издает предписания, обязывающие декларировать происхождение, качество, метод производства и способ переработки продовольственных продуктов» [[17]]. На наш взгляд,

конституционно-правовое закрепление экологических принципов в Швейцарии демонстрирует высокий уровень интеграции природоохранных целей в экономическую аграрную политику государства. Рассматриваемая норма Швейцарской Конституции является примером того, как правовая система может синтезировать экологические и экономические интересы, создавая условия для устойчивого развития сельского хозяйства. Здесь прослеживается не только декларативный, но и инструментальный подход к реализации экологической политики – через экономические стимулы, правовые предписания и социально-ориентированные компенсационные механизмы.

Особое внимание заслуживает акцент на прямых выплатах фермерам при условии соблюдения экологических стандартов. Подобная модель воплощает концепцию экологического контракта между государством и субъектами хозяйственной деятельности, когда защита природы становится не абстрактным идеалом, а предметом конкретных обязательств и взаимных выгод, что, на наш взгляд, отражает зрелый уровень правосознания и экологической культуры общества, где материальная поддержка напрямую увязана с ответственным отношением к окружающей среде.

Поощрение «форм производства, близких к природе» и обязательность указания происхождения способов производства продуктов питания свидетельствуют о системности швейцарского подхода к экологическому регулированию. В данном случае конституция выступает не просто гарантом экологических прав граждан, но и стратегическим документом, направляющим развитие страны в русло принципов устойчивости, прозрачности и биосферной этики.

Для Республики Таджикистан подобный опыт представляет значительный научно-практический интерес, так как в условиях формирования собственных конституционных основ экологического права и необходимости достижения баланса между экономическим ростом и охраной природы, швейцарская модель может служить достаточно прогрессивным правовым ориентиром. Внедрение подобных принципов, то есть экономического

стимулирования экологически ответственного производства, прозрачности цепочек поставок и конституционного признания природных ресурсов как основа устойчивого благополучия, способствовало бы укреплению правовых и институциональных механизмов экологической безопасности страны.

В условиях стремительного роста антропогенной нагрузки на природные экосистемы и глобализации экологических угроз право граждан на информацию о состоянии окружающей среды приобретает ключевое значение как один из базовых элементов экологического правопорядка и демократического государства. Указанное право не ограничивается лишь возможностью получения сведений о состоянии природных ресурсов и факторов воздействия, но и выступает важнейшим инструментом общественного контроля, экологической ответственности и участия населения в принятии экологически значимых решений. Современная правовая доктрина рассматривает доступ к экологической информации как неотъемлемую составляющую реализации конституционных прав человека – в первую очередь, права на жизнь, здоровье и благоприятную окружающую среду. Очевидно, что наличие достоверной и своевременной информации позволяет гражданам не только принимать обоснованные решения в сфере охраны природы, но и требовать от государства и хозяйствующих субъектов прозрачности, экологической ответственности и соблюдения установленных норм.

На наш взгляд, подобная норма имела бы для Республики Таджикистан особое значение, где уязвимость экосистем, дефицит водных ресурсов, процессы изменения климата и высокая в зависимости экономики от природных факторов создают объективную необходимость усиления правовых гарантий экологической безопасности. В таких условиях право на доступ к экологической информации становится не только юридическим институтом, но и стратегическим инструментом укрепления экологической демократии. Следует указать, что подобная норма закреплена в ряде нормативно-правовых актов Республики Таджикистан, таких как Закон Республики Таджикистан «Об

охране окружающей среды» [[11]] (ст. 5, 12, 60), Закон Республики Таджикистан «Об экологической информации» [[13]] (ст. 4), Закон Республики Таджикистан «Об экологической экспертизе» [[14]] (ст. 7, 15, 19), однако правового отражения в Конституции РТ она не получила.

В этой связи представляется позитивным опыт правового регулирования данного вопроса в Конституции Словакии, которая в статье 45 предписывает: «В Словакии информация об окружающей среде должна содержать причины и последствия ее состояния» [[16]]. Уместным будет отметить, что в конституционном и в общем экологическом законодательстве право каждого индивида на своевременную и полную информацию о состоянии окружающей среды является ключевым элементом современного экологического правопорядка. Подобное законодательное предписание отражает не только правовую, но и ценностно-мировоззренческую основу устойчивого развития, поскольку доступ к экологической информации выступает неотъемлемым компонентом реализации других прав человека – в частности, права на жизнь, здоровье и благоприятную окружающую среду.

Следует подчеркнуть, что подобная норма корреспондирует с современными международно-правовыми стандартами, в частности, с положениями Орхусской конвенции [[2]], провозглашающей доступ к экологической информации одним из краеугольных принципов экологической демократии. Нормы данной конвенции предполагают, что граждане перестают быть пассивными наблюдателями экологических процессов и приобретают статус активных участников, способных контролировать деятельность государства и иных субъектов хозяйственной деятельности, а также влияют на принятие экологически значимых решений государства.

На наш взгляд, для Республики Таджикистан закрепление подобного права в Конституции РТ имеет особое значение в контексте уязвимости природной среды и высокой зависимости экономики от природных ресурсов. В условиях роста техногенных нагрузок, изменение климата и трансграничного характера экологических проблем именно механизмы своевременного и

достоверного информирования населения становятся инструментом формирования экологической ответственности общества и укрепления принципов транспарентности государственного управления. Иными словами, право на получение экологической информации следует рассматривать не как факультативную норму, а как структурообразующий элемент конституционных основ экологического права, так как его эффективная реализация требует не только правовых гарантий, но и создания устойчивой институциональной среды – системы мониторинга, доступных информационных ресурсов и механизмов общественного участия. Всё это в совокупности формирует правовую инфраструктуру экологической безопасности и способствует гармонизации отношений между человеком, обществом и природой. В этой связи уместно будет отметить, что включение в перспективе в главу II Конституции Республики Таджикистан, которая посвящена правам, свободам и обязанностям человека и гражданина, новой категории прав – экологических прав человека, а в частности права человека на своевременную и достоверную информацию о состоянии окружающей среды, будет довольно прогрессивным и отражающим современные реалии шагом со стороны отечественного законодателя.

Проведённый анализ эволюции конституционных норм в сфере охраны окружающей среды и природопользования в Таджикистане позволяет сделать ряд концептуально важных выводов, отражающих глубинную трансформацию правового подхода государства к экологическим вопросам.

На ранних этапах государственного-правового развития, то есть в период действия Конституции 1929 года, 1931 года, 1937 года, природные ресурсы рассматривались исключительно как объекты государственной эксплуатации. В конституционных текстах этих лет преобладал хозяйственный подход, ориентированный на индустриальное развитие и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Природа в тот период выступала прежде всего как средство экономического роста, а не как ценность, требующая самостоятельной правовой охраны. Нормы ранних Конституций, принятых в Таджикской ССР, носили декларативный характер и не содержали комплексных

положений, посвященных исключительно вопросам охраны природы, а также не закрепляли экологических прав граждан, так как это было сделано уже в период независимого Таджикистана.

Кроме того, отсутствие в советский период самостоятельных положений об охране природы объясняется историческим контекстом. Приоритетом государства являлась усиленная индустриализация производственного потенциала, а экологическая проблематика находилась на периферии правового регулирования. Даже нормы о государственной собственности на природные ресурсы имели в большей степени экономико-политический, а не экологический смысл.

Следует подчеркнуть, что экологизация конституционного регулирования не является стихийным или изолированным процессом, она представляет собой отражение более широких социальных и экономических политических изменений. В период советской модернизации приоритетом государства была плановая экономика, что закономерно сдвигало акценты правового регулирования в сторону экономического доминирования над экологическими вопросами. Однако с обретением независимости Республика Таджикистан столкнулась с вызовами иного характера: демографическим ростом, нехваткой водных ресурсов, угрозами деградации земель и изменением климата. Все эти факторы в совокупности привели к необходимости осмысления роли окружающей среды как важнейшего элемента национальной безопасности и устойчивого развития государства и общества.

Радикальные изменения в данной сфере произошли после обретения независимости и принятия Конституции Республики Таджикистан 6 ноября 1994 года. С этого момента экологическое измерение стало активным элементом конституционного регулирования. Следует отметить, что немаловажным и достаточно отрадным представляется тот факт, что современная конституционная модель Республики Таджикистан отражает глобальные тенденции в области экологического права. Существующие нормы перестали быть второстепенными и приобрели системный характер, будучи

тесно увязанными с социальными и экономическими правами, что значительно приблизило национальную правовую систему с международными стандартами, где экологические права рассматриваются как неотъемлемая часть прав человека.

Сопутствующей положительной тенденцией современного периода конституционализма выступают положения, закрепляющие экологические обязанности государства и гражданского общества по охране окружающей среды, что свидетельствует о формировании новой правовой философии, в центре которой находится не только экономика, но и человек, его здоровье, качество жизни и гармония с природой.

Тем не менее, следует указать, что несмотря на развитие экологического законодательства и признание значимости охраны окружающей среды на уровне государственной политики, конституционно-правовое регулирование в Республике Таджикистан не в полной мере отражает современные подходы к защите экологических прав человека, так как не содержит в своих положениях такие ключевые экологические права как право на благоприятную окружающую среду и право на достоверную экологическую информацию. В Конституции Республики Таджикистан прямо закреплено право на охрану здоровья, а также указано, что государство принимает меры по оздоровлению окружающей среды, созданием и развитием массового спорта, физической культуры и туризма, однако само право на благоприятную и экологически безопасную окружающую среду и право на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды не выделено как отдельные фундаментальные права и не имеют своего конституционного воплощения. Подобный пробел в положениях отечественной Конституции обуславливает подчинённый и производный характер экологических прав, реализация которых осуществляется преимущественно на уровне отраслевого законодательства. В подобной правовой парадигме право на благоприятную окружающую среду и право на получение экологической достоверной информации в большей степени зависят от усмотрения законодателя и административной практики,

что, очевидно, снижает их эффективность, ограничивает возможности судебной защиты, а также затрудняет применение конституционного контроля в случае нарушения экологических интересов личности.

С учётом современных тенденций развития международного права и сравнительной конституционной практикой достаточно широкого круга государств, в рамках которых право на благоприятную окружающую среду и доступ к экологической информации признаются составной частью системы прав человека и элементом устойчивого развития, отсутствие их конституционного закрепления в Республике Таджикистан рассматривается нами как нормативный пробел, требующий доктринального осмысления и возможного дальнейшего конституционно-правового развития.

Исходя из вышеизложенного и в целях устранения выявленного нормативного пробела представляется целесообразным сделать предложение по дополнению Конституции Республики Таджикистан новой статьей 39¹ и изложить её в следующей редакции: «Каждый имеет неотъемлемое право на благоприятную и безопасную окружающую среду, необходимую для достойной жизни и благополучия. Государство обязано уважать, защищать и обеспечивать это право, проводить эффективную экологическую политику, принимать меры по предупреждению экологического вреда, а также гарантировать доступ граждан к достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды и возможность участия в принятии экологически значимых решений».

Уместно будет также отметить, что современное конституционное регулирование экологических отношений в Республике Таджикистан отражает принципы интегрированного подхода, когда окружающая среда рассматривается не как отдельное направление правовой политики государства, а как сквозной элемент, пронизывающий экономическую, социальную, культурную и международную деятельность государства. Связь между экологией и правами человека, здоровьем населения, экономическим развитием и международным сотрудничеством становится всё более очевидной.

Резюмируя, отметим, что эволюция конституционных норм в сфере охраны окружающей среды в Республике Таджикистан – это не просто правовая хроника, а отражение глубоких социально-исторических процессов, демонстрирующих переход от индустриальной модели эксплуатации природы к современной концепции устойчивого развития и экологической ответственности государства и гражданского общества, что является закономерным этапом правовой эволюции, который формирует основу для дальнейшего укрепления экологического права Республики Таджикистан.

ГЛАВА 2. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ – КАК ОБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

2.1. Понятие и содержание конституционных основ экологического права

Проблематика понятия и содержания конституционных основ экологического права представляет собой фундаментальный теоретико-правовой и практико-ориентированный пласт современного экологического законодательства, определяющий системную архитектуру правового регулирования взаимоотношений между государствами и обществом природой. В условиях стремительного изменения климатических, социально-экономических и геополитических реалий именно конституционные положения выступают концептуальным и нормативным каркасом всей экологической политики государства. Под конституционными основами экологического права понимается совокупность базовых принципов, норм и институтов, закреплённых в основном законе государства, который определяет стратегические направление экологической политики, гарантируют реализацию экологических прав и свобод граждан, а также устанавливают обязанности государства по охране окружающей среды и рациональному природопользованию. Нужно подчеркнуть, что закономерно все вышеуказанные положения образуют своеобразной экологический вектор конституционного развития, задающий рамки и ориентиры для текущего и перспективного совершенствования отечественного законодательства.

Очевидно, что, исследуя данную проблематику в разрезе законодательства Республики Таджикистан, особое значение приобретает анализ эволюции содержания конституционных норм в экологической сфере, поскольку именно они отражают процесс формирования национальной модели правовой охраны окружающей среды. В этом смысле в Конституции Республики Таджикистан заложены ключевые принципы рассматриваемой

отрасли: право каждого на благоприятную окружающую среду, обязанность государства по обеспечению охраны, рациональному использованию природных ресурсов, а также ответственность за причинённый экологический вред. Указанные нормы носят не только декларативный, но и императивный характер, определяя вектор правоприменительной государственной экологической политики. Помимо прочего, анализ доктринальных источников позволили нам сделать вывод, что конституционные основы экологического права выполняют интеграционную функцию, связывая между собой большинство отраслей законодательства в единую правовую систему, тем самым обеспечивая гармонизацию национальных норм с международными экологическими обязательствами. Что не менее существенно, данные нормы создают условия для институционального укрепления правовой охраны природы, внедрение устойчивых механизмов природопользования и обеспечения экологической безопасности Республики Таджикистан. Иными словами, понятия и содержание конституционных основ экологического права представляют собой не статичную юридическую категорию, а динамическую и развивающуюся систему, отражающую как общечеловеческие экологические ценности, так и национальные особенности правового регулирования. Следует отметить, что указанные нормы позволяют не только понять нормативную природу экологических прав, но и определить направление совершенствования законодательства и правоприменительной практики в целях обеспечения экологической устойчивости Республики Таджикистан и межпоколенческой справедливости, провозглашённой в преамбуле Конституции РТ.

В этой связи, будет уместным привести слова Н.С. Боймахамадзода, которая пишет: «Комплексный подход государства к решению экологических проблем и разработка им комплекса концептуальных и методических мер по охране окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности и экологических прав и свобод человека может поспособствовать сохранению той первозданной природы и рационального использования имеющихся ресурсов страны в

условиях современных больших глобализационных катаклизмов» [[49], с. 143]. Безусловно, указанная авторская мысль весьма точно отражает сущностную основу современного экологического правопорядка, подчёркивая ключевую роль комплексного подхода государства в решении экологических вызовов. В условиях стремительного развития глобальных процессов и нарастающих климатических рисков для Республики Таджикистан подобный подход приобретает не только теоретико-доктринальное, но и практическое значение поскольку именно государство является системообразующим субъектом, определяющим стратегию экологической политики и обеспечивающим её нормативно-правовое, институциональное и организационное воплощение.

Комплексность подхода выражается прежде всего в том, что экологические проблемы не могут быть эффективно решены изолированно в рамках одной отрасли права или одного государственного ведомства, речь идёт о формировании целостной межотраслевой и межсекторальной системы, включающей в себя конституционные гарантии, законодательные механизмы, управленческие стратегии и экономические стимулы рационального природопользования. В основе такой системы лежат именно конституционные нормы, выступающие не просто правовыми декларациями, а фундаментальными принципами экологической устойчивости, интегрированными в общую систему прав человека и обязанностей государства.

Особое внимание заслуживает аспект экологической безопасности, который в условиях таких глобальных катаклизмов как изменение климата, деградации земель, дефицита водных ресурсов и других трансграничных экологических рисков, становятся неотъемлемым элементом национальной безопасности. Помимо прочего, конституционно-правовое закрепление приоритетности экологической безопасности позволяют государству действовать не спонтанно, а превентивно, создавая механизмы раннего реагирования, эффективного управления природными ресурсами и защиты экологических прав граждан.

В данном смысле немаловажным является и гуманистическая составляющая, то есть защита экологических прав и свобод человека, что отражает современные тенденции развития экологического конституционализма, когда право на благоприятную окружающую среду рассматривается как неотъемлемое и фундаментальное, наравне с правом на жизнь и здоровье. Очевидно, такой подход требует не только юридического закрепления, но и реальных гарантий со стороны государства через эффективную реализацию экологической политики, мониторинг состояния природной среды и привлечение общественности к процессу принятия экологически значимых решений. Несомненно, в условиях активной глобализации и трансформации самих подходов к природопользованию в Республике Таджикистан, комплексный подход государства становится системообразующим элементом обеспечения экологической устойчивости, так как он предполагает не просто координацию действий различных институтов, но и формирование новой правовой парадигмы, в центре которой находится баланс между экономическим развитием, социальной справедливостью и охраной окружающей среды.

Мы согласны с подобной позицией, так как она органично вписывается в современную доктрину конституционных основ экологического права, так как подчёркивает необходимость перехода от фрагментарного правового регулирования к стратегически выстроенной системе, в которой Конституция Республики Таджикистан может служить не только формальным актом, а «живым» нормативным фундаментом экологической политики государства.

По своему характеру экологическое право является относительно новой областью, которая с каждым годом приобретает специфические для отрасли черты, заметно отличающие её от других областей права. Постепенное развитие экологического права позволяет выявить новое понимание его цели и места в отечественной правовой системе. В этой связи Д.Х. Эльназаров пишет: «Экологические права – это возможность требования обеспечения здоровой, благоприятной экологической среды для полноценного развития личности. К

указанным правам относится обязанность должностных лиц информировать население об угрозах для жизни и здоровья» [[139], с. 77]. Мы согласны с данным утверждением, так как оно отражает один из главных векторов современного экологического правопонимания – от эволюции экологического права из вспомогательной сферы регулирования к самостоятельной, конституционно значимой отрасли, обладающей собственным предметом, методами и целевыми установками. Сущность экологических прав заключается не только в абстрактной юридической возможности, но и в реальном обеспечении благоприятных условий существования личности, что напрямую связано с фундаментальными правами человека.

На наш взгляд, экологическое право в современных условиях выполняет двойственную функцию: с одной стороны, оно направлено на сохранение и восстановление природной среды, а с другой, служит гарантией реализации социальных и личных прав граждан. В отличие от многих других отраслей, оно не ограничивается лишь регулированием поведения субъектов, а встраивается в систему национальной безопасности, здоровья населения и обеспечения социальной справедливости, именно по этим причинам оно становится неотъемлемым элементом конституционного правового пространства государства.

Не менее важную значимость в этой связи приобретает информационная составляющая экологических прав. Право граждан на получение своевременной, полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды является не просто декларативным положением, а выступает в качестве фундаментальной гарантии осознанного участия населения в охране окружающей среды и принятия экологически важных решений. Обязанность должностных лиц информировать общество об угрозах для жизни и здоровья свидетельствует о признании государства не только регулятором, но и гарантом экологической безопасности, несущим публичную ответственность перед обществом.

Помимо прочего, нельзя не отметить, что экологические права, как и сама отрасль экологического права, сформировалась сравнительно недавно и продолжает динамично развиваться в ответ на вызовы текущего века, среди которых особое место занимают проблемы глобального потепления, состояния ледников, дефицита пресной воды, деградации земель, загрязнения атмосферного воздуха и т.д. Все эти процессы в совокупности усиливают значимость конституционного закрепления экологических прав, поскольку именно на конституционном уровне закладываются основополагающие ориентиры, определяющие баланс между развитием и охраной природы.

Исходя из вышеуказанного, закономерно, что экологическое право постепенно трансформируется в одну из ключевых отраслей национальной правовой системы Республики Таджикистан, формируя новое правовое мышление, основанное на идеях устойчивости, предосторожности и публичной ответственности должностных лиц, а экологические права человека, в подобной правовой конструкции становятся неотъемлемой частью современного правового статуса личности, определяющего уровень зрелости правового государства и степень его ответственности перед своими гражданами.

Среди исследователей имеется довольно широкий спектр взглядов относительно существующих подходов к определению правовой природы современного экологического права. В связи с чем, исследуя вопрос об определении места экологического права в общей системе права, будет уместным проанализировать мнение Е.В. Лунёвой, которая пишет: «...экологическое право представляет собой многоаспектную отрасль права, интегрирующую в себе ряд ключевых подсистем. Первая подсистема обеспечивает регламентацию отношений в части охраны природных объектов и окружающей среды – так называемая природоохранная подсистема правовых норм. Другая подсистема – природоресурсная, – раскрывает аспекты использования природных ресурсов и объектов через призму установленных правовых положений» [[88], с. 37]. Мы согласны с подобным утверждением автора, так как в отличие от классических отраслей права, построенных

преимущественно по предметному признаку, экологическое право выступает как интегративная правовая конструкция, которая объединяет несколько взаимосвязанных, но функционально различающихся блоков нормативного регулирования. Автор справедливо выделяет две ключевые подсистемы экологического права – природоохранную и природоресурсную. Первая, природоохранная подсистема, фокусируется на сохранении, защите и восстановлении окружающей среды, включая охрану экосистем, биоразнообразия, атмосферного воздуха, водных ресурсов, земель, лесов и иных природных объектов. Рассматриваемая система пронизана идеями устойчивого развития, предосторожности и признания природы как ценности, обладающей самостоятельным значением. В рамках данной подсистемы особое место занимают конституционные и международные экологические стандарты, которые задают базовые ориентиры для национального законодательства. Вторая же подсистема имеет утилитарный характер и направлена на правовое регулирование процессов рационального использования природных ресурсов, то есть земли, недр, воды, лесов и других элементов природной среды. Здесь акцент делается на установлении правового режима владения, пользования и распоряжения природными объектами, определении прав и обязанностей субъектов хозяйственной деятельности, а также на обеспечении баланса между экономическими интересами и экологическими ограничениями.

В этом смысле особенность экологического права как отрасли состоит в том, что обе подсистемы не существуют изолированно, между ними существует постоянное взаимодействие и взаимовлияние, то есть эффективное использование природных ресурсов невозможно без их охраны, а охрана природной среды, в свою очередь, требует юридического регулирования хозяйственной деятельности. Таким образом, экологическое право представляет собой гибридную правовую систему, находящуюся на пересечении публичного и частного права, материальных и процедурных норм, национальных и международных правовых механизмов.

С научной точки зрения, подобная двойственная природа экологического права свидетельствует о его особом месте в системе права Республики Таджикистан. С одной стороны, оно выступает как самостоятельная отрасль, формирующая собственный понятийный и категориальный аппарат, систему принципов и институтов. С другой стороны оно интегрирует правовые элементы из других отраслей (административного, гражданского, земельного, водного и международного права), создавая тем самым комплексный правовой механизм регулирования. Именно эта интегрированная сущность и позволяет экологическому праву адекватно отвечать на многоаспектные вызовы современности: от деградации земель и дефицита водных ресурсов до глобальных изменений климата и трансграничных экологических угроз. Поэтому в научной и правоприменительной плоскости оно требует особого методологического подхода, основанного на межотраслевом взаимодействии и гармонизации национальных норм с международными обязательствами государства.

Тем не менее, как отмечает Д.А. Караев: «...точка зрения Е.В. Луневой находит сопротивление у иных представителей научной общественности (Харламова С. И. [[123], с. 66], Шубников Ю. Б. и Щепашенко А. С. [[130], с. 19]), которые интегрируют в состав норм экологического права положения лесного, водного, земельного законодательства, интерпретируя перечисленный свод норм в качестве институтов или подотраслей экологического права. Приведенную точку зрения нельзя считать единственно верной. Безусловно, если руководствоваться тем, что экологическое право аккумулирует в основе своего регулирования природоохранные и природоресурсные отношения, то включение в состав анализируемой отрасли права на землю, воду, фауну, леса в качестве объектов, подлежащих охране и бережному использованию, будет обоснованным» [[79], с. 103]. Рассматриваемая дискуссионная позиция исследователей представляет собой довольно значимый этап в формировании научной доктрины экологического права, поскольку поднимает вопрос не только о содержательных, но и о структурно-отраслевых границах данной

правовой отрасли. Вышеуказанные авторы рассматривают экологическое право, как своеобразный «надотраслевой» регулятор, в которой целесообразно интегрировать положение лесного, водного, земельного и иного природоресурсного законодательства, тем самым предлагается рассматривать природоресурсные институты не как самостоятельные отрасли, а как составные элементы экологического права, формирующие его внутреннюю структуру.

На наш взгляд, подобный подход имеет как сильные, так и уязвимые стороны. Положительная сторона заключается в стремлении к систематизации и унификации правового регулирования природопользования и охраны окружающей среды, что, безусловно, актуально для государств, в том числе и для Республики Таджикистан, где экологическое законодательство характеризуется фрагментарностью, отраслевой разобщённостью и недостаточной координацией между нормативными актами различных направлений. Объединение природоресурсных блоков под эгидой экологического права способствует созданию единого концептуального поля правового регулирования, где охрана окружающей среды и рациональное использование природных богатств будут рассматриваться как взаимосвязанные элементы единой государственной экологической политики.

Однако ограниченность подобного подхода проявляется в том, что он размывает отраслевые границы и может привести к нивелированию специфики отдельных отраслей права, таких как земельное, водное или лесное. Каждая из этих отраслей имеет самобытный предмет правового регулирования, собственный понятийный аппарат, систему норм и правоприменительную практику. Очевидно, что их полная интеграция в экологическое право чревато потерей отраслевой идентичности и снижением эффективности правового регулирования в специализированных областях природопользования.

Мы считаем, что наиболее взвешенным видится компромиссный подход, при котором экологическое право сохраняет свою интегративную функцию, аккумулируя ключевые принципы и нормы охраны окружающей среды, а природоресурсные отрасли – сохраняют относительную самостоятельность,

выступая как взаимосвязанные, но структурно-обособленные элементы единой системы экологического регулирования. Подобный подход позволит учитывать как межотраслевой характер экологического права, так и необходимость уважения специфики регулирования отдельных видов природных ресурсов.

Анализ правовой природы экологического права как самостоятельная отрасль представляет собой исключительно важное направление научного дискурса, поскольку от точности категориального аппарата во многом зависит согласованность, системность и эффективность всей нормативной конструкции в экологической сфере. Уместным будет указать, что достаточно серьезное значение в данном контексте приобретает толкование конституционных норм, так как именно Конституция РТ закладывает концептуальную основу правового регулирования отношений между человеком, обществом и природой.

Исследуя вопрос определения понятий и правовой природы рассматриваемой отрасли, необходимо обратить внимание на тот факт, что Конституция Республики Таджикистан оперирует рядом ключевых понятий, такими как «природные ресурсы» (ст. 13), «окружающая среда» (ст. 38) и «охрана природы» «ст. 44». На наш взгляд, данные категории не носят случайного характера, так как они формируют стержневой понятийный фундамент будущего отраслевого регулирования. Каждая из них раскрывает отдельный аспект сложной и многослойной системы отношения в экологической сфере.

Так категория «природные ресурсы» отражает материальную основу экологических правоотношений, поскольку именно ресурсы – земля, вода, леса, недра, флора и фауна – выступают ключевым объектом государственной защиты и рационального использования. Категория «окружающая среда» выходит за рамки чисто ресурсного понимания и охватывает экологическое качество среды обитания человека, её устойчивость и гармоничное развитие. Наконец, «охрана природы» представляет собой нормативно закреплённое обязательство государства и общества сохранять естественные экосистемы и обеспечивать их восстановление в интересах нынешних и будущих поколений.

Дискуссионность названия отрасли права – «экологическое право», «природоохранное право» или «право окружающей среды» отражает глубину и многоаспектность данного правового феномена. Ранние подходы рассматривали данную отрасль преимущественно как совокупность природоохранных норм, направленных на сохранение природных объектов. Однако современное понимание, подкреплённое конституционными положениями, показывает, что речь идёт не только о защите природы, но и о регулировании комплексных общественных отношений, связанных с рациональным использованием ресурсов, обеспечением экологической безопасности и реализацией экологических прав человека. Тем не менее, мы считаем, что термин «экологическое право» представляется более широким, концептуально ёмким и адекватным современным реалиям, чем термин «природоохранное право». Так как он позволяет отразить интегративный характер отрасли, сочетающий как охранные, так и ресурсные, социально-правовые и экономические механизмы регулирования. Конституционные категории при этом выполняют роль смысловых опор, на которых строится отрасль в целом. Следовательно, анализ понятий «природные ресурсы», «окружающая среда» и «охрана природы», закреплённые в Таджикистане на конституционном уровне, позволяют утверждать, что экологическое право Республики Таджикистан – это не вторичная производная от иных отраслей права, а самостоятельная, комплексная и динамичная отрасль, обладающая собственным предметом, методом и системой принципов.

На доктринальном уровне, как мы уже отмечали, нет единого подхода к понимаю сферы действия экологического права и его основных категорий. Различные исследователи, трактуют данную сферу правоотношений по-разному, к примеру, такие учёные как О.С. Колбасов, Ю.С. Шемшученко [[32], с. 64], А.С. Тимошенко [[45], с. 95] обосновывают корректность использования категории «Право окружающей среды». Действительно, вопрос о предпочтительности терминов «экологическое право» и «право окружающей среды» носит не только лексико-семантический характер, но и отражает

глубинные концептуальные установки существующей правовой доктрины. В научной среде дискуссия между сторонниками этих понятий ведётся давно, и она затрагивает как предметное содержание отрасли, так и её методологические основания. С одной стороны, использование категории «экологическое право» отражает устоявшуюся отечественную правовую традицию и акцентирует внимание на охране окружающей среды как элементе экологической системы. Термин «экологическое право» чётко указывает на взаимосвязь между природной средой и экологическими отношениями, концентрируясь преимущественно на регулировании вопросов охраны, рационального использования природных ресурсов, предупреждения экологических угроз и обеспечения устойчивого развития. Рассматриваемый термин хорошо корреспондирует с конституционными положениями Республики Таджикистан, где закреплены такие категории как «природные ресурсы», «окружающая среда» и «охрана природы», что обеспечивает системность и преемственность правового регулирования.

С другой стороны, термин «право окружающей среды», активно продвигаемый вышеуказанными учёными, имеет более широкий концептуальный охват, так как он фокусируется не только на охране природы, но и на комплексном правовом регулировании взаимодействия человека и среды его обитания, включая социально-экономические, культурные и даже духовные аспекты. Указанное понятие ближе к современным международным тенденциям, где экологическое регулирование интегрировано в политику устойчивого развития, права человека и глобальное экологическое управление.

Следует подчеркнуть, что если термин «экологическое право» акцентирует внимание на природных объектах и ресурсах как объекте охраны, то «право окружающей среды» делает центральным субъектом регулирования человека, его право на благоприятную окружающую среду и механизмы реализации этого права. Таким образом, мы можем заключить, что второй термин в большей степени соответствует антропоцентрическому и

интегративному подходу, характерному для современного международного экологического права.

С учётом конституционных формулировок в национальной правовой системе Республики Таджикистан, использование термина «экологическое право» представляется более традиционным и институционально закреплённым. Однако с учётом глобализации экологических проблем и усиления значения права на благоприятную окружающую среду, как фундаментального права человека, концепция «права окружающей среды» также может рассматриваться как перспективное направление развития природоохранной доктрины.

На наш взгляд, в данном случае научно оправданным видится комбинированный подход, при котором термин «экологическое право» продолжает использоваться как базовое обозначение отрасли национального права, а «право окружающей среды» – как доктринальная категория, отражающая расширение её предметных границ и приближение к международным правовым стандартам, что позволяет обеспечить как преемственность, так и прогрессивное развитие правовых мыслей в данной области правоотношений.

Еще одним явлением, который наглядно демонстрирует постепенное и системное развитие рассматриваемой отрасли в качестве самобытной сферы правоотношений, является мнение ряда учёных о существующей тенденции «экологизации» права. В этом смысле один из видных российских учёных в области экологического права В.В. Петров пишет: «Под экологизацией нормативно-правовых актов надо понимать внедрение эколого-правовых требований в содержание, правовую ткань нормативно-правового акта» [[37], с. 95]. Анализируя вышеприведённую авторскую мысль, следует отметить, что проблема кодификации и экологизации законодательства представляет собой ключевое звено в формировании современной правовой системы, отвечающей вызовам глобальных экологических угроз. Термин «экологизация», используемая в научном обороте современной доктрины, отражает не просто

тенденцию к укреплению эколого-правовых начал в отдельных нормативных актах, но и более глубокий, концептуальный сдвиг – переориентацию всей системы права в сторону устойчивого развития и охраны окружающей среды.

На наш взгляд, подобный подход возможно рассматривать как существенный шаг от узкоотраслевого регулирования природопользования к интегрированному правому регулированию, где экологические императивы становятся общеправовым принципом. Современные сторонники данной концепции обоснованно указывают на то, что интенсивное расширение сферы действия экологических требований ведёт к формированию так называемого «экологизированного права», то есть над отраслевого правового явления, охватывающего всю систему права и проникающего в такие традиционные отрасли, как гражданское, административное, уголовное, земельное и другие. В этом смысле «экологизация» не ограничивается исключительно экологическим правом как таковым, а становится универсальным принципом правового регулирования, влияющим на всю правовую систему в целом.

Следует, однако, критически отметить, что в ряде работ экологизация нередко абсолютизируется, рассматривается как явление исключительно «экологического происхождения». Подобный подход был уместен на раннем этапе становления экологического права, когда оно позиционировалось как особая отрасль, соединяющая в себе природоохранные и природоресурсные элементы. Однако современная правовая реальность свидетельствует о более широкой тенденции – взаимопроникновении отраслей права, формировании комплексных правовых институтов и гибридных правовых режимов.

Экологизация в этом смысле выступает частным случаем более глобального правового процесса – интеграции и конвергенции правовых норм. Примером может служить включение экологических стандартов в хозяйственное и градостроительное законодательство, внедрение экологических требований в систему государственного управления и экономического регулирования, усиление экологического компонента в праве собственности и ответственности.

Иными словами, экологизация современного законодательства это не просто инструмент усиления экологического права, а один из ключевых механизмов трансформации всей правовой системы в сторону экологически ориентированного развития государства. Для Республики Таджикистан это особенно актуально, поскольку эффективное внедрение экологических принципов в различные отрасли законодательства позволяет не только повысить уровень правовой охраны окружающей среды, но и сформировать целостную концепцию «зелёного права» – права, способного отвечать на современные вызовы экологической безопасности. Мы считаем, что в долгосрочной перспективе, «экологизация» может стать не столько доктринальной категорией, сколько фундаментальным принципом национальной правовой системы, аналогично принципу верховенства права или принципу законности, что в свою очередь, позволит экологическим императивам не замыкаться в границах одной отрасли, а пронизывать всю систему правового регулирования, становясь ключевым элементом правовой политики Республики Таджикистан.

Исследуя вопросы правовой природы конституционных основ экологического права, А.Ж. Нурутдинова высказывает довольно интересную мысль: «...в составе экологического права главным образом можно выделить отраслевые и комплексные отношения, составляющие суть взаимодействия общества и природы и обеспечивающие в симбиозе друг с другом новое качество окружающей среды, о важности которой говорится в Конституции РФ» [[104], с. 81]. Мы считаем подобную мысль уместным, так как в ней чётко прослеживается глубокое понимание системного характера экологического права, которое формируется на стыке отраслевых и комплексных правоотношений. Указанный подход представляется концептуально оправданным, поскольку экологическое право по своей сути не ограничивается рамками регулирования отдельных природных объектов – оно охватывает всю совокупность отношений, возникающих в процессе взаимодействия общества и окружающей среды.

Отраслевые отношения образуют фундаментальную основу экологического права, обеспечивая правовой режим отдельных природных ресурсов – земли, недр, лесов, водных объектов, животного и растительного мира. В совокупности все эти отношения исторически сложились как базовые и регулируются специализированными правовыми институтами, в которых нашли отражение принципы рационального использования, охраны и воспроизводства природных богатств. В основе их регулирования лежит идея устойчивого баланса между экономическим развитием государства и сохранением экосистем, то есть идея, закреплённая в конституционных положениях большинства стран СНГ, в том числе Республики Таджикистан.

В свою очередь, комплексные правоотношения носят интегрированный характер, выходя за рамки регулирования отдельных природных объектов, так как они проявляются в регулировании охраны природных территорий, заповедных зон, санитарных поясов и других природных комплексов, где взаимодействие экосистем требует синергетического подхода. Подобные правоотношения обеспечивают не просто охрану конкретного ресурса, а сохранение экологического равновесия в системе в целом, что особенно уместно в условиях растущего антропогенного давления.

Очевидная научная значимость подобного деления заключается в том, что оно позволяет глубже понять внутреннюю структуру экологического права, выявить механизмы его функционирования и определить приоритетные направления дальнейшей кодификации и совершенствования законодательства. В условиях глобальных экологических вызовов комплексные правоотношения становятся особенно актуальными, так как они обеспечивают системную защиту экосистемы, а не фрагментарно охрану отдельных компонентов.

Для Республики Таджикистан подобное разграничение имеет довольно существенное значение, так как наша страна, обладая уникальными природными условиями и особой горной экосистемой, нуждается в чёткой системе правового регулирования, которая бы сочетала отраслевую детализацию с комплексным подходом. На наш взгляд, только в этом случае

можно достичь реального баланса между интересами общества и необходимостью сохранения экологической стабильности государства.

Анализируя вышеприведённый авторский тезис, можно с уверенностью утверждать, что сочетание отраслевых и комплексных экологических правоотношений образуют институциональную основу действующего экологического права, обеспечивая его целостность, гибкость и способность адаптироваться к вызовам современности, что в свою очередь, позволяет рассматривать экологическое право не как узкую отрасль, а как динамичную, межотраслевую систему, отражающую стратегическую значимость охраны окружающей среды в конституционном измерении.

Конституция Республики Таджикистан в статье 10 закрепляет, что международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы республики. В этом смысле необходимо подчеркнуть, что достаточно широкий перечень существующих понятий и принципов, закреплённых в отечественном экологическом законодательстве, является закономерным следствием постепенной имплементации норм международного экологического права в правовую систему страны. В этой связи интересным представляется мнение Т.И. Макаровой, которая пишет: «Национальное экологическое право изначально развивается в русле принципов и норм международного права окружающей среды. Базовые правовые идеи, лежащие в основе эколого-правового регулирования, восприняты из международного права. Это касается таких ключевых понятий, как «окружающая среда», «право на благоприятную окружающую среду», «устойчивое развитие» и др. Появление целых направлений (институтов, подотраслей) в праве: охрана озонового слоя, климата, биологического разнообразия, экологическая безопасность генетически измененных организмов – связано с принятием международных норм об охране окружающей среды. По сути, формирующиеся в международном праве подходы к охране окружающей среды воспринимаются как доктринальная основа для разработки национального законодательства» [[92], с. 210]. Мы

поддерживаем подобную позицию, так как именно международное право выступает методологическим ядром, определяющим вектор развития национального экологического законодательства, включая нормативно-правовую систему Республики Таджикистан, так как она формирует своеобразный фундаментальный каркас, на котором строятся национальные эколого-правовые институты, адаптируемые с учётом особенностей правовой системы и социально-экологических реалий конкретного государства.

Здесь также необходимо подчеркнуть специфику международных норм и принципов в сфере охраны окружающей среды, так как они выполняют двойственную функцию. Во-первых, указанные нормы задают универсальный стандарт поведения государства, тем самым обеспечивая согласованность действий в глобальном масштабе. И во-вторых, они становятся доктринальной основой для формирования внутренней правовой политики в области экологических правоотношений. В этом контексте такие понятия, как «право на благоприятную окружающую среду», «устойчивое развитие», «экологическая безопасность» и т.д., приобретают универсальный характер, закрепляясь не только в международных договорах, но и в конституционных и законодательных актах государств. Для Республики Таджикистан процесс взаимосвязи национального и международного права особенно актуален в силу трансграничного характера многих экологических проблем, современные вызовы не могут быть эффективно решены исключительно на национальном уровне, так как они требуют действий в рамках соответствующих международных соглашений и программ. В этом смысле международное экологическое право не просто оказывает влияние, а становится неотъемлемый элемент национальной правовой системы.

Представляется, что помимо прочего, международное право оказывает структурирующее воздействие на институциональную архитектуру национального законодательства, способствуя формированию специализированных институтов и подотраслей, таких как регулирование охраны климата, биоразнообразия, озонового слоя и т.д. Очевидно, что все эти

направления в совокупности возникли не как результат внутренней правовой эволюции, а как реакция на международные правовые обязательства государства и глобальные экологические тенденции.

Можно утверждать, что современное международное право выступает не только источником правовых норм, но и ключевым элементом процесса совершенствования национальных правовых систем в сфере экологии, так как оно задаёт концептуальные ориентиры, формирует принципы и способствует гармонизации правовых режимов большого количества государств. В свою очередь, для Республики Таджикистан подобная парадигма межгосударственных отношений предполагает необходимость не только имплементации международных обязательств, но и их органического встраивания в конституционные и законодательные основы экологического права, что в перспективе призвано способствовать выстраиванию более действенной системы, которая сможет своевременно отвечать на глобальные экологические вызовы и укреплять правовые механизмы международного сотрудничества в природоохранной сфере.

Исследуя столь комплексную проблематику в рамках нашего диссертационного исследования, уместным будет указать, что конституционно-правовая база современного экологического права формируется совокупностью нормативных предписаний, охватывающих нормы-принципы, регулятивные нормы (нормы-правила) и нормы, закрепляющие приоритеты государственной политики в рассматриваемой области правоотношений (нормы-приоритеты). Приведённые категории конституционных норм определяют концептуальные ориентиры правового регулирования, устанавливают базовые правила и иерархию ценностей в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования.

Нормы-принципы в системе экологических прав выполняют функцию фундаментальных нормативных ориентиров, закрепляющих базовые ценностные установки и идейные начала соответствующей отрасли права, так как их содержание охватывает, в частности, концепцию устойчивого развития,

приоритетность принимаемых мер по охране окружающей среды по отношению к иным публичным и частым интересам, превентивный характер экологической защиты, а также принцип межпоколенческой ответственности, вытекающей из преамбулы отечественной конституции. Конституционные предписания могут рассматриваться не только как нормы прямого действия, регулирующие конкретные общественные отношения, и не исключительно как методологическая основа отраслевого правового регулирования, но и как самостоятельные конституционные принципы, определяющие направление развития правовой системы в целом.

В качестве норм-правил можно выделить конкретные нормативные положения, которые по своему содержанию возлагают на государство обязанность по оздоровлению окружающей среды (ст.38 КРТ) или устанавливают конкретные обязанности граждан по охране природы (ст.44 КРТ).

И наконец в системе экологического права нормы-приоритеты закрепляют ключевые векторы государственной деятельности в сфере охраны окружающей среды и обращения с природными ресурсами. Очевидно, что их функциональное назначение заключается в формировании иерархии публичных целей, в рамках которой экологическая защита признаётся одним из приоритетных направлений государственной политики. В данном случае закрепление приоритетности охраны окружающей среды корреспондирует с положениями статьи 13 Конституции РТ, согласно которой: «Земля, её недра, вода, воздушное пространство, животный и растительный мир и другие природные ресурсы являются исключительной собственностью государства и государство гарантирует эффективное их использование в интересах народа» [[1]]. Подобная правовая конструкция придаёт экологическим нормам-приоритетам конституционно значимый характер и предопределяет публично-правовую направленность регулирования природопользования и природоохранной деятельности.

Таким образом, конституционные основы экологического права Республики Таджикистан формируются системой взаимосвязанных нормативных предписаний, включающих нормы-принципы, нормы правила и норма-приоритеты, которые в совокупности определяют ценностные ориентиры, направления и механизмы правового регулирования в сфере охраны окружающей среды и использования природных ресурсов. Закрепление приоритетности экологической защиты, рационального природопользования и экологической безопасности как ключевых направлений государственной политики, а также признание природных ресурсов исключительной собственностью государства и возложение на него обязанности по обеспечению их эффективного использования в интересах народа, придаёт экологическим нормам конституционно-правовой характер и обуславливает их системообразующую роль в развитии национального экологического законодательства Республики Таджикистан.

В обобщённом виде анализ всей совокупности затронутых нами вопросов в настоящем параграфе позволяет сделать следующий вывод о том, что конституционные основы экологического права Республики Таджикистан представляют собой не просто набор декларативных положений, а системный фундамент, на котором строится вся экологическая политика и правовое регулирование государства. Конституция Республики Таджикистан, закрепляя такие ключевые категории как «природные ресурсы», «окружающая среда», «охрана природы», формирует ценностно-правовую основу, задающую стратегический вектор развития экологического законодательства и определяющую приоритеты государственной деятельности в данной сфере.

Современные вызовы, среди которых можно выделить процесс таяния ледников, опустынивания и деградации земель, загрязнения водных ресурсов, обуславливают необходимость не просто формального соблюдения норм, а выстраивания эффективных, устойчивых и комплексных механизмов экологической защиты, встроенных в конституционно-правовую систему. Именно в этой связи особое значение приобретает процесс экологизации права,

то есть внедрения экологических требований и принципов в другие отрасли законодательства, что придаёт правовой системе целостность и межотраслевой характер.

Вышеуказанные экологические вызовы закономерно способствуют тому, что формирование национальной экологической системы Республики Таджикистан становится невозможной без интеграции международных правовых норм, которые не только задают ориентиры, но и обеспечивают согласованность национальных мер с глобальными экологическими стратегиями. В этой связи принципы устойчивого развития, право на благоприятную окружающую среду, охрана биоразнообразия и климатическая безопасность становятся доктринальной основой для совершенствования правовой архитектуры Республики Таджикистан.

На наш взгляд, экологическое право находится в процессе динамичной трансформации, от узкопредметного регулирования природопользования к формированию комплексной конституционно-правовой системы, основанной на синтезе национальных и международных принципов, экологизации законодательства и стратегическом понимании устойчивого развития. Подобная комплексная правовая конструкция не только укрепляет правовые гарантии экологических прав граждан, но и призвана способствовать обеспечению экологической безопасности и устойчивости государства в условиях глобальных вызовов текущего столетия.

2.2. Особенности принципов конституционного строения экологического права в системе нормативного регулирования Республики Таджикистан

Современное развитие конституционно-правовой доктрины Республики Таджикистан демонстрирует углубленное внимание государства к вопросам экологической безопасности и устойчивого развития как ключевых направлений реализации конституционных принципов правового государства и социальной справедливости. В системе национального права формируется

целостная концепция экологического конституционализма, в рамках которой природа рассматривается не только как объект правового регулирования, но и как самостоятельная ценностно-правовая категория, интегрированная в структуру основополагающих прав человека и гражданина.

Уместным будет указать, что принципы конституционного строения экологического права отражают институциональное и аксиологическое единство правовой системы, обеспечивая баланс между публичными и частными интересами, между экономическим развитием и экологической устойчивостью.

Конституция Республики Таджикистан является не только фундаментом правовой системы государства, но и основополагающим источником формирования принципов национальной экологической доктрины, определяющей правовую природу, цели и ориентиры экологической политики государства. Анализ её норм позволяет выделить ряд ключевых конституционных принципов экологического права, которые составляют основу всей системы природоохранительного законодательства.

Из содержания статьи 13 Конституции РТ органично вытекает принцип государственной собственности и особой охраны природных ресурсов, который характеризует государство не как абсолютного владельца, а скорее в качестве публичного хранителя и распорядителя природных богатств, обязующимся использовать их в интересах настоящего и будущих поколений. В этой связи исследователи данной научной проблематики пишут: «На протяжении многих лет активно обсуждается взаимосвязь между полномочиями государства в управлении природными ресурсами и общественными интересами. Юристы неоднократно исследовали не только социальную и правовую сущность государственной собственности, но и ее истоки формирования, а также субъектный состав этого права» [[77], с. 103]. Анализ, приведённый мысли позволяет выявить одну из ключевых категорий современного экологического права – взаимозависимость публичной власти и общественных интересов в сфере природопользования. В научном дискурсе данная взаимосвязь

приобретает многослойное содержание, охватывающее как конституционно-правовой, так и эколого-правовой аспекты регулирования. Во-первых, утверждение взаимосвязи полномочий государства и общественных интересов отражает трансформацию понимания государственной собственности из традиционно экономической категории в инструмент реализации экологической функции государства. В условиях становления концепции устойчивого развития государственная собственность перестает восприниматься исключительно как форма владения и распоряжения ресурсами, она становится механизмом правового опосредования общего блага, где государство выступает не столько собственником, сколько публичным доверительным управителем природных богатства от имени народа. Во-вторых, акцент на исследование социально-правовой сущности государственной собственности демонстрируют смещение фокуса научных исследований от формально-юридического к ценностно-нормативному подходу, в рамках которого ключевое значение приобретают категории экологической справедливости, межпоколенческой ответственности и рационального природопользования. Именно через данные категории проявляется подлинное содержание публичных полномочий государства не просто управлять природными ресурсами, а обеспечивать их воспроизводство и сохранение в интересах общества в целом. И наконец, в-третьих, упоминание о субъектном составе права государственной собственности позволяет выявить структурную особенность экологического регулирования – многоуровневость субъектов ответственности. Помимо государства как носителя верховных полномочий, в систему управления включаются органы местного самоуправления, хозяйствующие субъекты и граждане, что свидетельствует о постепенном формировании плюралистической модели природопользования, в которой сочетаются централизованные и децентрализованные начала.

Иными словами, анализ приведённого тезиса позволяет заключить, что в современном правовом понимании государственная собственность на природные ресурсы представляет собой юридическую форму выражения

общественного интереса, направленную на реализацию принципов устойчивого развития, экологической безопасности и социальной ответственности государства. В этом смысле полномочия государства в сфере природопользования следует рассматривать не как проявление суверенной воли, а как конституционно ограниченное служение интересам общества и будущих поколений, что, на наш взгляд, и составляет сущностное содержание экологического государства.

В свою очередь, А.В. Поздняков, исследуя рассматриваемую сферу правоотношений, пишет: «...ключевым принципом, формирующим основы человеческой жизнедеятельности и социоэкологических взаимоотношений, выступает невозможность единоличного владения природными ресурсами любого вида и объема. Эта концепция является фундаментальной для понимания системы отношений между обществом и природными богатствами» [[110], с. 25]. Мы поддерживаем данный авторский тезис, так как он затрагивает один из краеугольных принципов современного экологического и конституционного правопорядка, т.е. идею о невозможности абсолютного, единоличного владения природными ресурсами, который отражает глубинную философию взаимоотношений человека, общества и природы. В научно-правовом контексте этот принцип формирует онтологическую основу экологического права, определяя границы допустимого вмешательства человека в природную среду и устанавливая систему коллективной ответственности за сохранение природных богатств.

Идея невозможности частного присвоения природных ресурсов в абсолютном смысле вытекает из самой природы этих объектов, которые по своей сущности являются элементами общего достояния и жизненно необходимыми основами существования общества. В отличие от иных видов собственности, природные ресурсы обладают публично-правовым статусом, и их использование имеет социально-значимый характер, а потому правовой режим в отношении них строится на принципе ограниченного, целевого и рационального пользования. Помимо прочего, идея о невозможности

единоличного владения природными благами тесно связана с экологическим императивом права, выражающим необходимость подчинения экономических и частных интересов приоритету сохранения природной среды. Подобный принцип служит правовым коррелятом устойчивого развития, в рамках которой гармонизация отношений между человеком и природой становится не просто задачей, а обязательным условием существования общества и государства.

Подобная концепция отражает не только правовой, но и философско-этический фундамент экологического мировоззрения, так как предполагает, что природа – это не объект собственности, а универсальное благо, составляющее основу жизни и благополучия поколений. Следовательно, любое владение природными ресурсами носит лишь производный, доверительный характер, ограниченный принципами рационального использования, восстановления и ответственности перед обществом будущими поколениями.

Другой видный российский исследователь М.М. Бринчук в этой связи пишет: «...ключевая миссия государственных органов заключается в реализации справедливого доступа каждого гражданина к природным ресурсам. Природные богатства представляют собой общественное достояние, а потому распределение выгод от их использования (включая природную ренту) должно происходить на основе принципа равенства возможностей для всех членов общества» [[24], с. 135]. Мы согласны с подобной точкой зрения, так как государство в этой системе выступает не столько собственником, сколько управляющим субъектом, выполняющим функции гаранта справедливого распределения природных благ. В этой связи именно государственные органы несут ответственность за создание и поддержание таких нормативно-правовых и институциональных механизмов, которые обеспечивают равный доступ граждан к природным ресурсам и продуктам их использования.

Особую значимость при этом приобретает вопрос распределения природной ренты, являющейся экономическим выражением коллективного права общества на результаты эксплуатации природных богатств. С точки зрения принципов экологического и конституционного права, справедливое

распределение природной ренты представляет собой инструмент реализации принципа равенства возможностей и предотвращения социальной стратификации, вызванной неравномерным доступом к природным источникам благосостояния. Государство обязано выстраивать механизмы, при которых экономические выгоды от использования природных ресурсов возвращаются обществу в форме социальных гарантий и соответствующих экологических программ.

Необходимо подчеркнуть, что анализируемая идея М.М. Бринчука отражает глубинное единство экологического и социального измерения права. Равенство доступа к природным богатствам становится не только юридическими, но и этическим императивом государственного управления, обеспечивающим баланс между экономическими интересами и общественным благам. Справедливое распределение природных ресурсов от их использования выступает важнейшим условием социальной справедливости и экологической стабильности, формируя основу для реализации принципов правового государства и экологической ответственности власти.

Другим принципом, вытекающим из статьи 38 Конституции РТ, которая предусматривает норму, согласно которой государство принимает меры по оздоровлению окружающей среды в контексте провозглашения права на здоровье, является принцип, устанавливающий право каждого на благоприятную окружающую среду.

Как справедливо отмечает С.В. Брусницина: «Конституционное признание права на благоприятную окружающую среду предполагает и определение правовых средств, с помощью которых государство будет гарантировать реализацию и защиту названного права. В связи с чем исследование права человека на благоприятную окружающую среду невозможно без рассмотрения системы гарантий, механизмов его реализации и защиты. Человек не может быть сведен к юридической фикции или абстракции, а должен восприниматься как реальная личность, имеющая реальную ценность» [[56], с. 10]. Высказанная мысль выражает ключевую идею современного

конституционного и экологического права, согласно которой принцип права на благоприятную окружающую среду не может существовать лишь как декларативное положение, оно должно быть обеспечено реальными правовыми механизмами и гарантиями. Конституционное закрепление экологических прав, как справедливо отмечается в научной литературе, выступает только исходной точкой их правового обеспечения, а не конечной целью. Наличие нормы в основном законе страны предполагает формирование развитой системы юридических, институциональных и процессуальных средств, призванных обеспечить возможность эффективной реализации защиты этого права на практике. В контексте Республики Таджикистан подобная правовая норма означает, что государство обязано создавать такие условия, при которых каждый гражданин имеет реальный доступ к экологической информации, возможность участия в принятии экологических значимых решений и право на обращение в суд при нарушении своих экологических прав и интересов.

Особое значение имеет последняя часть приведённой мысли о восприятии человека не как юридической фикции, а как реальной личности, обладающей внутренней ценностью. Следует указать, что данное утверждение подчёркивает традиционной в экологическом праве антропоцентрический подход, в соответствии с которым человек выступает не просто субъектом юридических норм, но центром всей системы правового регулирования, связующего звена между обществом и природой.

Исследование принципа права на благоприятную окружающую среду невозможно в отрыве от категории человеческого достоинства, данное право не только обеспечивает физическое выживание человека, но и гарантирует достойные условия существования, что делает его неотделимым элементом системы фундаментальных прав человека. Реализация этого права требует комплексного взаимодействия государства, общества и личности, направленного на формирование устойчивого правового механизма, в котором экологическая безопасность становится частью общего принципа социальной справедливости и полноценного функционирования правового государства.

Как отмечается в юридической литературе: «Право на благоприятную окружающую среду является субъективным правом, а благоприятная окружающая среда – объект права» [[108], с. 62]. Данные высказывания отражают фундаментальное различие между субъектным и объектным элементами экологических правоотношений, что имеет глубокое теоретико-правовое значение. С точки зрения юридической науки, право на благоприятную окружающую среду представляет собой субъективное право личности, то есть возможность конкретного лица требовать от государства, его органов и иных уполномоченных субъектов соблюдения установленных экологических стандартов, а также воздержания от действий, нарушающих экологические права. Вместе с тем благоприятная окружающая среда в данном контексте выступает объектом права, то есть материальной и нематериальной основой, по отношению к которой реализуется это субъективное право, так как она охватывает совокупность природных условий, обеспечивающую жизнь, здоровье и развитие человека. Иными словами, окружающая среда – это предмет охраны, регулирования и восстановления, а субъективное право человека служит механизмом её защиты.

Подобное разграничение позволяет юридической науке точно определить место экологического права в системе прав человека. Если рассматривать «право на благоприятную окружающую среду» как субъективное, то государство несёт позитивные обязанности по созданию правовых, организационных экономических условий для реализации этого права. Одновременно оно обязано воздержаться от действий, способных нарушить экологическое равновесие (например, от чрезмерной эксплуатации природных ресурсов, загрязнения и т.д.). Мы считаем, что рассматриваемая мысль подчеркивает дуалистическую природу экологического права: во-первых, она отражает личное притязание человека на безопасную среду обитания, что выступает в качестве субъективного аспекта, а во-вторых, указывает на объективную ценность природы, которая выступает самостоятельным объектом правового регулирования.

В научной литературе существует множество трактовок, которые раскрывают понятие «благоприятная окружающая среда». Все они в той или иной мере имеют схожие положения, однако, наиболее оптимальным и целостным мы считаем мнение М.М. Бринчука, который пишет: «Окружающую среду можно оценивать как благоприятную, если ее состояние соответствует законодательным требованиям, касающимся чистоты (незагрязненности), ресурсоемкости (неистощимости), экологической устойчивости, видового и ландшафтного разнообразия, эстетического богатства, сохранения уникальных (достопримечательных) объектов природы, сохранения естественных экологических систем, использования природы с учетом допустимого экологического и техногенного риска» [[25], с. 89]. В совокупности все приведённые автором критерии формируют правовую модель благоприятной окружающей среды, при которой безопасность, устойчивость и эстетическая ценность природной среды рассматривается в органическом единстве. Именно такое понимание позволяет говорить о праве человека не просто на выживание в экологически допустимых условиях, а на достойное, безопасное и гармоничное существование в среде, соответствующей её биологическим и культурным потребностям. Категория «благоприятная окружающая среда» представляет собой многоуровневый юридико-экологический конструкт, соединяющий в себе природно-научные показатели состояния экосистем, нормативные критерии экологической безопасности и ценностно-культурные аспекты взаимоотношения человека и природы.

М.С. Пермиловский, исследуя рассматриваемую проблематику, пишет: «Право на благоприятную окружающую среду следует рассматривать с позиции конституционной ценности, поскольку, оно, во-первых, обуславливает существование основ конституционного строя и реализацию основных прав и свобод человека и гражданина» [[107], с. 111]. Анализируя вышеуказанный авторский тезис, прежде всего необходимо подчеркнуть, что данное право выступает конституционным выражением идеи гармоничного существования человека, общества и природы, что соответствует общему принципу

устойчивого развития, закреплённому в ряде международных актов и имплицитно присутствующему в Конституции Республики Таджикистан. Рассматриваемое право, помимо прочего, обеспечивает материальную основу осуществления права на жизнь, охрану здоровья, жилище, труд и безопасность, поскольку благоприятно окружающая среда является предпосылкой их реального осуществления.

В этом смысле право на благоприятную окружающую среду можно рассматривать как «системное право», обеспечивающее функционирование всей совокупности личных, социальных и коллективных прав. Конституционное значение права на благоприятную окружающую среду заключается не только в его самостоятельной природе, но и в интеграционной функции, так как оно связывает экологические, социальные и экономические интересы в рамках единого правового пространства. Признание этого права на конституционном уровне закрепляет обязанность государства не только воздерживаться от действий, ухудшающих экологическую обстановку, но и предпринимать активные меры по её улучшению, формируя тем самым экологическую направленность публичной власти.

Исходя из этого, право на благоприятную окружающую среду является не просто экологической гарантией, а конституционно-ценностным принципом, выражающим суть современного правопорядка, где человек рассматривается не как изолированный субъект прав, а как часть природной и социальной системы, требующей сбалансированного и ответственного управления.

Интересным представляется также мнение Д.В. Герасимова, который анализируя конституционно-правовое содержание права на благоприятную окружающую среду, пишет: «Речь в данном случае идет о праве на проживание в условиях, с точки зрения экологии пригодных для жизни и не оказывающих негативного воздействия на здоровье человека и его имущество, о праве на своевременную, полную и достоверную информацию о состоянии окружающей среды, а также о праве на возмещение причиненного ущерба» [[59], с. 62]. Основываясь на подобной трактовке, следует отметить, что право на

благоприятную окружающую среду необходимо рассматривать как интегративную категорию современного конституционализма, объединяющую в себе защитную, информационную и компенсационную функции, так как оно выражает новую парадигму правового мышления, где охрана природы и охраны человека рассматриваются как взаимосвязанные и взаимодополняющие компоненты единого экологического правового пространства.

Прежде всего, право на проживание в экологически безопасной среде воплощает в себе превентивно-защитную функцию государства, направленную на обеспечение такого состояния природной среды, при котором исключается риск нанесения ущерба жизни, здоровью и имуществу граждан. Здесь прослеживается тесная связь экологического благополучия с конституционными принципами охраны здоровья, человеческого достоинства и социальной безопасности, что придаёт данному праву статус одной из основополагающих гарантий конституционного строя.

Далее, право на получение полной, достоверной и своевременной экологической информации формирует информационно-правовую основу экологической демократии, обеспечивая транспарентность деятельности публичной власти и субъектов хозяйственной деятельности. Подобное положение отражает реализацию принципа институционализированного участия гражданского общества в принятии управленческих решений, что является признаком развитой правовой системы и проявлением концепции экологической открытости государства.

Наконец, по утверждению большинства учёных [[46]; [55]; [64]; [65]; [72]; [75]; [34]; [129]], право на возмещение причинённого экологического вреда выступает высшей формой юридической гарантии реализации экологических прав граждан, закрепляя их за пределами морально-декларативного уровня. Подобный элемент правовой конструкции обеспечивает восстановление нарушенного экологического равновесия и социальной справедливости, опосредуя переход от принципа охраны среды к принципу ответственности за экологические правонарушения.

Следует подчеркнуть, что помимо прочего, в дополнении к имеющимся конституционным нормам, Закон РТ «Об охране окружающей среды», перечисляя основные принципы отрасли, провозглашает принцип приоритета охраны жизни и здоровья человека, соблюдения его права на благоприятную окружающую среду. Указанный нормативно-правовой акт, развивая положение Конституции РТ, институционализирует взаимосвязь между экологическим правопорядком и конституционными правами личности, конкретизируя их в отраслевом контексте. Закрепление данного принципа лишний раз иллюстрирует антропоцентрическую направленность экологической политики Республики Таджикистан, при которой охрана природы рассматривается не как самоцель, как имманентное условие обеспечения социальной стабильности и реализации фундаментальных прав человека.

Вышеуказанная статья 6 Закона РТ «Об охране окружающей среды» также закрепляет принцип соблюдения права каждого на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды, а также на участие граждан в принятии решений, касающихся их прав на благоприятную окружающую среду. Уместным будет отметить, что хотя данный принцип не нашел своего прямого конституционного закрепления, тем не менее он логически вытекает из статей 5 и 8 Конституции РТ, которые провозглашают основы демократического строя в Таджикистане. Положения указанных статей подразумевают право граждан на участие в управлении делами государства, что в экологической плоскости выражается через участие общественности в принятии решений, касающихся вопросов окружающей среды.

Анализируя содержание данного принципа и вопросы участия граждан в вопросах, связанных с окружающей средой, О.Л. Дубовик выделяет такие формы общественного экологического контроля, как: «а) общественные слушания и их специфическая форма – парламентские слушания; б) референдумы; в) общественная экологическая экспертиза; г) обращения в средства массовой информации; д) направления жалоб, заявлений, исков в правоохранительные органы и суд» [[29], с. 311]. Следует отметить, что в

контексте рассматриваемого тезиса автором фактически формируется концептуальное понимание общественно-экологического контроля как обязательного элемента экологического управления. О.Л. Дубовик исходит из того, что участие граждан не ограничивается лишь пассивным восприятием информации, но представляет собой активное воздействие общества на процессы принятия решений, имеющих экологическое значение. Тем самым подчёркивается, что реализация права на благоприятную окружающую среду невозможно без институционализованного участия граждан, обеспеченного механизмами публичности, обратной связи и правовой ответственности органов государственной власти. На наш взгляд, подобный подход демонстрирует эволюцию представления об экологических правах, т.е. от их формального закрепления в нормах законов к практической реализации через инструменты гражданского участия. В этой связи формы общественного контроля, выделенные учёным, следует рассматривать не как разрозненные процедуры, а как взаимодополняющие механизмы, создающие систему, способную влиять на экологическую политику государства.

В свою очередь, Р.Х. Гиззатуллин рационально замечает одну особенность, присущих рассматриваемым правоотношениям: «Общественный экологический контроль осуществляется гражданами, общественными объединениями и иными некоммерческими организациями, и в отличие от государственного экологического надзора и производственного экологического контроля общественный контроль носит добровольный, инициативный характер в рамках предоставленных законодательством правовых возможностей» [[62], с. 182]. Несомненно, авторская позиция заслуживает особого внимания, так как общественный экологический контроль, как одна из ключевых форм реализации экологических прав граждан, представляет собой ключевой институт экологического управления, обеспечивающий обратную связь между государством и обществом в вопросах охраны окружающей среды. В отличие от государственного надзора, который носит властно-распорядительный характер и основан на императивных нормах, общественный

контроль функционирует на началах добровольности и гражданской инициативы. В этом и проявляется его демократическая природа – он является выражением сознательной активности граждан, стремящихся к защите конституционного права на благоприятное окружающую среду.

Сущность общественного экологического контроля заключается не только в выявлении нарушений природоохранного законодательства, но и в формировании общественного мнения, стимулировании экологической ответственности хозяйствующих субъектов и органов государственной власти. Уместным будет отметить, что указанный институт, помимо прочего, играет роль своеобразного социального барометра, отражающего уровень экологической культуры и степень вовлечённости населения в решение экологических проблем. Более того, его значение усиливается в условиях перехода к концепции устойчивого развития, где участие общества признается необходимым элементом эффективной экологической политики.

Также следует отметить, что организация гражданами на добровольных началах общественного контроля выполняет функцию дополнительного гаранта законности в сфере природопользования, обеспечивая транспарентность управленческих решений и формируя механизм общественного мониторинга, основанного на принципах публичности и гласности. Тем самым он органически дополняет систему государственного и производственного экологического контроля, создавая более комплексную модель защиты экологических прав. Следовательно, развитие института общественного контроля следует рассматривать как стратегическое направление совершенствования экологического законодательства и укрепления основ экологического правопорядка в Республике Таджикистан.

Ряд ученых, исследуя особенности специфики реализации гражданами права на благоприятную окружающую среду и осуществления экологического контроля высказывают мнение, что данная сфера правоотношений подвержена наименьшей правовой регламентацией, что скорее является упущением законодателя [[126], с. 55-58]. Мы не согласны с подобной позицией, так как

проблема заключается не столько в отсутствии правового регулирования, сколько в недостаточной правовой культуре и правовой активности граждан, а также в неэффективном применении существующих норм. Иными словами, корень проблемы имеет не нормативный, а в большей степени практический характер. Даже при наличии детализированных процедур эффективность общественного экологического контроля будет минимальной, если граждане не проявляют инициативу, не обладают достаточными знаниями в области экологического права и не осознают значимость своего участия.

На наш взгляд, более оптимальную позицию по данному вопросу занимает А.К. Веселов, который пишет: «...правовая регламентация общественного экологического контроля приведет к сужению его рамок и возможностей, а также поставит его под контроль государства, что может оттолкнуть людей от общественной работы» [[149]]. Действительно, опасения, что чрезмерное законодательное регулирование правоотношений, связанных с общественным экологическим контролем, может привести к его бюрократизации и утрате гибкости. Общественный экологический контроль по своей природе является проявлением гражданской инициативы, общественной саморегуляции и экологической ответственности и его сила заключается именно в свободе действий, в способности граждан и общественных объединений реагировать на экологические угрозы без чрезмерных процедурных барьеров. Избыточное вмешательство государства, выраженное в детальной нормативной регламентации, могло бы трансформировать этот институт из формы общественной активности в ещё один элемент административного контроля, что действительно способно снизить уровень доверия граждан и их мотивацию к участию в демократических процедурах.

Тем не менее, полное отсутствие правового регулирования также порождает серьезные риски. Без чётких правил, процедур и правовых гарантий общественный контроль может превратиться в декларативное явление, лишённое реальных инструментов воздействия. В этом смысле чрезмерный страх перед излишней регламентацией общественного контроля может

привести к противоположному результату, т.е. его фактическому ослаблению, ведь без законодательного признания, юридических гарантий доступа к информации, права на участие в принятии решений и защиты от возможного давления, граждане не смогут эффективно реализовывать свои экологические права.

Мы считаем, что оптимальное решение заключается в необходимости нахождения баланса между автономией общественного контроля и его правовой институционализацией. Государство должно не подменять инициативу граждан, а, напротив, создавать для неё правовые и организационные условия. Законодательное закрепление форм, гарантий и процедур общественного экологического контроля не должно носить ограничительный характер, а выступать инструментом его укрепления и легитимации. Следовательно, правовая регламентация сама по себе не несёт угрозу общественной инициативе, опасность возникает лишь тогда, когда она превращается в средство административного контроля вместо механизма правовой защиты. Поэтому задача законодателя заключается не в сдерживании общественной активности, а в направлении её в том русле, который наиболее эффективно способствует формированию правовой инфраструктуры, укрепляющей доверие между гражданским обществом и государством, тем самым обеспечивая реальное воплощение на практике принципа участия общественности в вопросах охраны окружающей среды.

Еще один из центральных принципов современного экологического права, который сформировался в последние десятилетия и активно поддерживается ведущими исследователями [[60]; [73]; [76]; [91]; [125]; [128]] экологической проблематики, является принцип «загрязнитель платит». Следует указать, что принцип «загрязнитель платит» представляет собой не просто финансово-экономический инструмент возмещения экологического ущерба, но и правовой императив, выражающий концепцию справедливого распределения экологических издержек между субъектами хозяйственной деятельности и обществом. Сущность указанного принципа заключается в том,

что лицо, причинившее вред окружающей среде в результате хозяйственной или иной деятельности, обязано возместить ущерб в полном объеме, включая не только прямые затраты на восстановление природных экосистем, но и косвенные убытки, связанные с ухудшением качества жизни населения, деградацией природных ресурсов и утраты биологического разнообразия.

Исследователи вопроса, анализируя правовые аспекты данного принципа, пишут: «Принцип «загрязнитель платит», разработанный еще в 1972 году Международной организацией экономического сотрудничества и развития означает, что предприятия, оказывающие негативное влияние на окружающую среду посредством осуществления своей хозяйственной деятельности должны нести расходы по осуществлению мер по компенсации экологического ущерба окружающей среде. Физические и юридические лица, являясь загрязнителем, должны нести все расходы по мероприятиям, направленным на ликвидацию этого загрязнения или снижения его до уровня, максимально соответствующего нормативам качества окружающей среды. Стоит отметить, что загрязнитель имеет право возмещать свои природоохранные издержки через цены на свою продукцию и услуги» [[93], с. 227]. Мы поддерживаем данную мысль, так как в основе этого принципа лежит идея экологической справедливости, предполагающая, что издержки, возникающие вследствие нарушения экологического равновесия, не должны перекладываться на общество, государство и будущие поколения. Сущность анализируемого принципа заключается в персонализации ответственности, т.е. каждый субъект, причинивший вред окружающей среде, обязан самостоятельно компенсировать его последствия, тем самым реализуя фундаментальное начало возмещения ущерба в соответствии с причинно-следственной связью между деятельностью и экологическими последствиями.

Особый интерес вызывает положение о праве загрязнителя возмещать природоохранные издержки через цены на продукцию и услуги. На первый взгляд, это может восприниматься как ослабление компенсаторной функции принципа, однако в действительности оно отражает реалистичский баланс

между экологической ответственностью и экономической устойчивостью предприятия. Подобная возможность допускается в пределах разумного, если при этом сохраняется стимул к сокращению загрязнений и модернизации производственных процессов. Иными словами, экологические платежи и затраты должны выполнять не только репрессивную, но и превентивно-стимулирующую функцию, побуждая предприятие к экологизации производства внедрению современных зелёных технологий.

Опираясь на вышеуказанный авторский тезис, мы можем заключить, что принцип «загрязнитель платит» предстает в качестве системного регулятора взаимодействия экономики и экологии, обеспечивающего гармонизацию частных и общественных интересов. Реализация этого принципа формирует у субъектов хозяйственной деятельности новый тип правосознания, основанного на признании того, что экономическая деятельность невозможна вне ответственности за экологические последствия. В перспективе, в контексте экологического законодательства Республики Таджикистан, подобная идея может выразиться не только в нормативном закреплении, но и в практическом наполнении через механизмы экологического налогообложения, учреждении компенсационных фондов и механизмов судебного взыскания экологического вреда, что позволит превратить данный принцип из декларативной нормы в реально действующий инструмент экологической политики Республики Таджикистан.

Также ряд теоретиков, анализируя особенности рассматриваемого принципа, высказывают достаточно справедливую мысль: «Эффективность применения принципа «загрязнитель платит» определяется не только обязанностью возмещения причиненного вреда в полном объеме, но и принятием необходимых мер по недопущению возможности причинения вреда на всех стадиях осуществления деятельности, включая проектирование, строительство, ввод в эксплуатацию, эксплуатацию и т.д.» [[58], с. 48]. Следует указать, что подобный взгляд отражает переход от компенсационной модели экологической ответственности к превентивно-регулятивной, где ключевое

значение имеет не сам факт наступления вреда, а возможность его предотвращения посредством заблаговременного внедрения экологически ориентированных решений в производстве. В этой связи принцип «загрязнителя платит» трансформируется в норму поведения, встроенную в каждый этап хозяйственной деятельности, начиная с проектирования и заканчивая эксплуатацией объектов, оказывающих воздействие на окружающую среду. И что не менее важно, эффективность принципа «загрязнитель платит» должен оцениваться не только через призму возмещения уже нанесённого ущерба, но и через степень институциональной готовности государства и хозяйствующих субъектов к предупреждению экологически опасных последствий. Мы считаем, что интеграция превентивных мер, то есть экологической экспертизы, оценки воздействия на окружающую среду, экологического аудита и т.д. обеспечивают реализацию данного принципа в его наиболее полной и эффективной форме.

Исследуя проблемы практического применения принципа «загрязнитель платит» Е.Л. Васянина высказывает довольно интересную мысль: «На сегодняшний день проблемным является вопрос, касающийся разграничения ответственности организаций водопроводно-канализационного хозяйства и их абонентов при взимании платы за загрязнение водных объектов. Так, в настоящий момент ответственность за нарушение абонентом установленных нормативов полностью перекладывается на организацию водопроводно-канализационного хозяйства. То есть организации водопроводно-канализационного хозяйства по факту отвечают за действия третьих лиц (абонентов) и несут огромные финансовые потери (штрафы, увеличение размера платы за негативное воздействие и проч.)» [[57], с. 40]. Следует отметить, что высказанная мысль затрагивает крайне важный и во многом недооценённый аспект практической реализации принципа «загрязнитель платит» т.е. проблему адресности и справедливого распределения экологической ответственности между непосредственным загрязнителем и посредником, осуществляющим эксплуатацию соответствующей инфраструктуры. Ситуация, при которой организация водопроводно-

канализационного хозяйства несёт ответственность за нарушение, допущенной абонентами, демонстрирует деформацию правового содержания принципа, когда механизм возмещения экологического ущерба теряет свою справедливую логику и эффективность.

С правовой точки зрения, подобная практика противоречит базовому смыслу принципа «загрязнитель платит», поскольку ответственность должна быть индивидуализирована и возлагаться на тот субъект, чьи действия находятся в прямой причинно-следственной связи с фактом загрязнения. Перекалывание ответственности на организации, предоставляющие услуги в области жилищно-коммунального хозяйства, которые фактически выполняют роль технического посредника в процессе водоотведения, приводит к смещению центра ответственности и подрывает экономические стимулы для правомерного поведения как операторов, так и абонентов.

Безусловно, такая ситуация свидетельствует о проблемах в нормативном регулировании и несовершенстве механизма экологического контроля, который не дифференцирует степень вины различных участников водопользования. Отсутствие чётких процедур идентификации источников загрязнения создаёт правовую неопределённость, в результате чего возмещение вреда осуществляется не за счёт истинного загрязнителя, а за счёт организации, выполняющей коммунальные функции.

Кроме того, подобная практика приводит к экономическому искажению действия принципа «загрязнитель платит», поскольку субъекты водопроводно-канализационного хозяйства вынуждены включать понесённые экологические издержки в тарифы на свои услуги, тем самым косвенно перекалывая экологическую нагрузку на население, что противоречит как самому смыслу этого принципа, так и целям экологической справедливости.

На наш взгляд, для устранения данной коллизии требуется совершенствование правового механизма распределения ответственности, в том числе через введение договорных и технологических разграничений между абонентом и оператором, а также развитие системы мониторинга качества

сточных вод, позволяющей точно идентифицировать источник загрязнения. В перспективе это способно обеспечить реализацию принципа «загрязнитель платит» в его подлинной, адресной форме, где ответственность наступает именно для того субъекта, деятельность которого фактически вызвала экологический ущерб, а не для посредников, чья роль заключается в техническом обеспечении водопользования или предоставлении других услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

И.П. Глазырина, исследуя проблемы практической реализации принципа «загрязнитель платит» в России, приходит к выводу, что: «...некоторые скрытые негативные моменты могут снижать экологическую эффективность принципа «загрязнитель платит». В качестве такого фактора можно назвать неадекватность уровня платежей реальному ущербу. Платежи в России намного ниже, чем в большинстве стран, и не могут служить приемлемой компенсацией за нанесенный вред. Если ущерб от выброса вредных веществ для здоровья населения с точки зрения компенсации медицинских расходов на лечение гораздо выше получаемых платежей, вряд ли уровень последних можно считать адекватным» [[63], с. 12]. Следует подчеркнуть, что неадекватность уровня экологических платежей реальному вреду свидетельствует о недооценке экологических рисков в экономической системе государства и о деформации самого принципа эквивалентности ответственности, которая лежит в основе любой модели правового возмещения ущерба. Если плата за загрязнение окружающей среды не отражает действительных последствий экологического вреда (деградации экосистемы, утрату здоровья населения, снижение биологического потенциала территорий и т.д.), то она перестаёт выполнять возложенную на неё восстановительную и сдерживающую функции.

Более того, подобная ситуация создаёт эффект перманентного экологического загрязнения, когда для хозяйствующих субъектов проще заплатить символический штраф, чем инвестировать в экологически чистые технологии и системы очистки. В этой связи принцип «загрязнитель платит» теряет свою превентивную сущность и фактически превращается в

легализованную форму компенсации за право загрязнять, что полностью противоречит его правовой природе.

Особое внимание заслуживает приведённое сравнение с реальными затратами на лечение заболеваний, вызванных загрязнением воздуха и воды, так как экономические оценки ущерба не охватывают социально-биологические последствия, т.е. страдает интегральная оценка экологического вреда, которая должна учитывать долгосрочные потери здоровья населения и снижение качества жизни. В результате возникает разрыв между экологическим правом и социальной реальностью, где формально уплаченные платежи не обеспечивают восстановление экологического и санитарного баланса.

Следовательно, для обеспечения реальной эффективности принципа «загрязнитель платит» необходимо пересмотреть нормативные подходы к определению размера экологических платежей, увязав их с показателями реального ущерба и социально-экологическими последствиями. В условиях Республики Таджикистан данное обстоятельство особенно актуально, учитывая ограниченные возможности природоохранного финансирования и высокую экологическую чувствительность региона. Установление адекватных ставок экологических платежей, основанных на научно-обоснованных методиках оценки вреда, позволит не только повысить уровень возмещения, но и восстановить подлинный смысл принципа «загрязнитель платит» как правового инструмента экологической справедливости и устойчивого развития.

В заключении настоящего параграфа представляется уместным сделать вывод, что система конституционных принципов экологического права Республики Таджикистан представляет собой целостную, многослойную и динамично развивающуюся правовую конструкцию, отражающую синтез фундаментальных идей устойчивого развития, приоритетности охраны окружающей среды и антропоцентрического подхода к реализации прав человека. Конституционное положение о государственной собственности на природные ресурсы (ст. 13), о праве каждого на охрану здоровья и о мерах государства по оздоровлению окружающей среды (ст. 38), а также норма об

обязанности каждого по охране природы (ст. 44) формируют нормативно-ценностный каркас экологического права, определяя стратегический вектор экологической политики государства.

В этой связи особое значение приобретает то, что отечественный конституционализм интегрирует экологические императивы в общую систему основ конституционного строя, тем самым закрепляя взаимозависимость между экологической безопасностью, социальной стабильностью и реализацией базовых прав личности. Экологические права, исходно являвшиеся производным элементом системы классических прав человека, в процессе своей эволюции приобрели самостоятельное нормативное и философско-правовое значение. В определённом смысле экологические права в подобном контексте выступают своеобразным мостом между правом, моралью и целями устойчивого развития, формируя основу для гармоничного сосуществования человека и окружающей среды.

Вместе с тем анализ законодательства Республики Таджикистан показывает, что конституционные принципы получают своё развитие в отраслевом правовом регулировании через закрепление таких категорий, как приоритет охраны жизни и здоровья человека, право на достоверную экологическую информацию, участие граждан в принятии экологически значимых решений и реализация общественного экологического контроля. Активная реализация всего пласта указанных прав в своей совокупности укрепляют концепцию экологической демократии, в рамках которой граждане выступают не пассивными адресатами государственных решений, а активными субъектами экологических правоотношений.

Исходя из вышеизложенного, следует резюмировать, что конституционные принципы экологического права в Республике Таджикистан формируют основу экологически ориентированного правопорядка, направленного на гармонизацию интересов личности, общества и государства. И что не менее важно, они обеспечивают переход от декларативного уровня охраны окружающей среды к функциональной модели экологической

ответственности, где охрана природы рассматривается как неотъемлемый элемент обеспечения прав человека, устойчивого развития и национальной безопасности.

ГЛАВА 3. РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

3.1. Классификация конституционных основ экологических прав человека и их место в системе прав человека

Современная юридическая наука рассматривает экологические права человека как новое поколение прав – так называемые права третьего поколения, отражающие трансформацию правового сознания человечества от антропоцентризма к экосоциальной парадигме. Конституционные основы данных прав представляют собой нормативно-ценностный фундамент, закрепляющий обязанность государства обеспечивать сбалансированное взаимодействие человека и природы, гарантировать доступ к экологической информации, участие граждан в принятии экологически значимых решений и эффективные средства защиты экологических прав.

Систематизация конституционных положений позволяет выделить несколько ключевых блоков конституционных основ: аксиологический, институционально-правовой и процедурно-гарантийный. Аксиологический блок выражает идеологию экологического гуманизма и устойчивого развития, где природа признаётся не только объектом хозяйствования, но и элементом общего блага, обладающим собственной ценностью. Институционально-правовой блок формирует систему конституционно закреплённых институтов – права на благоприятную окружающую среду, на достоверную экологическую информацию, на возмещение вреда, причинённого экологическими правонарушениями. И наконец процедурно-гарантийный блок, который обеспечивает реализацию данных прав через механизмы судебной, административной и общественной защиты.

В данном ключе особое значение имеет вопрос места экологических прав в традиционной системе прав человека, так как они занимают

интерсекторальную позицию, пронизывая все основные категории прав – личные, социально-экономические и коллективные. По мнению ряда исследователей [[44]; [81]; [85]; [97]; [113]; [119]; [132]], в отличие от классических прав, направленных на защиту автономии личности, экологические права имеют надындивидуальный характер, охватывая интересы не только нынешнего, но и будущих поколений. Таким образом, экологические права выполняют интеграционную функцию, соединяя гуманитарные и природоохранные начала, а также придавая системе прав человека цивилизационную направленность. Следует заметить, что в современной правовой доктрине вышеуказанная позиция поддерживается довольно широким кругом учёных [[68]; [105]; [112]; [120]; [131]], так как отражает текущую тенденцию трансформации института традиционных прав человека в контексте формирования нового пласта экологических прав личности.

Конституционная доктрина экологических прав в своей сущности сочетает принципы устойчивого развития, экологической ответственности государства, превентивности и солидарности поколений. Все эти принципы отражают не только юридическую, но и морально-философскую основу современного конституционализма, ориентированного на долгосрочное сосуществование человечества в гармонии с биосферой. В этой связи экологические права выступают связующим звеном между правами человека и обязанностями перед природой, формируя новую эру конституционно-правового мышления, то есть эгоцентричный конституционализм, где человек и природа рассматриваются как взаимозависимые элементы единой системы.

В современном мире типология конституционного закрепления экологических прав человека демонстрирует богатство подходов и отражает различные модели конституционного конструирования, в числе которых можно выделить декларативную, институционально-нормативную и функционально-интегративную. В рамках декларативной модели, которая характерна для ранних конституций постиндустриального периода, экологические права

провозглашаются как общие ценностные ориентиры, не обеспеченные конкретными механизмами реализации.

Институционально-нормативная модель, воплощённая, например, в конституциях ФРГ, Испании, Казахстана и Таджикистана, закрепляет экологические права не только как ценность, но и как юридически исполнимые обязательства государства. В указанных конституциях право человека на благоприятную окружающую среду выступает одновременно и субъективным правом, и публичным обязательством, что создаёт дуализм юридической природы данного института. Конституция Республики Таджикистан (ст. 38) является показательным примером этого подхода, возлагая на государство обязанность принимать меры по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов.

Что касается третьей модели, т.е. функционально-интегративной, характерной для государств Латинской Америки, то здесь экологические права рассматриваются как структурный элемент всей системы конституционного регулирования. Природа признаётся не просто объектом, а субъектом права, например концепция *Pacha Mama* т.е. «Мать-Земля», закреплённая в статье 71 Конституции Эквадора [[15]], что знаменует переход к эоцентрическому правопорядку. В этих системах экологические права человека неразрывно связаны с правами природы и коллективными правами всего человечества, обеспечивая единство правового и природного бытия.

Следует отметить, что в рамках глобального конституционализма формируется тенденция к универсализации экологического права, выраженное в их признании неотъемлемой частью прав человека. Доктринально они соотносятся с правами на жизнь, на здоровье и на развитие, образуя экологическую триаду фундаментальных прав человека. Тем самым закрепляется новая правовая парадигма, в которой сохранение экологического баланса становится предпосылкой для реализации всего спектра прав и свобод человека.

Иными словами, конституционное закрепление экологических прав человека отражает процесс эволюции гуманистического правосознания, переходящего от индивидуалистических к коллективным и цивилизационным основаниям. В подобной конструкции экологические права становятся не просто дополнительной категорией, а системообразующим элементом современного конституционализма, соединяющим индивида, государство и природу в единую правовую экосистему.

Конституция РТ закрепляет фундаментальные нормы, которые определяют весь вектор развития экологического законодательства страны. Опираясь на её положения, которые нами анализировались в предыдущих параграфах настоящего диссертационного исследования, мы можем констатировать, что в наиболее развёрнутом виде весь спектр экологических прав человека нашли свое отражение в Законе РТ «Об охране окружающей среды», которая полностью соответствует норме и духу действующей конституции. Статья 12 указанного закона перечисляет следующие экологические права: право обращения в государственные органы для получения полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды; право на участие в собраниях, митингах, шествиях, демонстрациях, посвященных вопросам охраны окружающей среды; право на участие граждан в процессах рассмотрения проектов планов, программ и нормативно-правовых актов, касающихся окружающей среды; право на обращение в государственные органы с жалобами по вопросам охраны окружающей среды; право на судебную защиту нарушенных экологических прав; право на страхование жизни, здоровья и имущества от неблагоприятного воздействия окружающей среды, происходящих в результате хозяйственной или иной деятельности и т.д.

Очевидно, что традиционная концепция прав человека не является статичным конструктом и под давлением существующих тенденций имеет свойство к своей модернизации в различных плоскостях, экологические права в данном смысле не являются исключением. В этой связи К.В. Моисеев отмечает: «В связи с возникающими перед мировым сообществом новыми вызовами,

связанными с загрязнением окружающей среды, сокращением биоразнообразия и глобальным быстрым изменением климата, актуальность развития международно-правового статуса личности и защиты прав человека, связанных с окружающей средой, только повышается. На сегодняшний день уже нет никаких сомнений, что благоприятная окружающая среда имеет ключевое значение для осуществления прав человека и наоборот – осуществление прав человека (включая права на информацию, участие общественности и право на доступ к средствам правовой защиты) имеет решающее значение для охраны окружающей среды» [[98], с. 67]. Предложенная автором мысль чётко описывает проблему современного международного права: ускорение экологических трансформаций планетарного масштаба ставит под сомнение адекватность существующих правовых конструкций, встроенных вокруг классических основных прав человека. В этом ключе важно подчеркнуть, что речь идёт не столько о количественном расширении списка прав, сколько о качественной концептуализации правового статуса личности, т.е. о перераспределении правового объёма, субъектности и процедурных возможностей индивида и коллективов в условиях, когда экологические процессы становятся детерминантом осуществления остальных прав. Подобный сдвиг затрагивает сущность субъекта права: от автономного носителя индивидуальных благ к субъекту, чьи базовые права прямо коррелируют с состоянием окружающей среды и функционированием экосистем как социальных предпосылок реализации этих прав.

На наш взгляд, анализ взаимозависимости благоприятной окружающей среды и прав человека требует перехода от риторики «влияния» к теории нормативной взаимности. Иными словами, экологическое состояние не является внешним фактором, а лишь модифицирующим претензии прав, оно представляется условием возможности реализации права на жизнь, здоровье, жильё и так далее. Соответственно, эффективность правовой защиты в экологической сфере определяется не столько наличием формальных положений, сколько наличием институциональных и процессуальных

механизмов, способных трансформировать коллективные экологические интересы в индивидуализированные юридические притязания. Здесь ключевым становится признание процессуальных прав (доступа к экологической информации, к участию в вопросах, касающихся окружающей среды, к судебным механизмам за защитой своих экологических интересов и т.д.) как не просто вспомогательных, а структурообразующих элементов экологического права человека, то есть инструментов, посредством которых права обретают практическую материализацию и превентивный характер.

В то же время анализируемая мысль автора предлагает коррекционный, но одновременно и трансформационный вектор, где речь идёт не только о дополнении действующей правовой системы новыми правами и процедурами, но и о переустройстве самой логики правового регулирования в сторону интеграции экологического измерения в сущностные основания прав человека. Такая реконструкция требует комплексного подхода, соединяющего содержательные стандарты, процессуальные гарантии, институциональные механизмы и ценностную легитимацию. Очевидно, что только подобная синергия способна обеспечить реальную, а не номинальную защиту экологических интересов личности и общества в эпоху растущих экологических вызовов.

Также интересной представляется мысль Д. Нокса, который пишет: «...деградация окружающей среды может наносить вред всем правам человека, независимо от каких-либо категорий, однако, отдельные права человека оказываются уязвимы перед экологическим ущербом в большей степени, чем другие» [[145], с. 214]. С теоретико-правовой точки зрения, экологическая деградация выступает как перекрёстное нарушение, то есть такое, которое не вписывается в узкие рамки отдельной категории прав, а пронизывает их, разрушая системные взаимосвязи между ними. Загрязнения воздуха и воды, разрушение экосистемы, изменение климата и истощения почв представляются явлениями, которые подрывают базовые условия осуществления прав человека, поскольку человек не существует вне природной среды, а само понятие

«достойная жизнь» немыслимо без экологической устойчивости. Таким образом, деградация окружающей среды становится своеобразным состоянием, подрывающим не отдельное право, а целостную систему человеческих прав и свобод.

Однако в рамках тезиса о воздействии деградации окружающей среды на права человека действительно можно выделить своеобразную градацию уязвимости прав, где первым страдают те, чья реализация прав напрямую зависит от природных условий. К таким правам относятся, прежде всего, право на жизнь, право на здоровье и право на достойный жизненный уровень. Загрязнение воздуха и воды, радиационное воздействие, проблемы продовольственной безопасности и климатические угрозы создают прямой риск биологического существования человека, что выводит экологическую проблематику на повестку всего международного сообщества и которые не могут игнорироваться государствами. В данном смысле право на жизнь приобретает экологическое измерение, превращаясь из абстрактного постулата в конкретное требование сохранения жизненно необходимых экологических условий.

Второй уровень уязвимости формируют социально-экономические и культурные права, поскольку экологическая деградация подрывает социальную инфраструктуру, лишает людей средств к существованию, разрушает традиционные формы землепользования. Особенно остро это проявляется в отношении стран, где аграрный сектор имеет чрезвычайно важное значение для достаточно большого количества населения и национальной экономики, Республика Таджикистан в данном смысле не является исключением.

И наконец третий аспект – это усиление неравенства и социальной маргинализация, так как экологическая деградация редко распределяется равномерно, уязвимые группы населения в число которых входят сельские общины, жители промышленных зон, женщины и дети в подобной ситуации находятся в особой зоне риска нарушения их экологических прав. В этой связи закономерным представляется тот факт, что экологический ущерб не просто

нарушает конкретные права, но и усугубляет структурное неравенство, превращаясь в фактор социальной дискриминации и правового отчуждения.

Если ранняя система прав строилась по секторам – личные, политические, социально-экономические, культурные, то в эпоху климатических изменений она все более тяготеет к интегративной модели, где экологический компонент пронизывает все категории прав человека в совокупности, что, в свою очередь, требует отказа от традиционной иерархии прав человека в пользу концепции экологической взаимозависимости прав и свобод, согласно которой защита окружающей среды становится необходимым условием реализации любого права, а не отдельным направлением правовой политики государства.

Несомненно, тезис о различной степени уязвимости прав человека перед экологической деградацией имеет не просто констатирующее, но и нормативное значение, так как она требует дифференцированного подхода к защите прав, с приоритетом охраны тех, чья реализация находится в прямой зависимости от природной среды, что, в свою очередь, предполагает формирование специализированных правовых механизмов, которые учитывают экологические риски, а также разработку процедур превентивной защиты прав человека в экологическом контексте. Мы считаем, что только при подобном подходе возможно выстроить систему, где право на жизнь и здоровье не будет зависеть от географии, экономического статуса или политических возможностей государства, а станет универсальной гарантией, основанной на признании взаимозависимости человека и природы.

Как считают другие теоретики рассматриваемой проблематики: «Корни различий во взглядах относительно экологических прав человека можно найти в размышлениях о природе прав человека в целом. Дискуссия о природе прав человека (в том числе и экологических) сводится к двум основным позициям. Первая рассматривает права человека как неотъемлемые моральные (естественные) права. Вторая позиция утверждает, что права человека являются продуктом реальных социальных практик и институтов. Этот спор отражает фундаментальное различие во взглядах на источник и природу прав человека:

являются ли они универсальными моральными истинами или же результатом исторического развития человеческих обществ и их институтов [[144], с. 37]. Следует указать, что данный тезис учёного отражает глубокий методологический и концептуальный контекст дискуссии об экологических правах человека, укореняя их в более широкой проблематике теории прав человека. На наш взгляд, автор корректно указывает, что разнообразие подходов к экологическим правам напрямую связано с различиями в понимании самой природы прав человека, что делает их правовую и философскую интерпретацию предметом интенсивного научного обсуждения. Указанные различия имеют не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку определяют, каким образом государство, международные организации и суды формируют стандарты, интерпретируют права и выстраивают механизмы их защиты в контексте экологических вызовов.

Первая позиция, рассматривающая права человека как неотъемлемое моральное или естественное право, и предполагает, что экологические права существуют как универсальные морально-правовые ориентиры, которые не зависят от формального признания государством. С этой точки зрения благоприятная окружающая среда рассматривается как базовое условие реализации всех других прав: право на жизнь, здоровье, развитие и культурная самобытность напрямую связаны с состоянием экосистемы, и их защита должна рассматриваться как императив, вытекающий из самой человеческой природы. В контексте современной международно-правовой базы такая позиция позволяет аргументировать необходимость расширения содержания прав человека, включая экологические интересы, даже там, где соответствующие нормы ещё не закреплены в договорных актах. На наш взгляд, уместным будет указать, что она создаёт нормативный эталон для оценки адекватности существующих правовых систем и служит идеологическим фундаментом для формирования принципов экологической справедливости.

Вторая же позиция, напротив, акцентирует внимание на социальном и институциональном конструкте прав человека, утверждая, что права

существуют только в той мере, в которой они закреплены в действующих законах и договорах и реализуются через конкретные юридические механизмы. С этой точки зрения экологические права являются продуктом исторически сложившихся политико-правовых процессов, в которых участвуют государства, международные организации и гражданское общество. Их существование и содержание зависит от политической воли, культурных традиций и институциональных возможностей.

Фундаментальная дихотомия между «естественными» и «позитивистскими» взглядами на права человека отражает более широкую проблему источника и легитимности правовых норм. В рамках первого подхода экологические права могут рассматриваться как универсальный эталон, к которому следует стремиться, даже если национальная или международная система пока не обеспечивают их полной реализации. Во втором подходе акцент делается именно на институциональной обеспеченности, что делает права гибкими и адаптивными к конкретным социальным и политическим условиям, но одновременно ограничивает их универсальный охват.

Следует подчеркнуть, что эта методологическая дилемма имеет непосредственные последствия для концепции экологических прав человека. Если принять естественно-правовую позицию, то правовая система должна активно включать экологические права как императивные и превентивные стандарты, действующие даже при отсутствии формального закрепления. Если же исходить из позитивистского взгляда, то экологические права становятся результатом компромисса между международной дипломатией и национальной политикой, что подчёркивает особую значимость законодательного закрепления и разработки процедуры их реализации.

В конечном счёте различия во взглядах на природу прав человека формируют две стратегические линии развития современного экологического права, одна ориентирована на нормативное и моральное расширение прав, исходя из принципов универсальности и справедливости, а другая же на прагматическую интеграцию прав в существующие правовые системы с учётом

политической социальной-экономической реальности. Осознание этого методологического основания позволяет исследователям и законодательным властям выстраивать более целостную концепцию экологических прав, соединяющую универсальные ценности с практической реализуемостью.

Видный российский исследователь экологических правоотношений М.М. Бринчук по поводу данной проблематики пишет: «...экологические права необходимо рассматривать как особую категорию в системе прав человека, связанную с законами природы и обусловленную природой человека как биологического существа. Он подчеркивает, что право на благоприятную окружающую среду является основным экологическим правом и вытекает из биологической потребности человека в благоприятных природных условиях. Человек не может существовать без доступа к чистой воде, воздуху и другим жизненно важным ресурсам. Если природные условия нарушены – это неминуемо сказывается на здоровье и благополучие человека. Экологические права человека обусловлены тем, что человек является не только социальным, но и природным существом. Государство должно создавать правовые механизмы, которые обеспечат реализацию этих прав и их защиту» [[53], с. 64]. Мы поддерживаем подобную точку зрения, так как экологические права человека действительно представляют собой особую категорию в системе прав человека, имеющие двойственную природу – правовую и биологическую. В отличие от традиционных гражданских и политических прав, основанных преимущественно на социальных отношениях, экологические права коренятся в естественных законах бытия, выражая неразрывную связь человека с окружающей средой. Следует отметить, что они отражают онтологическую зависимость человека от природы, поскольку его существование невозможно без доступа к чистому воздуху, воде, плодородной почве и сбалансированным экосистемам. Таким образом, право на благоприятную окружающую среду выступает не только юридической, но и биосоциальной необходимостью, вытекающей из самой сущности человека к природному существу.

Нарушение экологического баланса влечёт за собой деградацию здоровья, снижение качества жизни и утрату условий для достойного существования. В этом смысле экологические права приобретают жизненно важный характер сопоставимый с правом на жизнь, поскольку без сохранения природных основ само существование человека оказывается под закономерной угрозой. Именно поэтому государство несёт обязанность по созданию эффективных правовых механизмов, гарантирующих реализацию этих прав. К числу таких механизмов относятся установление экологических стандартов и нормативов, например, предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ, внедрение процедуры оценки воздействия на окружающую среду, обеспечение экологического контроля и ответственности за нарушение природоохранных требований.

В то же время экологические права играют роль ограничителя государственной власти, выступая своеобразным критерием её легитимности и эффективности. Государственные решения, ведущие к ухудшению состояния окружающей среды, подрывают не только экологическое благополучие, но и доверие граждан к институтам власти. Современная доктрина прав человека, развиваемая в международном праве, утверждает, что экологические права, как и другие фундаментальные права, носят наднациональный характер т.е. они принадлежат каждому человеку вне зависимости от государственной принадлежности, политического строя или уровня экономического развития. Именно поэтому экологические права человека рассматриваются мировым сообществом как универсальный идеал и необходимое условие устойчивого прогресса, отражая переход от антропоцентрической к экосоциальной парадигме права, где человек и природа рассматриваются как тесно взаимосвязанные субъекты единой системы бытия.

Другой видный теоретик экологического права М.Н. Копылов по этому поводу писал: «...право на благоприятную окружающую среду является субъективным правом, которое включает в себя три компонента: возможность определенного поведения обладателя права, возможность требовать

соответствующего поведения от других лиц, и возможность обращения к государству для обеспечения этого права. Отсутствие любого из этих компонентов делает право неполноценным. В контексте охраны окружающей среды важно обеспечить баланс между правами и обязанностями человека в национальном законодательстве, так как активность в исполнении обязанностей зависит от системы соответствующих прав и степени их обеспеченности» [[84], с. 51]. Мы поддерживаем данную мысль и считаем уместным добавить, что применительно к праву на благоприятную окружающую среду, указанные три компонента проявляются следующим образом. Во-первых, индивид обладает возможностью осуществлять экологически осознанное поведение – участвовать в охране природы, рационально использовать ресурсы, контролировать воздействие на окружающую среду. Во-вторых, он имеет право требовать от других субъектов т. е. физических или юридических лиц соблюдать экологические нормы, в целях предотвращения загрязнений, разрушения экосистемы, нанесения вреда окружающей среде. Наконец, в-третьих, гражданин может требовать от государства выполнения его обязанностей по охране окружающей среды, включая принятие природоохранных нормативно-правовых актов, проведение мониторинга и привлечение к ответственности нарушителей экологического законодательства.

В Республике Таджикистан данное право вытекает из конституционных положений, согласно которым каждый имеет право на благоприятную окружающую среду и обязан сохранять её. В национальной системе права установлено единство прав и обязанностей человека в сфере экологии, что отражает современную тенденцию к формированию экологического правосознания. Однако, несмотря на наличие правовых гарантий, проблема реализации субъективного права на благоприятную среду остаётся актуальной, так как наблюдается недостаточная эффективность экологического контроля, ограниченным доступом граждан к экологической информации и слабым развитием судебных механизмов защиты.

Для обеспечения полноты реализации этого права необходимо укреплять механизмы процессуальной защиты, в том числе гарантировать доступ граждан к правосудию по экологическим делам, развивать институт общественного экологического контроля, закреплённого в Орхусской конвенции, участницей которой является и Республика Таджикистан. Лишь при наличии чётко функционирующих процедур обращения, правоприменения и ответственности можно говорить о полноценности субъективного права на благоприятную окружающую среду.

В конечном счёте баланс между правами и обязанностями личности в сфере охраны природы выступает не просто условием правопорядка, но и показателем зрелости экологической правовой культуры граждан. Чем выше осознанность граждан в исполнении экологических обязанностей и чем надёжнее гарантии реализации их прав, тем устойчивее становится правовая система, направленная на сохранение окружающей среды как основа жизни и здоровья человека.

Как справедливо отмечает отечественный исследователь И.О. Давронов: «... значимость экологических прав человека для современного общества определяется тем, что они формируют собой те базовые и универсальные по своей сути нормы, на которых строятся фундаментальные основы построения современной государственности. Так, сегодня во многих государствах мира основу экономики формируют положения, связанные с развитием зелёной экономики. Также происходящие природные катаклизмы и техногенные происшествя оказывают серьёзное влияние на социальные аспекты жизни человека (например, аварии на Чернобыльской АЭС и АЭС Фукусима)» [[66], с. 38]. Несомненно, экологические права человека представляют собой неотъемлемую часть современной правовой цивилизации, вбирая в себя как гуманистические, так и экосистемные начала. Очевидно, что их значимость для общества 21 века заключается в том, что они не просто фиксируют юридически гарантированные возможности личности на благоприятную окружающую среду, но и формируют новую правовую парадигму экологического гуманизма,

где человек осознаётся не господином природы, а её частью и ответственным субъектом в системе «человек-природа-государство».

Следует подчеркнуть, что данные права приобретают универсальный характер и входят в число тех базовых правовых норм, на которых строится концепция современного правового государства. И что немаловажно, экологическая составляющая государственной политики становится ключевым индикатором уровня демократичности и цивилизованности страны, ведь именно через призму экологических прав оценивается способность государства не только провозглашать, но и реально обеспечивать право человека на жизнь, здоровье и благоприятную окружающую среду.

В современной правовой доктрине также существует иной подход, определяющий экологические права человека, который именуется институциональным. К примеру, институциональный подход используется К.В. Медведевым при определении экологических прав человека следующим образом: «солидарные (коллективные), принадлежащие как ко всему человечеству, так и к отдельному человеку, который принадлежит к определенному сообществу, являющиеся достижением компромисса между экологическими и экономическими интересами с целью сохранения жизни человечества на Земле, опосредующие гарантированную обществом и государством правовую возможность удовлетворения человеком собственных биологических, эстетических и производственных потребностей в процессе его взаимодействия с окружающей средой» [[137], с. 16]. Подобного подхода придерживаются довольно большое количество современных учёных, так как он является более комплексным направлением осмысления природы экологических прав человека, который выходит за рамки традиционного индивидуалистического восприятия прав человека. Институциональный подход рассматривает экологические права не только как личные субъективные возможности индивида, но и как социально-институциональное явление, отражающее взаимосвязанность интересов личности, общества и государства в сфере охраны окружающей среды.

Приведённый взгляд автора демонстрирует отход от узкого антропоцентричного понимания прав и акцентирует внимание на экологическом коллективизме, где интересы индивида неотделимы от интересов человеческой цивилизации в целом, что, в свою очередь, придает экологическим правам особый статус – они становятся правами-ценностями, выражающими баланс между экологической устойчивостью и экономическим развитием, то есть компромисс между необходимостью удовлетворения человеческих потребностей и сохранением природных основ жизни.

Еще одна особенность институционального подхода заключается в том, что он позволяет интерпретировать экологические права человека не только как юридическую гарантию, но и как механизм самоорганизации общества, обеспечивающий формирование экологически ответственного поведения и развития институтов экологического государства. В связи с этим, экологические права уже выступают не изолированным элементом правового поля, а структурным компонентом правовой системы, опосредующим взаимодействие человека с окружающей средой через нормы, институты и механизмы государственной и общественной регуляции.

Другой сторонник институционального подхода В.И. Андрейцев, раскрывая понятие экологических прав, пишет: «Это совокупность юридических возможностей и средств, направленных на удовлетворение потребностей граждан в использовании природных ресурсов, охраны окружающей природной среды и обеспечении экологической безопасности» [[140], с. 47]. В позиции автора прослеживается идея о том, что экологические права выполняют регулятивную и гарантийную функцию, формируя юридический механизм обеспечения устойчивого взаимодействия человека и природы. Здесь экологические права выступают не только в виде абстрактных правовых норм, но и как комплекс реальных возможностей, выражающихся в доступе к экологической информации, участии граждан в принятии решений, влияющих на состояние окружающей среды, и в праве на судебную защиту прав нарушении экологического баланса.

Также следует добавить, что подход В.И. Андрейцева акцентирует внимание на институциональной реализуемости экологических прав, то есть их воплощении через систему юридических средств, государственных институтов и общественных механизмов. В совокупности эти идеи отражают эволюции современной экологической правовой мысли – от индивидуального восприятия прав к осознанию их как социально-государственного института, направленного на достижение экологического равновесия и обеспечение прав каждого на благоприятную и безопасную среду для жизни.

Как отмечает отечественный исследователь М.М. Сохибзода: «...экологические права человека состоят из двух основных элементов: экологических прав и свобод человека и экологических обязанностей человека» [[38], с. 89]. Согласно рассматриваемой точки зрения, экологические права человека состоят из двух взаимосвязанных элементов: экологических прав и свобод личности и экологических обязанностей человека. Подобный дуализм отражает более зрелое системное понимание сущности экологических отношений, в которых права неразрывно сопряжены с ответственностью за состоянием природной среды.

Отличие этого подхода от традиционной, преимущественно западной доктрины, состоит в том, что он придаёт особое значение обязанностям человека в контексте экологического права. Если в зарубежных концепциях акцент делается преимущественно на правах личности, то отечественный теоретик, в частности в контексте конституционного права Республики Таджикистан, исходит из необходимости установления равновесия между правом и долгом, что отражают глубокую философскую идею о том, что право на благоприятную окружающую среду невозможно реализовать без активного участия самого человека в её сохранении.

Действительно, в Конституции Республики Таджикистан отсутствует прямая норма, формулирующая экологические права явном виде, однако в статье 44 закреплена экологическая обязанность каждого сохранять природу. Указанная норма имеет не только формальное, но и регулятивно-

мотивационное значение, выступая руководством к совершению определённых действий, например, к рациональному использованию природных ресурсов, участию в экологических мероприятиях, соблюдению норм природоохранного законодательства. Одновременно она содержит и запретительное начало, выражающееся в недопустимости деяний, наносящих ущерб окружающей среде.

Таким образом, включение экологических обязанностей в структуру экологических прав человека формирует интегральную модель экологической ответственности, характерную для отечественной правовой системы. На наш взгляд, данный подход позволяет рассматривать экологические права не как пассивную гарантию, а как активное правовое состояние, требующее сознательного участия гражданского общества в обеспечении экологического благополучия государства.

А.И. Лагунова приводит следующую классификацию экологических прав человека по критерию их значимости: а) «жизнеобразующие» (генофонд, жизнь, благоприятная окружающая среда); б) «жизнеподдерживающие» (здоровье, экологическая безопасность, выбор врача и медицинского учреждения, возмещение вреда здоровью, имуществу (кроме природных объектов) и природе от экологического правонарушения; в) «иные» (право на экологическую информацию) [[135], с. 12]. На наш взгляд автор предлагает достаточно содержательную и концептуально обоснованную классификацию экологических прав человека по критерию их значимости для существования и жизнедеятельности личности, что позволяет по-новому взглянуть на внутреннюю структуру и функциональную направленность данной категории прав. Такая типология отражает иерархию прав по степени их влияния на сохранение человеческой жизни, здоровья и экологического благополучия, а также способствует пониманию их системной взаимосвязи в контексте устойчивого развития.

Во-первых, к числу «жизнеобразующих» прав автор относит те права, без которых невозможно само существование человека как биосоциального

существа, в их число входят право на жизнь, право на сохранение генофонда и на благоприятную окружающую среду. Указанные права представляют биологическую основу человеческого бытия, обеспечивая сохранение фундаментальных природных условий, необходимых для жизни человека и будущих поколений. Помимо этого, они носят абсолютный и универсальный характер, поскольку их реализация не может быть поставлена в зависимости от уровня экономического развития государства или политической воли правительств различных государств. В них концентрируется экзистенциальный смысл экологических прав, ибо утрата этих прав ведёт к угрозе самому существованию человеческой цивилизации.

Во-вторых, «жизнеподдерживающие» экологические права, по мнению автора, направлены на обеспечение качества жизни человека и сохранение здоровья в процессе взаимодействия с окружающей средой. К этой группе относятся право на охрану здоровья, экологическую безопасность, выбор врача и медицинского учреждения, а также право на возмещение вреда здоровью, имуществу и природной среде в случае экологического правонарушения. Рассматриваемые права уже носят социально-функциональный характер, так как обеспечивают адаптацию человека к среде обитания и служат механизмом компенсации экологических рисков, вызванных хозяйственной или иной деятельностью. В их основе лежит принцип экологической справедливости, выражающий необходимость восстановления нарушенного экологического баланса и возмещения причинённого ущерба.

И наконец, в-третьих, категория «иные» права, к которым автор относит, например, право на получение экологической информации, имеет вспомогательный, но не менее значимый характер. По своей сути эти права обеспечивают информационное и процессуальное измерение экологической защищённости личности, создавая предпосылки для реализации как жизнеобразующих, так и жизнеподдерживающих прав. Доступ к экологической информации, возможность участия в принятии решений и контроль за деятельностью, влияющей на природу в совокупности, формируют основу

экологической демократии, обеспечивая прозрачность и подотчётность государства и хозяйствующих субъектов перед обществом.

Мы считаем, что приведённая классификация имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, так как позволяет выявить приоритетные направления правовой защиты человека в экологической сфере, разграничить права по их значимости и определить механизмы их реализации. В контексте правовой системы Республики Таджикистан данная классификация может быть адаптирована для систематизации норм экологического законодательства, выработки критериев оценки эффективности государственной экологической политики и уточнения конституционной-правового содержания экологических прав граждан.

Интересную мысль относительно места экологического образования и воспитания в вопросах охраны окружающей среды и экологических прав личности приводит В.М. Назаренко: «При поиске путей решения экологических проблем необходимо обратить особое внимание не только на выработку эффективной государственной политики, формирование и совершенствование современного экологического законодательства, оптимальное финансирование, но и на развитие системы экологических знаний. Только образованный человек может понять суть содеянного, а также оценить последствия, найти варианты выхода из неблагоприятной ситуации и предложить свою точку зрения» [[102], с. 19]. Мы поддерживаем данную мысль, так как эффективная реализация экологических прав невозможна без формирования у населения экологической культуры, основанной на понимании взаимозависимости между состоянием природы и качеством человеческой жизни. Ведь именно образованный и сознательный человек способен не только осознать последствия антропогенного воздействия на окружающую среду, но и активно участвовать в процессах её охраны, рационального использования природных ресурсов и восстановления экологического равновесия.

Современные экологические вызовы требуют комплексного подхода, в котором правовые меры должны сочетаться с просветительскими и научно-

образовательными инициативами. Государственная политика в сфере экологии не может ограничиваться лишь принятием нормативных актов или выделением финансовых средств, в данной ситуации необходима экологизация мышления и поведения общества, что, по сути, означает – обеспечение экологических прав напрямую зависит от уровня экологической компетентности граждан, способных самостоятельно оценивать экологические риски, требовать от государства выполнения природоохранных обязательств и принимать участие в принятии решений, затрагивающих состояние окружающей среды

Иными словами, формирование экологических знаний выступает как интеллектуальная основа реализации экологических прав. Без понимания сущности природных процессов, знания экосистемных связей и правовых механизмов защиты окружающей среды даже самые совершенные законы останутся декларативными. Для нас очевидно, что сочетание правового регулирования, государственной поддержки и системного экологического образования способно обеспечить устойчивое развитие реального воплощения права каждого человека на благоприятную окружающую среду.

Основываясь на вышеизложенном, мы закономерно приходим к одному из наиболее актуальных концепций современного экологического права – концепции экологической демократии, которая объединяет принципы демократического управления и экологической устойчивости, где гражданское общество принимает самое активное участие в принятии решений, касающихся проблематики окружающей среды.

В этой связи, исследуя правовую природу экологических прав С.И. Мамедова выдвигает один из наиболее ёмких и актуальных тезисов: «Признание значения экологических прав человека – гражданина, прежде всего, подтверждает намерение государства построить демократическое правовое государство и постоянно развивать его основы» [[94], с. 465]. Рассматриваемое утверждение вполне справедливо, так как реальное обеспечение экологических прав человека выступает не только правовым, но и политико-ценностным маркером зрелости государства, подтверждающим его стремление к

построению демократического правопорядка. Экологические права, являясь составной частью правового статуса личности, отражают степень гуманизации и демократизации общества, поскольку именно через их реализацию проявляется уважение государства к базовым правам и жизненным интересам человека. Признание значимости экологических прав является наиболее ярким индикатором перехода государства к модели экологической демократии, где приоритетом становится не экономическая выгода, а сохранение природных основ человеческого существования.

В условиях формирования демократического правового государства экологические права приобретают системное значение, так как они обеспечивают не только правовую защиту человека от экологических угроз, но и его активное участие в принятии экологически значимых решений. Именно активное участие гражданского общества в данных правоотношениях составляет основу экологической демократии, как особая форма проявления народовластия в экологической сфере. Через такие механизмы граждане становятся не пассивными наблюдателями, а полноценными субъектами экологического управления, что усиливает доверие к институтам государства и способствует развитию всех государственных институтов.

Признание государством экологических прав человека не является простой декларацией, а наоборот, это глубокое политико-правовое обязательство, которое предполагает институциональное закрепление принципов прозрачности, ответственности и участия граждан в экологических правоотношениях. В этом смысле экологические права становятся чрезвычайно значимым критерием современного демократического государства, так как без их эффективного обеспечения невозможно построение подлинно правового и социально справедливого общества.

Сторонники теории «экологической демократии» подчёркивают неспособность традиционно выделяемых форм решить существующие экологические проблемы, указывают на необходимость переосмысления возможностей общественного участия, значение прозрачности, подотчетности

и легитимности, взаимосвязи экологических и демократических ценностей, институционализации экологических прав и практик эффективного экологического управления [[141]; [143]]. Мы считаем вышеуказанную мысль вполне обоснованной, так как классическая модель демократии, сосредоточенная преимущественно на политических и экономических свободах, зачастую игнорирует экологическое измерение прав человека и не обеспечивает реального участия граждан в управлении природными ресурсами и экологической безопасностью. В связи с этим экологическая демократия выступает как новый, и в некотором смысле, революционный этап эволюции демократической теории, где акцент смещается на взаимосвязь экологической ответственности и общественного участия. Причем в последние десятилетия развития правовой мысли концепция экологической демократии находит всё большую поддержку со стороны различных исследователей данной проблематики [[51]; [52]; [70]; [142]; [146]; [147]].

Основная идея данного тезиса, на наш взгляд, заключается в том, что подлинная демократия невозможна без экологического измерения, так как права человека и состояние окружающей среды взаимосвязаны по своей сути. Демократическая модель, основанная на учёте экологической проблематики, является не периферийной сферой политики государства, а выступает в качестве его структурного ядра, обеспечивая долгосрочное выживание общества в достойных условиях. Сторонники рассматриваемой концепции подчеркивают необходимость институционализации экологических прав, их закрепления на уровне конституционного и административного права, а также включения экологических приоритетов в процесс принятия государственных решений.

Следует подчеркнуть, что ключевыми принципами экологической демократии являются прозрачность, подотчётность и легитимность. Прозрачность обеспечивает доступ граждан к достоверной экологической информации, подотчётность предполагает ответственность государственных органов и субъектов хозяйственной деятельности за экологические решения их

последствия, а легитимность формируется через участие общественности, которое придаёт экологической политике доверительный и справедливый характер. Именно ряд таких элементов делают экологическую демократию не просто теоретическим конструктом, а реальной практикой экологического управления, основанной на сотрудничестве государства и общества.

Исходя из этого, экологическая демократия формирует новое понимание социальной справедливости, в рамках которого экология становится неотъемлемой частью прав человека и общественного контроля над властью. В условиях Республики Таджикистан данная концепция приобретает особую актуальность, поскольку отвечает стратегическим задачам устойчивого развития, закреплённого в национальных и международных обязательствах страны, включая участие в Орхусской конвенции, имеющей целью поддержку защиты экологических прав человека и инициацию процесса построения модели экологической демократии в участвующих в ней государствах.

Исследуя особенности проявления экологической демократии на практике, А.В. Тетерин приводит опыт Бразилии в данном вопросе: «Конституционная реформа 1988 года в Бразилии привела к закреплению права граждан участвовать в управлении делами государства и последующей децентрализации, муниципальные власти получили возможность участвовать в решении вопросов здравоохранения, охраны природной среды и т.д. В Порту-Алегри впервые в мире был применён такой механизм как «бюджет народного участия». Граждане могут самостоятельно распределить 5-25% средств местного бюджета. Приоритеты и цели расходования денежных средств определяются на тематических форумах для дискуссии самими гражданами, проживающими на территории соответствующих округов города. После подготовки проект бюджета выносится на публичное обсуждение консультативного совета, и лишь после его одобрения может быть одобрен представительным органом города» [[122], с. 153]. Несомненно, законодательные нормы и механизмы, разработанные в Бразилии и в ряде других латиноамериканских государствах, к примеру, в Эквадоре

(Конституционное положение, провозглашающую концепцию «Мать-Земля», о который мы писали в начале данного параграфа), носят в большей степени новаторский характер и в сравнительно-правовом аспекте в настоящее время выступают скорее в качестве исключения из правил. Большинство государств мира в части законодательного регулирования экологических вопросов опираются на нормы общего характера без конкретизации тех или иных процедур общественного участия граждан. Тем не менее, столь прогрессивная норма показывает, что экологическая демократия наиболее эффективно реализуется на локальном уровне, где граждане непосредственно ощущают последствия экологических решений и могут оперативно влиять на их принятие.

Другой интересной мыслью является идея о том, что экологическая демократия предполагает построения новых демократических институтов. По этому поводу украинский исследователь и экологический активист В. Борейко приводит тезис, согласно которому: «К таким демократическим институтам прежде всего относится судебная система. Мы видим, как слабы в экологическом законодательстве рядовые судьи. Они просто его не знают. Для действенной защиты природы при экологической демократии должны быть созданы специальные суды по правам природы» [[50], с. 27]. В этом утверждении есть определённая логика, так как учреждение экологических судов позволит не только повысить уровень профессионализма при рассмотрении дел данной категории, но и укрепить принципы прозрачности и подотчётности, что непосредственно соотносится с концепцией экологической демократии. Ведь последняя предполагает не просто участие граждан в принятии решений, но и наличие действенных институтов, обеспечивающих реализацию экологических прав на практике.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что признание значения экологических прав человека неразрывно связано с основополагающими принципами государственного устройства, закреплёнными в статье 1 Конституции Республики Таджикистан, согласно

которой Таджикистан провозглашается демократическим государством. Подобное конституционное положение задаёт стратегический вектор развития страны, в котором демократия рассматривается не только как форма политической организации общества, но и как качественная характеристика всей государственной и общественной жизни, включая экологическую политику.

В подобном контексте признание и обеспечение экологических прав граждан выступает обязательным элементом реализации демократического принципа, так как демократия немыслима без участия граждан в решении вопросов, затрагивающих их жизненные интересы, в том числе экологические. Реализация права на благоприятную окружающую среду, доступ к экологической информации, участие в принятии и решений и право на судебную защиту в совокупности являются проявлением демократии в экологическом измерении, отражающим тесную связь между конституционным статусом личности и экологической ответственностью государства.

Следовательно, обращение к статье 1 Конституции Республики Таджикистан позволяет сделать важный вывод: экологическая демократия – это конкретное воплощение принципов демократического и правового государства, закреплённых в основном в законе страны. Если демократия в политическом смысле означает участие народа в управлении государством, то экологическая демократия выражает участие граждан в управлении природной средой, в контроле за экологической безопасностью и рациональным использованием природных ресурсов. Тем самым она придаёт реальное содержание идее народовластия, распространяя её не только на политическую, но и на экологическую сферу правоотношений.

В этой связи, можно утверждать, что провозглашённые в Конституции Республики Таджикистан принципы демократизма получают своё конкретное развитие через институт экологических прав человека, которые выступают практическим инструментом реализации конституционного идеала, т.е. построения демократического, социально-ориентированного и экологически

ответственного государства. Уместным будет подчеркнуть, что именно по этой причине признание, защита и развитие экологических прав неразрывно связано с укреплением демократических основ таджикской государственности.

3.2. Проблемы и перспективы развития экологического законодательства Республики Таджикистан

Современное экологическое законодательство Республики Таджикистан представляет собой динамично развивающуюся систему нормативно-правовых актов, направленных на обеспечение экологической безопасности, рационального использования природных ресурсов и реализацию конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду. Вместе с тем, несмотря на значительные достижения в формировании правовой базы, регулирующей экологические правоотношения, данная сфера всё ещё характеризуется рядом характерных системных проблем, обусловленных как историческими, так и экономическими факторами. Среди ключевых вызовов можно выделить недостаточную согласованность нормативно-правовых актов, фрагментарность правового регулирования, а также слабую имплементацию международных экологических обязательств в национальное законодательство.

Одной из фундаментальных проблем является несоответствие между нормами права и их практической реализацией. Несмотря на наличие развитого правового каркаса – Закона РТ «Об охране окружающей среды» [[11]], Водного [[6]], Земельного [[7]] и Лесного [[8]] кодексов, а также целого ряда подзаконных актов, уровень правоприменения всё ещё остаётся низким, что проявляется в неэффективности экологического контроля, формальности экологической экспертизы, а также в ограниченном доступе граждан к информации о состоянии окружающей среды. Обозначенные проблемы в своей совокупности дополнительно усиливаются институциональной слабостью уполномоченных органов, недостаточном финансировании природоохранных

мероприятий и отсутствием системным и комплексного мониторинга экологических рисков.

Существенной проблемой остаётся правовой разрыв между экономической и экологической политикой государства. Приоритет экономического роста зачастую преобладают над экологическими интересами, что приводит к эксплуатации природных ресурсов без должного учёта принципов устойчивого развития. Между тем, именно интеграция экологических стандартов в экономические механизмы является ключевым условием перехода к зелёной экономике. Для этого требуется модернизация правового регулирования в области экологического аудита, экологического страхования, а также внедрение эффективных экономических стимулов для предприятий, использующих экологически безопасные технологии.

Перспективы развития экологического законодательства Республики Таджикистан связаны с дальнейшей гармонизацией национальной правовой системы с международным экологическим правом, прежде всего с Орхусской конвенцией, Парижским соглашением по климату и Целями устойчивого развития ООН. В этом контексте довольно значимым направлением деятельности является реальное воплощение на практике концепции «экологической демократии», предусматривающей активное участие гражданского общества в принятии решений, затрагивающих окружающую среду. Необходим переход от декларативных норм к действенным механизмам реализации экологических прав человека, включая судебную защиту, административное обжалование и расширение доступа населения к экологической информации.

Развитие экологического законодательства Республики Таджикистан невозможно без глубокого осмысления его концептуальных основ, которые должны базироваться на идее приоритета экосистемных интересов и принципе межпоколенческой ответственности. В современных условиях правовое регулирование охраны окружающей среды должно рассматриваться не как второстепенное направление государственной политики, а как ключевой

элемент национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития. Экологическая стабильность в подобной ситуации выступает в качестве стратегического ресурса, от которого напрямую зависит продовольственная, энергетическая и демографическая безопасность государства. В связи с этим в системе правового регулирования необходимо формировать новую парадигму – от реагирующего к превентивному экологическому праву.

Другая проблема отрасли также заключается в отсутствии комплексного подхода к экологическому нормотворчеству. На практике, нормативно-правовые акты нередко разрабатываются без учёта системной взаимосвязи между различными природными компонентами – атмосферным воздухом, почвой, водными и биологическими ресурсами, что приводит к фрагментарности регулирования и противоречиям в правоприменительной практике. На наш взгляд, в перспективе целесообразно принятие Экологического кодекса Республики Таджикистан, который объединил бы существующие разрозненные законы в единую системную структуру, что позволило бы устранить дублирование и коллизии, а также обеспечить преемственность и устойчивость правового регулирования.

Не менее важным, на наш взгляд, является усиление института экологической ответственности. В национальной правовой системе до сих пор преобладает административный подход, ориентированный на взыскания и штрафы, что зачастую не достигает положительного экологического эффекта. Необходим переход к многоуровневой модели ответственности – от экономической (экологическое налогообложение, плата за загрязнение) до гражданско-правовой (возмещение ущерба за вред окружающей среде) и уголовной (пресечение экологических преступлений).

По мнению ряда исследователей [[41]; [42]; [78]; [80]; [83]; [96], [100]; [127]], на сегодняшний день весьма острой является проблема электронных отходов, так как они выступают в качестве одних из наиболее быстрорастущих категорий отходов в современном мире, и в условиях Республики Таджикистан

данная проблема приобретает особую актуальность. Под электронными отходами понимаются устройства и компоненты электрического и электронного оборудования, утратившие свои потребительские свойства либо ставшие непригодными для дальнейшего использования. К этой категории относятся компьютеры, мобильные телефонные, телевизоры, осветительные приборы, медицинские и телекоммуникационные устройства и иные виды электрооборудования. Особенность электронных отходов заключается в их двойственной природе, с одной стороны, они являются источником опасных веществ, способных нанести серьёзный вред экосистеме и здоровью человека, а с другой стороны – электронные отходы содержат ценные металлы, такие как золото, серебро, медь, никель и палладий, что делает их перспективным ресурсом для вторичной переработки.

В Республике Таджикистан система обращения с электронными отходами находится на самой начальной стадии формирования. Отсутствие специализированных перерабатывающих предприятий, недостаточность технологических мощностей и слабое нормативное регулирование приводит к тому, что большинство электронных отходов утилизируются вместе с бытовыми, что создаёт серьёзные экологические риски: при разложении электроники на свалках в атмосферу выделяются токсичные соединения, такие как диоксины и фураны, а в почву и грунтовые воды проникают такие тяжёлые металлы как свинец, ртуть и кадмий. В совокупности всё это формирует скрытую, но крайне опасную форму загрязнения, последствия которой проявляются постепенно, нанося ущерб экосистеме и здоровью населения.

Также следует отметить, что отсутствие эффективного механизма отдельного сбора и утилизации электронных отходов негативно влияет на экономику Республики Таджикистан. Ежегодно значительный объём ценных материалов просто теряется, не вовлекаясь во вторичный оборот, что особенно актуально в условиях ограниченности природных ресурсов и растущую зависимость от импорта. Внедрение системы переработки электронных отходов позволило бы Республике Таджикистан не только сократить экологическую

нагрузку, но и создать новые рабочие места, развить зелёные технологии, привлечь инвестиции в сферу переработки и повысить технологическую независимость страны.

Правовое регулирование обращения с электронными отходами в Республике Таджикистан пока не имеет системного характера. Существующие нормы экологического законодательства лишь косвенно затрагивают данный вопрос, не определяя чётких требований к сбору, транспортировке, переработке и утилизации электронного лома, что создаёт правовой вакуум, в рамках которого невозможно выстроить устойчивую систему экологического управления.

В этой связи уместным будет указать, что Республика Таджикистан ратифицировал Базельскую конвенцию «О контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением» 30 июня 2016 года [[1]], разработчики которой закладывали в качестве её главной цели ограждение здоровья человека и окружающей среды от пагубного воздействия, вызываемого производством, использованием, трансграничной перевозкой и удалением опасных отходов, в том числе электронных отходов.

На региональном уровне Республика Таджикистан также присоединилась к Соглашению СНГ «О сотрудничестве государств-участников СНГ в области обращения с отходами электронного и электротехнического оборудования» [[3]], где определён порядок использования отходов электронного и электротехнического оборудования (далее – ОЭЭО), классификация ОЭЭО, класс опасности ОЭЭО и т.д.

Действующий Закон Республики Таджикистан «Об отходах производства и потребления» [[12]], принятый еще в 2002 году, во многом не учитывает существующую проблему роста количества электронных отходов, характерной для текущего периода. Статья 1 рассматриваемого закона даёт определение таких понятий как отходы, отходы потребления, вторичное сырьё, твёрдые бытовые отходы, опасные отходы, но не содержит конкретизации в части определения понятия электронные отходы. На наш взгляд, хотя в определённой

мере электронные отходы и возможно отнести к типу вторичного сырья или к твёрдо-бытовым отходам, тем не менее целесообразным представляется выделение их в качестве отдельной категории, так как это является актуальной практикой в странах с ведущей законодательной практикой в рассматриваемой области правоотношений и в полной мере соотносится с международно-правовыми обязательствами Республики Таджикистан.

В связи с вышеизложенным, считаем уместным предложить внесение изменений в статью 1 Закона Республики Таджикистан «Об отходах производства и потребления» от 10.05.2002 года и дополнить её определением «Отходы электрического и электронного оборудования», изложив её в следующей редакции: «Отходы электрического и электронного оборудования – изделия, комплектующие и материалы электрического и электронного происхождения, утратившие свои функциональные или потребительские свойства, подлежащие удалению, утилизации либо переработке, включая компоненты, узлы и материалы, образующиеся при демонтаже, ремонте или обновлении такого оборудования, а также пригодные для извлечения вторичных ресурсов».

Современные тенденции глобального экологического развития свидетельствует о переходе от традиционных форм природопользования к интегративным моделям управления отходами, основанным на принципах циркулярной экономики и устойчиво производства. В этом смысле в современный период центральное место приобретают вопросы внедрения механизма расширенной ответственности производителей, предполагающей возложение на производителей и импортёров обязанности за весь за весь жизненный цикл выпускаемой ими продукции, включая стадию её утилизации и переработки.

Для Республики Таджикистан, где ежегодно образуется значительное количество твёрдых бытовых и промышленных отходов, проблема неэффективной системы их обращения становится одной из ключевых угроз экологической безопасности, при этом, действующее законодательство, в

частности Закон Республики Таджикистан «Об охране окружающей среды» и ряд других отраслевых законов лишь частично регламентируют механизмы ответственности субъектов хозяйственной деятельности за утилизацию произведённой ими продукции и не содержат норм по практическому применению механизма расширенной ответственности производителей.

Следует отметить, что механизм расширенной ответственности производителей (далее – РОП) является передовым и современным методом охраны окружающей среды, введённым в практику Министерством окружающей среды Швеции еще в 1990 году. В научной доктрине экологического права РОП рассматривается как форма реализации принципа превентивности, направленная на минимизацию негативного воздействия продукции на окружающую среду на всех стадиях её жизненного цикла. Сущность анализируемого механизма заключается в перераспределении экологических рисков и экономической ответственности от потребителя к производителю, что стимулирует последних внедрять экологически чистые технологии, улучшать качество упаковки и способствует развитию вторичного рынка сырья.

Механизм РОП в настоящее время характеризуется активным внедрением во многих странах мира, заинтересованных в выработке эффективных механизмов охраны окружающей среды. Как отмечают исследователи проблематики: «Впервые РОП была внедрена в европейских странах, когда Европейский парламент принял директиву, требующую от его стран-членов разработать программы расширенной ответственности производителей для пластмассовых изделий. Затем двадцать три штата США приняли законодательство на основе расширенной ответственности производителей за утилизацию продуктов после их выхода из употребления. В Японии также принят закон о РОП, касающийся ответственности производителей за утилизацию бытовой техники и электроники, включая телевизоры, холодильники, кондиционеры и стиральные машины. Совсем недавно принцип расширенной ответственности производителей начал внедряться в

развивающихся странах, таких как Индия, Бразилия, Эфиопия и Китай» [[89], с. 33]. Очевидно, что описанная тенденция демонстрирует глобализацию правового механизма РОП как инструмента реализации экологической политики государств различного уровня социально-экономического развития. Механизм РОП в данном смысле выступает не просто как технический регламент, направленный на охрану экологической среды, а как новая модель взаимодействия государства, субъектов хозяйственной деятельности и гражданского общества, обеспечивающий перераспределение экологической нагрузки и стимулирующей трансформацию экономических систем, с учётом принципов устойчивого развития.

Ряд авторов выделяет два уровня РОП: «1) индивидуальная ответственность производителя на уровне сектора или отрасли; 2) коллективная ответственность производителя, требующая создания той или иной формы организации ответственности производителей» [[95]; [109]; [117]; [124]]. Данная мысль имеет свою логику, так как представляет собой ключевое методологическое разграничение в научной доктрине экологического права и управления отходами, раскрывающее структурную-функциональную природу механизма расширенной ответственности производителей. Выделение индивидуального и коллективного уровней ответственности позволяет нам глубже понять особенности функционирования данного института в различных экономико-правовых системах и определить оптимальные модели его реализации в зависимости от целей экологической политики государства.

Прежде всего, индивидуальная ответственность производителя отражает персонифицированный подход к возложению экологических обязательств. В её рамках каждый субъект хозяйственной деятельности несёт самостоятельную ответственность за организацию сбора, переработки и утилизации отходов, образующихся после окончания жизненного цикла его продукции. Уместным будет указать, что подобная модель характерна для развитых стран с высоким уровнем производственной дисциплины и развитой инфраструктурой переработки отходов (ФРГ, Швеция, Нидерланды), так как стимулирует

предприятия к внедрению передовых технологий, оптимизации производственных процессов, экологическому проектированию продукции и минимизации упаковочных материалов. Немаловажным является и тот факт, что индивидуальная РОП усиливает непосредственную связь между производителем и последствиями его деятельности, тем самым реализуя на довольно популярный на сегодня день принцип «загрязнитель платит» в наиболее полном виде.

Однако, следует отметить, что индивидуальная модель требует значительных финансовых и организационных ресурсов, наличие специализированной инфраструктуры, эффективной системы контроля и развитого рынка вторсырья. В условиях переходных экономик (более характерных для стран постсоветского пространства), где большинство производителей относятся к категории малых и средних предприятий, её применение в чистом виде зачастую оказывается затруднительным и, собственно, в связи с этим в таких странах преобладает вторая модель – коллективная ответственность производителей.

Что касается коллективной ответственности производителей, то она основывается на объединении предприятий в специализированные организации, например, в ассоциации или консорциумы, которые создаются для коллективного выполнения обязанностей по сбору, утилизации и переработки отходов. Подобные структуры функционируют как операторы РОП, аккумулирующие финансовые взносы участников и обеспечивают централизованную реализацию экологических программ.

С научной точки зрения, коллективная РОП представляет собой элемент публично-частного партнёрства в сфере охраны окружающей среды, так как способствует снижению административной нагрузки на государство, повышает прозрачность механизмов финансирования и утилизации, и стимулирует развитие рыночных инструментов обращения с отходами. Вместе с тем, коллективная модель несёт в себе риск размывания индивидуальной ответственности, когда отдельные производители теряют стимул к улучшению

экологических характеристик своей продукции, тем самым перекладывая ответственность на коллективный орган.

Системное рассмотрение обеих моделей позволяет заключить, что для Республики Таджикистан, находящейся на этапе становления правовых механизмов в области обращения с отходами, целесообразно формировать смешанную, то есть гибридную модель РОП, сочетающую элементы как индивидуальной, так и коллективной ответственности. На начальных этапах приоритет может быть отдан коллективной форме – с созданием национальной организации ответственности производителей, функционирующей под контролем государства и обеспечивающей сбор и переработку наиболее массовых видов отходов (пластика, электроника и упаковки). В дальнейшем, по мере укрепления институциональной базы и роста экологической культуры субъектов хозяйственной деятельности, возможно поэтапное внедрение индивидуальной ответственности для крупных производителей.

Безусловно, в свете вышеизложенного может возникнуть закономерный вопрос: насколько эффективным будет внедрение столь новаторской по своей сути концепции РОП в законодательство стран постсоветского пространства, в частности в отраслевые экологические законы Республики Таджикистан. В этой связи будет уместно рассмотреть практику Российской Федерации в данной области правоотношений, как страны со схожей правовой традицией. Анализируя действенность механизма РОП в России, а также проблемы, с которыми сталкивается государство на начальном этапе применения данного механизма, О. Сперанская пишет: «К недостаткам этой системы относят трудности или даже невозможность определения юридически обязуемых сторон, обширная фальсификация отчетов о соблюдении стандартов и, как следствие, неадекватная утилизация упаковочных отходов» [[152], с. 21]. Приведённый авторский тезис поднимает довольно принципиальный вопрос о возможности и целесообразности заимствования института расширенной ответственности производителей в условиях постсоветской правовой действительности. Очевидно, что этот вопрос требует не только формально-

правового, но и комплексного научного анализа, включающего институциональные, экономические и социокультурные аспекты адаптации экологических нововведений в национальную правовую систему.

Следует подчеркнуть, что концепция РОП, зародившаяся в западноевропейском правовом пространстве как рыночный механизм экологической ответственности, изначально предполагает высокий уровень развития инфраструктуры переработки отходов, прозрачности управления, эффективного экологического контроля и зрелую систему экологического саморегулирования субъектов хозяйственной деятельности. Для государств постсоветского пространства, где долгое время доминировала модель административно-командного регулирования с преобладанием централизованных экологических директив и слабым вовлечением частного сектора, процесс внедрения РОП требует адаптации не только правовых норм, но и самой философией экологического управления.

Как показывает практика, опыт Российской Федерации в данном контексте действительно представляет собой ценный, но одновременно и предостерегающие примеры. По справедливому замечанию автора, на первых этапах реализации механизма РОП в России, проявился целый ряд системных проблем, от неопределённости круга обязанностей субъектов данных правоотношений и до проблемы фальсификации отчётности. Все эти негативные явления в совокупности обусловлены отсутствием чётких правовых критериев идентификации производителей и импортёров, неразвитостью системы экологического мониторинга и низкой мотивацией предпринимательских кругов к добросовестному исполнению экологических обязательств.

На наш взгляд, обозначенные проблемы указывают на необходимость поэтапного и институционально взвешенного внедрения РОП в странах с переходной экономикой. Механизм РОП невозможно эффективно реализовать исключительно путём заимствования западных правовых конструкций, требуется создание национальной модели, основанной на специфике

административной системы, уровне экономического развития, подготовленности субъектов хозяйственной деятельности и состоянии инфраструктуры обращения с отходами.

Касательно Республики Таджикистан подобный опыт особенно показателен, ведь правовая система страны во многом сохраняет черты, где государство играет доминирующую роль в экологическом регулировании. Следовательно, успешное внедрение механизма РОП возможно лишь при наличии чётко регламентированной вертикальной ответственности, государственного надзора за операторами РОП, а также финансово-экономических стимулов (льгот, субсидии, налоговых послаблений) для производителей, участвующих в программах по утилизации.

Как отмечает А.А. Липилина: «Существуют и другие методы: экологические налоги или таможенные пошлины на импорт сырья и товаров. В этих случаях большая часть средств, как правило, поступает в государственный бюджет, и, в таком случае, механизмы РОП не затрагивают производителей. Производители и изготовители также могут полностью передать свои обязанности на аутсорсинг третьей стороне, известной как Организация Ответственности Производителя» [[87], с. 18]. Мы лишь отчасти согласны с подобным утверждением. Дело в том, что экологические налоги и пошлины, относятся к категории косвенных экономических инструментов, влияющих на экологические издержки и цену товара, их основная цель фискальная, то есть мобилизация финансовых ресурсов в государственный бюджет, из которых государство впоследствии финансирует природоохранные мероприятия. Однако данный подход имеет системное ограничение, так как разрывает причинно-следственную связь между производителем и экологическим ущербом, так как средства, поступающие в бюджет, не обеспечивают непосредственного участия производителя в обращении с отходами. Иными словами, экологические налоги реализуют принцип «загрязнитель платит» лишь формально, не затрагивая фактическую производственную ответственность.

В противоположность этому, механизм расширенной ответственности производителей, включая передачу обязательств специализированным организациям-операторам, представляет собой непосредственный и превентивный инструмент экологического управления, основанный на концепции замкнутого цикла производства, так как предполагает, что обязанность по сбору, переработке и утилизации продукции несёт именно производитель, а не государство.

Что касается организаций-операторов, то в качестве таковых могут выступать юридические лица, действующие в интересах группы производителей. В научной доктрине их существование рассматривается как форма коллективной реализации РОП, объединяющая принципы саморегулирования и государственно-частного партнёрства. Организация-оператор, как правило, осуществляет свою деятельность на основе членских взносов производителей, аккумулирует финансовые ресурсы для выполнения экологических обязательств и обеспечивает централизованное выполнение задач по сбору и переработке отходов.

На наш взгляд, в отличие от фискальных мер, основанных на перераспределении средств через бюджет, РОП и деятельность организаций-операторов обеспечивают прямую реализацию экологических обязательств производителями, что делает их более эффективным и устойчивым инструментом в долгосрочной перспективе. Поэтому в современной науке экологического права РОП рассматривается как не просто экономический, а институционально-правовой механизм трансформации отношений между хозяйствующими субъектами, государством и гражданским обществом, где экологическая ответственность становится элементом корпоративной этики и производственной стратегии.

Исходя из вышеизложенного, представляется обоснованным сделать предложение практического характера по внесению изменений в статью 1 (Основные понятия) Закона Республики Таджикистан «Об охране окружающей среды» от 02.08.2011г. и дополнить её следующим термином: «Расширенная

ответственность производителей (РОП) – совокупность правовых, организационных и экономических мер, возлагающих на производителей и импортёров товаров обязанность по сбору, переработке, повторному использованию и утилизации отходов, образующихся после утраты продукцией потребительских свойств, с целью минимизации негативного воздействия на окружающую среду».

Анализируя проблемы и перспективы дальнейшего развития отечественного законодательства, нельзя обойти стороной один из центральных вопросов, который стоит в политико-правовой повестке страны – процесс разработки и принятия Экологического кодекса Республики Таджикистан. Следует отметить, что в настоящее время идет активная деятельность по разработке Экологического кодекса Республики Таджикистан в рамках проекта, финансируемого из источников Всемирного банка [[151]].

Следует указать, что предпосылки для принятия нового для правовой системы Республики Таджикистана кодекса назрели достаточно давно, так как действующая система экологического законодательства характеризуется множественностью правовых актов, различающихся по предмету регулирования, юридической силе и временным рамкам принятия. В результате такой разобщенности складывается ситуация, при которой многие положения дублируют друг друга или вступают в коллизию, что негативно сказывается на правоприменительной практике. Помимо указанного, существует проблема того, что отсутствие единицы терминологической базы порождает разночтения понятий, таких как «окружающая среда», «экологическая безопасность», «устойчивое развитие», что, в свою очередь, ослабляет нормативную определённость.

Еще одним аргументом в пользу принятия единого акта, регулирующего экологические правоотношения, является тот факт, что процесс кодификации представляет собой высшую форму систематизации законодательства, позволяющую объединить нормы права в единую, внутренне согласованную систему. Что немаловажно, в условиях Республики Таджикистан процесс

кодификация экологического законодательства имеет не только юридическое, но и институциональное значение, так как способствует созданию основы для формирования целостной государственной экологической политики. На наш взгляд, принятие экологического кодекса позволит устранить правовые пробелы, унифицировать терминологию, закрепить базовые принципы природопользования и охраны окружающей среды, а также повысить уровень юридической определённости в смысле единообразного трактования тех или иных правовых категорий. Рассматриваемый кодекс должен стать фундаментальным актом прямого действия, обеспечивающим эффективное применение норм экологического права в административной, судебной и хозяйственной практике.

Очевидно, что разрабатываемый проект Экологического кодекса должен опираться на современные доктринальные принципы, включая приоритет охраны окружающей среды над экономическими интересами, обязательной оценки воздействия на окружающую среду, презумпцию экологической опасности любой деятельности, принцип «загрязнитель платит», а также принцип расширенной ответственности производителей, о котором мы писали выше в настоящем параграфе. Представляется оптимальным структура разрабатываемого Экологического кодекса, который предполагает закрепление вопросов правового статуса природных объектов, механизма экологического мониторинга, основ экологического образования, гарантий участия граждан и гражданского общества в принятии экологически значимых решений.

Как отмечает в этой связи М.А. Кодиров: «...на современном этапе становления и развития экологических отношений в РТ существует специальная система отечественного законодательства. В стране принято около 35 нормативных правовых актов, которые внедряются в целях эффективного регулирования отношений в сфере использования и охраны природных ресурсов. В перспективе намечается разработка и принятие Экологического кодекса Республики Таджикистан, что может способствовать развитию охраны окружающей среды и реализации экологической политики современного

Таджикистана» [[90], с. 95]. Мы согласны с этим утверждением автора так, так как в Республике Таджикистан действительно сложилась особая, комплексная система национального экологического законодательства, которая, включая в себя довольно обширное количество нормативно-правовых актов различного уровня. Подобная система формировалась в условиях постсоветской трансформации правовой и экономические модели государства, когда основной задачей являлась нормативное закрепление основ рационального природопользования экологической безопасности. Однако, несмотря на количественное разнообразие правовых инструментов, действующая модель характеризуется отсутствием внутренней системности и единых принципов регулирования, что приводит к фрагментарности правоприменения и дублированию компетенции между государственными органами.

Следует отметить, что существование множества отдельных законов само по себе не гарантирует эффективного регулирования экологических правоотношений, напротив, при отсутствии координации и кодификационного единства правовая база теряет управленческую чёткость и предсказуемость. В таких условиях перспективная разработка и принятие Экологического кодекса Республики Таджикистан становится не просто целесообразным, а стратегически обоснованным и необходимым направлением совершенствования национальной правовой системы. Для нас очевидно, что Экологический кодекс Республики Таджикистан, при правильном законодательном подходе, способен интегрировать действующие нормы в единую иерархическую структуру, устранить правовые коллизии и обеспечить баланс между интересами хозяйственного развития и окружающей среды.

Проблематика принятия единого кодифицированного акта в области охраны окружающей среды является одним из приоритетных задач государства. В Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года закреплён п. 4.5. (Среда для жизни), который предусматривает: «...формирование и распространение кодекса охраны природы, механизмов адаптации к изменению климата с расширением международного

сотрудничества в данном направлении» [[18]]. На наш взгляд, подобный подход законодателя отражает не только внутреннюю потребность в систематизации экологического законодательства, но и выступает в качестве индикатора зрелости правовой системы государства, неспособности адекватно реагировать на современные экологические вызовы, которые стоят на пути Республики Таджикистан. Отрадно, что с закреплением подобной нормы, государство сигнализирует о необходимости перехода от фрагментарного регулирования к полноценной системе правового обеспечения природоохранной деятельности. Фактически речь идёт о переходе от этапа нормативного накопления к этапу нормативной интеграции, что в полной мере соответствует мировой тенденция экологического нормотворчества, где приоритет отдаётся кодифицированным источникам права как инструментам устойчивого развития.

Отмечая перспективы и положительные стороны разрабатываемого Экологического кодекса Республики Таджикистан, следует проанализировать вероятные риски и проблемы, которые может преподнести подобный, по своей сути, кардинальный шаг в отечественном правовом пространстве. Для этого будет обоснованным провести анализ в сравнительно-правовом ключе.

Анализируя проблемы применения норм Экологического кодекса Республики Казахстан в практической плоскости, видный казахский теоретик С.П. Мороз затрагивает проблему выявления грани между экологическим законодательством и законодательством о недрах и приводит следующую авторское мнение: «...не получилось четко разграничить положения земельного, водного законодательства и законодательства о недрах и недропользовании, где подземные воды подпадают под сферу регулирования законодательства о недрах и недропользовании, а не водного законодательства, хотя не нужно быть большим специалистом, чтобы понять, что подземные воды составляют прежде всего единый государственный водный фонд. В результате принятия Экологического кодекса ситуация только усложнилась, поскольку, когда есть противоречия между обычным законом и кодифицированным, то первый должен соответствовать второму, поэтому нормы Закона о недрах и

недропользовании не только не должны обладать приоритетом, как это происходит на практике, а наоборот, должны быть отменены как не соответствующие положениям закона более высокой юридической силы. В настоящее время законодательство о недрах и недропользовании также кодифицировано, но проблема надлежащего разграничения до сих пор не решена» [[99], с. 50]. Данная точка зрения представляет особый интерес, так как проблемы разграничения предметов правового регулирования между различными природоресурсными отраслями имеет фундаментальный характер, поскольку она затрагивает саму структуру экологического права как комплексной правовой системы. Мнение о том, что подземные воды необоснованно подпадают под действие законодательства о недрах, хотя по своей природе они являются частью водного фонда, ярко иллюстрирует концептуальную ошибку в нормативной конструкции. В данном случае наблюдается смешение ресурсного и экологического подходов: если первый акцентирует внимание на использование природных ресурсов в хозяйственных целях, то второй ориентирован на обеспечение их сохранности и воспроизводства как элементов единой природной системы. Очевидно, что отсутствие должного баланса между этими подходами ведёт к размыванию экологического приоритета, что подрывает логику самого кодифицированного акта.

Также интересным представляется мнение С.П. Мороз о том, что принятие Экологического кодекса Республики Казахстан [[21]] не устранило, а напротив, усугубило противоречия между различными законами. Дело в том, что кодификация сама по себе не гарантирует системности, если не обеспечено согласование отраслей по принципу юридической иерархии и функциональной связанности, когда нормы закона о недрах фактически применяются с приоритетом над нормами Экологического кодекса, то есть акта более высокой юридической силы, что свидетельствует о деформации принципа верховенства права и нарушении логики юридической субординации.

Мы считаем, что опыт Казахстана подчеркивает довольно важный урок для Республики Таджикистан – при разработке собственного экологического кодекса необходимо изначально заложить чёткие критерии разграничения компетенции и предметов правового регулирования между экологическим, земельным, водным, лесным и горным законодательством. На наш взгляд, недопустима ситуация, когда один и тот же природный ресурс регулируется несколькими правовыми режимами, противоречащими друг другу. Следует обеспечить принцип комплексности и системности регулирования, при котором Экологический кодекс Республики Таджикистана станет центральным стержневым актом, для которого отраслевые законы будут выступать в качестве дополняющих и функциональных правовых инструментов, а не в качестве конкурирующих источников права.

Опыт Республики Казахстан в данной сфере правоотношений особенно показателен, так как иллюстрируют тот факт, что при кодификации принципиальное значение имеет не только объединение норм, но и создание устойчивой системы правовых связей между природоресурсными и экологическими блоками, где экологический кодекс выполняет координационную функцию. С учётом всех этих законодательных нюансов можно избежать нормативной коллизий и обеспечить подлинное верховенство экологического приоритета в правовом регулировании природопользования. Иными словами, приведённый пример следует рассматривать как предупреждение и одновременно ориентир для отечественного законодателя – кодификация должна быть не только формальной, а концептуальной, т.е. не просто объединением разрозненных норм, а созданием новой, внутренне согласованной системы экологического права, основанной на приоритете охраны окружающей среды над эксплуатацией природных ресурсов.

Представляется очевидным, что отсутствие комплексной аналитической работы и понимания потенциальных рисков, связанных с принятием проекта Экологического кодекса Республики Таджикистан, может в перспективе привести к низкой эффективности разрабатываемого нормативно-правового

акта. В этой связи будет уместным привести мнение заместителя председателя Ассоциации экологических организаций Казахстана Е. Абаканова, который пишет: «Действующий экологический кодекс в Казахстане был принят 9 января 2007 г., а последняя его редакция введена в действие в декабре 2019 г. К сожалению, внесенные за 12-летний период 75 поправок не создали необходимых условий для достижения поставленных целей по регулированию качества окружающей среды и установлению допустимого воздействия на нее, обеспечивающих экологическую безопасность, сохранение экологических систем и биологического разнообразия» [[150]]. Столь существенное количество поправок в Экологический кодекс Республики Казахстан отчётливо демонстрирует возможные риски, с которыми может столкнуться и отечественный законодатель. По нашему мнению, без стратегического видения, научного обоснования и чёткой концепции взаимодействия отраслей Экологический кодекс Республики Таджикистан может стать лишь формальной конструкцией, не обеспечивающей качественного изменения экологической ситуации в стране. Для Республики Таджикистан крайне важно изучить характерные проблемы, с которыми сталкиваются другие страны при принятии аналогичных кодексов.

С.А. Боголюбов, анализируя перспективы принятия экологического кодекса в России, пишет: «Приступая к составлению экологического кодекса, надо определиться с тем, как поступить с природоресурсными кодексами и законами. Если все их собрать «под крышу» нового кодекса под названием «экологический», то получится громоздкий закон, содержащий тысячи статей природоресурсного законодательства, который превзойдет по объёму четыре части ГК РФ. Пользоваться им будет достаточно затруднительно» [[47], с. 9]. Мы поддерживаем подобную идею, однако необходимо указать, что этот аргумент не должен служить препятствием для самой идеи кодификации. Проблема может быть решена посредством рациональной систематизации и концептуального разграничения норм, например, через создание «рамочного» Экологического кодекса, в котором будут закреплены основные принципы,

механизмы государственного регулирования, институты экологического контроля и ответственности, в то время как детализированные положения природоресурсных отраслей сохраняют самостоятельное значение в виде специальных законов, что позволит избежать дублирования и обеспечить внутреннюю согласованность правовой системы, не нарушая целостности экологической политики Республики Таджикистан.

В целом, тенденция постепенного принятия экологических кодексов характерна для многих постсоветских стран, так как в полной мере соответствует не только текущей повестке отдельных правительств, но и всего международного сообщества. В этой связи М.В. Пономарёв пишет: «Таким образом, наблюдается активизация процессов кодификации экологического законодательства в различных государствах, что, на наш взгляд, обусловлено прежде всего необходимостью его систематизации на национальном уровне и устранения в нем дефектов в виде коллизий и иных внутренних противоречий, а также повышения эффективности действия его норм. При этом систематизация эколого-правовых норм в форме кодифицированного акта, регулирующего общественные экологические отношения, на постсоветском пространстве возможна как на национальном уровне, так и на уровне различных интеграционных объединений – Содружества независимых государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» [[111], с. 35]. Автор в своей статье красной нитью проводит идею формирования кодификационных инициатив не только на национальном, но и на уровне интеграционных объединений, чему есть рациональное объяснение – большинство современных экологических угроз несут трансграничный характер и гармонизация законодательств в рамках региональных институтов призвано способствовать созданию единого эколого-правового пространства, что, в свою очередь, позволит унифицировать ключевые принципы охраны окружающей среды, механизмы экологического мониторинга, стандарты ответственности и укрепит эффективность сотрудничества государств региона.

В заключении данного параграфа необходимо отметить, что современное экологическое Законодательство Республики Таджикистан находится на стадии своего активного становления и концептуального переосмысления, отражая переход от фрагментарного регулирования к системной, кодифицированной модели правового обеспечения охраны окружающей среды. Несмотря на наличие значительного массива нормативных актов, регулирующих отдельные аспекты природопользования, их эффективность во многом ограничивается отсутствием внутренней согласованности, дублирование норм, коллизиями и слабой правоприменительной практикой.

Одной из ключевых проблем является недостаточная интеграция международных экологических стандартов в национальное законодательство, а также низкий уровень институциональной реализации основополагающих принципов современного экологического права, таких как «загрязнитель платит», расширенной ответственности производителей и устойчивого развития. В ряде случаев экологические нормы носят лишь декларативный характер, не обеспечены экономическими механизмами реализации и не подкреплены системой эффективного контроля и ответственности.

Однако, несмотря на эти недостатки, тенденции развития экологического законодательства Республики Таджикистан позволяют говорить о формировании предпосылок для его системной кодификации и постепенного обновления. Разработка проекта Экологического кодекса Республики Таджикистан представляет собой закономерный этап институционального развития, направленный на упорядочение нормативного массива, устранение противоречий, усиление превентивной направленности правового регулирования и повышение уровня экологической ответственности субъектов хозяйственной деятельности.

Перспективы развития экологического законодательства видятся в усилении научно-обоснованного подхода к процессу нормотворчества, в интеграции экологических требований в смежные отрасли права (градостроительное, земельное, водное, энергетическое и т.д.), а также в

развитии цифровых инструментов экологического мониторинга и общественного контроля. На наш взгляд, дальнейшее развитие экологического законодательства Республики Таджикистан должно быть ориентировано на создание эффективной, целостной и сбалансированной системы правового регулирования, основанной на международных стандартах и принципах экологической справедливости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования в области конституционных основ экологического права в Республике Таджикистан, нами были сделаны следующие выводы:

1. Советский период конституционного развития в области охраны окружающей среды в Таджикистане можно охарактеризовать как этап государственно-централизованного владения природными ресурсами с минимальной экологической чувствительностью законодательства. Тем не менее, справедливо будет указать, что именно советский период заложил структурные основы для дальнейшего формирования экологического законодательства в Таджикистане, так как определил государственную монополию на природные ресурсы, установил правовые рамки их использования и подготовил почву для перехода к более прогрессивным, экологически ориентированным нормам уже в постсоветское время [1-А].

2. Современное конституционное регулирование экологических отношений в Республике Таджикистан отражает принципы интегрированного подхода, когда окружающая среда рассматривается не как отдельное направление правовой политики государства, а как сквозной элемент, пронизывающий экономическую, социальную, культурную и международную деятельность государства. Связь между экологией и правами человека, здоровьем населения, экономическим развитием и международным сотрудничеством становится всё более очевидной.

Эволюция конституционных норм в сфере охраны окружающей среды в Республике Таджикистане это не просто правовая хроника, а отражение глубоких социально-исторических процессов, демонстрирующих переход от индустриальной модели эксплуатации природы к современной концепции устойчивого развития и экологической ответственности государства и гражданского общества, что является закономерным этапом правовой эволюции, который формирует основу для дальнейшего укрепления экологического права Республики Таджикистан [2-А].

3. Было определено, что конституционные основы экологического права Республики Таджикистан формируются системой взаимосвязанных нормативных предписаний, включающих нормы-принципы, нормы правила и норма-приоритеты, которые в совокупности определяют ценностные ориентиры, направления и механизмы правового регулирования в сфере охраны окружающей среды и использования природных ресурсов. Закрепление приоритетности экологической защиты, рационального природопользования и экологической безопасности как ключевых направлений государственной политики, а также признание природных ресурсов исключительной собственностью государства и возложение на него обязанности по обеспечению их эффективного использования в интересах народа, придаёт экологическим нормам конституционно-правовой характер и обуславливает их системообразующую роль в развитии национального экологического законодательства Республики Таджикистан [10-А].

4. Современные экологические вызовы, характерные для Республики Таджикистан, среди которых можно выделить процессы таяния ледников, опустынивания и деградации земель, загрязнения водных ресурсов и т.д. закономерно способствуют тому, что формирование национальной экологической системы становится невозможной без интеграции международных правовых норм, которые не только задают ориентиры, но и обеспечивают согласованность национальных мер с глобальными экологическими стратегиями. В этой связи принципы устойчивого развития, право на благоприятную окружающую среду, охрана биоразнообразия и климатическая безопасность становятся доктринальной основой для совершенствования правовой архитектуры Республики Таджикистан.

Экологическое право находится в процессе динамичной трансформации, от узкопредметного регулирования природопользования к формированию комплексной конституционно-правовой системы, основанной на синтезе национальных и международных принципов, экологизации законодательства и стратегическом понимании устойчивого развития. Подобная комплексная

правовая конструкция не только укрепляет правовые гарантии экологических прав граждан, но и призвана способствовать обеспечению экологической безопасности и устойчивости государства в условия глобальных вызовов текущего столетия [6-А].

5. Анализ законодательства Республики Таджикистан показывает, что конституционные принципы получают своё развитие в отраслевом правовом регулировании через закрепление таких категорий, как приоритет охраны жизни и здоровья человека, право на достоверную экологическую информацию, участие граждан в принятии экологически значимых решений и реализация общественного экологического контроля. Активная реализация всего пласта указанных прав в своей совокупности укрепляют концепцию экологической демократии, в рамках которой граждане выступают не пассивными адресатами государственных решений, а активными субъектами экологических правоотношений.

Исходя из вышеизложенного, следует резюмировать, что конституционные принципы экологического права в Республике Таджикистан формируют основу экологически ориентированного правопорядка, направленного на гармонизацию интересов личности, общества и государства. И что не менее важно, они обеспечивают переход от декларативного уровня охраны окружающей среды к функциональной модели экологической ответственности, где охрана природы рассматривается как неотъемлемый элемент обеспечения прав человека, устойчивого развития и национальной безопасности [4-А].

6. Было определено, что если ранняя система прав человека строилась по секторам – личные, политические, социально-экономические, культурные, то в эпоху климатических изменений она все более тяготеет к интегративной модели, где экологический компонент пронизывает все категории прав человека в совокупности, что, в свою очередь, требует отказа от традиционной иерархии прав человека в пользу концепции экологической взаимозависимости прав и свобод, согласно которой защита окружающей среды становится необходимым

условием реализации любого права, а не отдельным направлением правовой политики государства. К таковым правам, в частности, могут быть отнесены такие права как – право на благоприятную окружающую среду, право на природопользование, право на защиту экологических прав и т.д [6-А].

7. Признание значения экологических прав человека неразрывно связано с основополагающими принципами государственного устройства, закреплёнными в статье 1 Конституции Республики Таджикистан, согласно которой Таджикистан провозглашается демократическим государством. Подобное конституционное положение задаёт стратегический вектор развития страны, в котором демократия рассматривается не только как форма политической организации общества, но и как качественная характеристика всей государственной и общественной жизни, включая экологическую политику. В подобном контексте признание и обеспечение экологических прав граждан выступает обязательным элементом реализации демократического принципа, так как демократия немыслима без участия граждан в решении вопросов, затрагивающих их жизненные интересы, в том числе экологические. Реализация права на благоприятную окружающую среду, доступ к экологической информации, участие в принятии и решений и право на судебную защиту в совокупности являются проявлением демократии в экологическом измерении, отражающим тесную связь между конституционным статусом личности и экологической ответственностью государства. Следовательно, обращение к статье 1 Конституции Республики Таджикистан позволяет сделать важный вывод: экологическая демократия – это конкретное воплощение принципов демократического и правового государства, закреплённых в основном в законе страны. Если демократия в политическом смысле означает участие народа в управлении государством, то экологическая демократия выражает участие граждан в управлении природной средой, в контроле за экологической безопасностью и рациональным использованием природных ресурсов. Тем самым она придаёт реальное содержание идее

народовластия, распространяя её не только на политическую, но и на экологическую сферу правоотношений [5-А].

8. Современное экологическое Законодательство Республики Таджикистан находится на стадии своего активного становления и концептуального переосмысления, отражая переход от фрагментарного регулирования к системной, кодифицированной модели правового обеспечения охраны окружающей среды. Несмотря на наличие значительного массива нормативных актов, регулирующих отдельно аспекты природопользования, их эффективность во многом ограничивается отсутствием внутренней согласованности, дублирование норм, коллизиями и слабой правоприменительной практикой.

Одной из ключевых проблем является недостаточная интеграция международных экологических стандартов в национальное законодательство, а также низкий уровень институциональной реализации основополагающих принципов современного экологического права, таких как «загрязнитель платит», расширенной ответственности производителей и устойчивого развития. В ряде случаев экологические нормы носят лишь декларативный характер, не обеспечены экономическими механизмами реализации и не подкреплены системой эффективного контроля и ответственности. Однако, несмотря на эти недостатки, тенденции развития экологического законодательства Республики Таджикистан позволяют говорить о формировании предпосылок для его системной кодификации и постепенного обновления. Разработка проекта Экологического кодекса Республики Таджикистан представляет собой закономерный этап институционального развития, направленный на упорядочение нормативного массива и усиления превентивной направленности правового регулирования [7-А].

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе анализа проблем в области конституционных основ экологического права в Республике Таджикистан автором сформулирован ряд практических рекомендаций по совершенствованию законодательства:

1. В целях устранения выявленного в ходе настоящего научного исследования нормативного пробела представляется целесообразным сделать предложение по дополнению Конституции Республики Таджикистан новой статьей 39¹ и изложить её в следующей редакции: «Каждый имеет неотъемлемое право на благоприятную и безопасную окружающую среду, необходимую для достойной жизни и благополучия. Государство обязано уважать, защищать и обеспечивать это право, проводить эффективную экологическую политику, принимать меры по предупреждению экологического вреда, а также гарантировать доступ граждан к достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды и возможность участия в принятии экологически значимых решений» [1-А].

2. Действующий Закон Республики Таджикистан «Об отходах производства и потребления», принятый еще в 2002 году, во многом не учитывает существующую проблему роста количества электронных отходов, характерной для текущего периода. Статья 1 рассматриваемого закона даёт определение таких понятий как отходы, отходы потребления, вторичное сырье, твёрдые бытовые отходы, опасные отходы, но не содержит конкретизации в части определения понятия электронные отходы. На наш взгляд, хотя в определённой мере электронные отходы и возможно отнести к типу вторичного сырья или к твёрдо-бытовым отходам, тем не менее целесообразным представляется выделение их в качестве отдельной категории, так как это является актуальной практикой в странах с ведущей законодательной практикой в рассматриваемой области правоотношений и в полной мере соотносится с международно-правовыми обязательствами Республики Таджикистан.

В связи с вышеизложенным, считаем уместным предложить внесение изменений в статью 1 Закона Республики Таджикистан «Об отходах производства и потребления» от 10.05.2002 года и дополнить её определением «Отходы электрического и электронного оборудования», изложив её в следующей редакции: «Отходы электрического и электронного оборудования – изделия, комплектующие и материалы электрического и электронного происхождения, утратившие свои функциональные или потребительские свойства, подлежащие удалению, утилизации либо переработке, включая компоненты, узлы и материалы, образующиеся при демонтаже, ремонте или обновлении такого оборудования, а также пригодные для извлечения вторичных ресурсов» [8-А].

3. Представляется обоснованным сделать предложение практического характера по внесению изменений в статью 1 (Основные понятия) Закона Республики Таджикистан «Об охране окружающей среды» от 02.08.2011 г. и дополнить её следующим термином: «Расширенная ответственность производителей (РОП) – совокупность правовых, организационных и экономических мер, возлагающих на производителей и импортёров товаров, обязанность по сбору, переработке, повторному использованию и утилизации отходов, образующихся после утраты продукции потребительских свойств, с целью минимизации негативного воздействия на окружающую среду» [7-А].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (ИСТОЧНИКОВ)

I. Нормативно-правовые акты

[1]. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. с изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999 г., 22 июня 2003 г. и 22 мая 2016 г. (на таджикском и русском языке) [Текст]. – Душанбе: Ганч, 2016. – 137 с.

[2]. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды принятая 25.06.1998г. (Орхусская конвенция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.aarhus.tj/aarhus_conv ention/ (дата обращения: 10.11.2024).

[3]. Соглашение СНГ «О сотрудничестве государств-участников СНГ в области обращения с отходами электронного и электротехнического оборудования» от 01.06.2018 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/550757529> (дата обращения: 15.12.2024)

[4]. Базельская конвенция «О контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением» от 22.03.1998 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/basel.pdf (дата обращения: 15.12.2024).

[5]. Конституция (Основной закон) Таджикской Советской Социалистической Республики: Принята на внеочередной восьмой сессии Верховного Совета Таджикской ССР девятого созыва 14 апреля 1978 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.prlib.ru/item/1416052> (дата обращения: 01.05.2024)

[6]. Водный кодекс Республики Таджикистан от 02.04.2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj200729.pdf> (дата обращения: 15.12.2024г.)

[7]. Земельный кодекс Республики Таджикистан от 13.12.1996 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://mewr.tj/wp-content/uploads/files/Zemelniy_Kodeks.pdf (дата обращения: 15.12.2024г.)

[8]. Лесной кодекс Республики Таджикистан от 02.08.2011 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj181164.pdf> (дата обращения: 15.12.2024г.).

[9]. Горное положение СССР от 9.11.1927г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14426#eIO8myUqowF29XIu> (дата обращения: 01.05.2024)

[10]. Декрет об охоте от 20.07.1920 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://istmat.org/node/42195> (дата обращения: 01.05.2024).

[11]. Закон Республики Таджикистан «Об охране окружающей среды» от 02.08.2011г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://tajtrade.tj/media/On%20environmental%20protection.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

[12]. Закон Республики Таджикистан «Об отходах производства и потребления» от 10.05.2002 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj73118.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

[13]. Закон Республики Таджикистан «Об экологической информации» от 25.03.2011г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj111748.pdf> (дата обращения: 10.11.2024)

[14]. Закон Республики Таджикистан «Об экологической экспертизе» от 12.04.2012 [Электронный ресурс]. – http://energo-cis.ru/wyswyg/file/Zakon/Nacional/Tadghikistan/ob_ekologicheskoi_ekspertize.pdf (дата обращения: 10.11.2024)

[15]. Конституция Республики Эквадор от 28.09.2008 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21291> (дата обращения: 01.10.2024)

[16]. Конституция Словацкой Республики от 1 сентября 1992г. [Электронный ресурс]. <https://legalns.com/download/books/cons/slovakia.pdf> (дата обращения: 10.11.2024)

[17]. Конституция Швейцарии (Швейцарской Конфедерации) от 18 апреля 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/switzerland.pdf> (дата обращения: 10.11.2024)

[18]. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года 01.10.2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mewr.tj/wp-content/uploads/files/National%20Development%20Strategy-2030_ru.pdf (дата обращения: 10.11.2024)

[19]. Общие начала землепользования и землеустройства от 15.12.1928 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13983> (дата обращения: 01.05.2024)

[20]. Постановление СНК СССР от 25.09.1935 г. «О регулировании рыболовства и охране рыбных запасов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354629-postanovlenie-sovetanar-odn-uh-ko-mi-ssaro-v-sss-r-25-sentyabrya-1935-g-o-regulirovanii-rybolovstva-i-ohrane-rybnyh-zapasov> (дата обращения: 20.12.2024)

[21]. Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400> (дата обращения: 10.11.2024)

II. Монографии, учебники, учебные пособия:

[22]. Азизкулова, Г.С. Цикл лекций по истории государства и права Республики Таджикистан (досоветский период) [Текст] / Г.С. Азизкулова. – Душанбе, 1995. – 212 с.

[23]. Бринчук, М.М. Конституция и экологическое право: монография [Текст] / М.М. Бринчук. – М.: Институт государства и права РАН. – 2019. – Т. 713 с.

[24]. Бринчук, М.М. Экологическое право (право окружающей среды) [Текст] / М.М. Бринчук. – Институт государства и права РАН; Академический правовой университет. – М.: Юристъ, 1998. – 688 с.

[25]. Бринчук, М.М. Экологическое право. Учебник. [Текст] / М.М. Бринчук. – М.: ИД «Городец». – 2009. – 832 с.

[26]. Гадоев, Б.С. Конституционно-правовые институты непосредственной демократии в Республике Таджикистан [Текст] / Б.С. Гадоев. – Душанбе: Типография ТНУ, 2014. – 224 с.

[27]. Джаборов, Р. Д. Экологическое право Республики Таджикистан (на тадж. яз.) [Текст] / Р.Д. Джаборов. – Душанбе, 2004. – 241 с.

[28]. Диноршоев, А.М. Закрепление прав и свобод человека в Конституции Республики Таджикистан [Текст] / А.М. Диноршоев. – Душанбе, 2014. – 143 с.

[29]. Дубовик, О.Л. Экологическое право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» [Текст] / О.Л. Дубовик. – Ин-т государства и права РАН. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 718 с.

[30]. Золотухин, А.В., Султонова, Т.И., Шабозов, Р.Г., Улугов, У.А. Экологическое право Таджикистана: учебник [Текст] / А.В. Золотухин, Т.И. Султонова, Р.Г. Шабозов, У.А. Улугов, – Душанбе: Ирфон, 2017. – 444 с.

[31]. Конституционное право России: учебник [Текст] / Отв. Ред. А. Н. Кокотов и м. И. Кукушкин. 4-е изд., пересмотр. И доп. – 2010. – 544 с

[32]. Колбасов, О.С., Шемшученко, Ю.С. Правовые проблемы экологии [Текст] / О.С. Колбасов, Ю.С. Шемшученко. – Киев: Наук. думка. – 1989. – 232 с.

[33]. Маджидзода, Дж.З. Конституция Республики Таджикистан: 20 лет [Текст] / Дж. З. Маджидзода – Душанбе: ЭР-граф, 2014. – 152 с.

[34]. Мищенко, Е.В. Предупреждение и возмещение вреда, причиненного окружающей среде при эксплуатации объектов топливно-

энергетического комплекса: монография [Текст] / Е.В. Мищенко. – Оренбург: ООО Типография «Агентство Пресса», 2024. – 113 с

[35]. Насриддинзода, Э.С. Правовая культура: монография [Текст] / Э.С. Насриддинзода. – М.: Норма-Инфра-М, 2014. – 352 с.

[36]. Основы экологического права: учебник для среднего профессионального образования [Текст] / Под редакцией С. А. Боголюбова. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 318 с.

[37]. Петров, В.В. Экологическое право России: Учебник [Текст] / В.В. Петров. – М.: Бек, 1995. – 557 с.

[38]. Сохибзода, М.М. Экологическое право Республики Таджикистан: первое издание [Текст] / М.М. Сохибзода. – Душанбе: «Эргграф» 2021. – 180 с.

[39]. Тахиров, Ф.Т. Хрестоматия по истории государства и права Таджикистана (1917 - 1994 гг.) [Текст] / Ф.Т. Тахиров. - Душанбе: Дониш. – 2014. – 838 с.

[40]. Шарифов, Г.В. Об, ҳаёт, сиёсат [Матн] / Г. В. Шарифов. – Душанбе: Недра. – 2013. – 140 с.

III. Статьи и доклады:

[41]. Авдони́на, А.М. Новые вызовы информационной эры: обращение с отходами электронного и электрического оборудования в РФ [Текст] / А.М. Авдони́на // Экономическое развитие России. – 2023. – Т. 30, №12. – С. 57-64.

[42]. Агаев, Б.С. Вредное воздействие электронных отходов на здоровье человека [Текст] / Б.С. Агаев // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2022. – Т. 84, №2 (92). – С. 234-242.

[43]. Александрова, Е.В. Экологическая Конституция: постановка проблемы [Текст] / Е. В. Александрова, К. А. Селиванова // Вестник Российской правовой академии. – 2022. – № 1. – С. 29-34

[44]. Анисимов, А.П. Право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду [Текст] / А.П. Анисимов // Гражданин и право. – 2009. – № 2. – С. 72-80

[45]. Анисимов, А. П. Экологическое право, как отрасль права и его место в системе права России: дискуссионные вопросы [Текст] / А.П. Анисимов //Аграрное и земельное право. – 2016. – №.7 (139). – С.91-97.

[46]. Бесельман, И.В. Теоретические и практические проблемы реализации конституционного права на возмещение ущерба, причинённого здоровью или имуществу гражданина экологическим правонарушением [Текст] / И.В. Бесельман // Океанский менеджмент. – 2022. – № 2 (16). – С. 2-6.

[47]. Боголюбов, С.А. Некоторые проблемы экологического кодекса [Текст] / С.А. Боголюбов // Журнал российского права. – 2006. – №.5 (113). – С. 3-11.

[48]. Боймахмадзода, Н.С. Система экологического законодательства Республики Таджикистан [Текст] / Н.С. Боймахмадзода // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2021. – №. 2 (87). – С. 83-90.

[49]. Боймахмадзода, Н.С. Экологические факторы законодательства Республики Таджикистан [Текст] / Н.С. Боймахмадзода // Академический юридический журнал. – 2020. – №.2 (34). – С. 143-147.

[50]. Борейко, В. Экологическая демократия невозможна без соблюдения прав природы [Текст] В. Борейко / // Вестник экологического образования в России. – 2011. – № 2 (60). – С. 26-27.

[51]. Борисов, Н.А., Волков, В.А. Понятие экологического государства в контексте формирования политической экологии [Текст] / Н.А. Борисов, В.А. Волков // Управленческое консультирование. – 2014. – №. 2 (62). – С. 27-35.

[52]. Боров, А.Х. Устойчивое развитие и демократия: концептуальный анализ [Текст] / А.Х. Боров // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 1. – С. 245-270.

[53]. Бринчук, М.М. Естественные права человека как проявление законов природы [Текст] / М.М. Бринчук // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2019. – Т. 29, № 1. – С. 62-69.

[54]. Бринчук, М.М. Развитие экологического права в конституционно-цивилизационном аспекте [Текст] / М.М. Бринчук // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – № 1 (53). – С. 14-21.

[55]. Брославский, Л.И. Ответственность хозяйствующего субъекта за причинение экологического вреда [Текст] / Л.И. Брославский // Хозяйство и право. – 2023. – № 5 (556). – С. 69-96.

[56]. Брусницына, С.В. Система юридических гарантий права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду [Текст] / С.В. Брусницына // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. – 2014. – № 19 (348). – С. 10-15.

[57]. Васянина, Е.Л. Вопросы взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду [Текст] / Е.Л. Васянина // Налоги. – 2014. – № 4. – С. 40-44

[58]. Виноградов, В.А. Реализация принципа «загрязнитель платит»: сравнительно-правовой аспект [Текст] / В.А. Виноградов // Правоприменение. – 2019. – Т. 3, № 4. – С. 42-50.

[59]. Герасимов, Д.В. Конституционно-правовые основы регулирования права на благоприятную окружающую среду [Текст] / Д.В. Герасимов // Общество и право. – 2012. – № 1 (38). – С. 60-64.

[60]. Габриелов, В.А. Развитие принципа «загрязнитель платит» в международном экологическом праве [Текст] / В.А. Габриелов // Российский юридический журнал. – 2025. – № 1(160). – С. 151-170.

[61]. Гиззатуллин, Р.Х. Конституционные основы экологической функции государства [Текст] / Р.Х. Гиззатуллин // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – №.1. – С.106-109.

[62]. Гиззатуллин, Р.Х. Общественный экологический контроль [Текст] / Р.Х. Гиззатуллин // Правовое государство: теория и практика. – 2018 – №4 (54). – С.180-184.

[63]. Глазырина, И.П. Тернистый путь к «зеленой» экономике / И.П. Глазырина [Текст] / И.П. Глазырина // ЭКО. – 2020. – № 9 (555). – С. 8-23.

[64]. Гранюкова, Д.Д. Право человека на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением [Текст] / Д.Д. Гранюкова // Научный электронный журнал Меридиан. – 2019. – № 15 (33). – С. 417-419.

[65]. Гулак, Н.В. Практика применения возмещения вреда, причинённого экологическим правонарушением [Текст] / Н.В. Гулак // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2015. – № 1 (51). – С. 251-253.

[66]. Давронов, И.О. К вопросу о понятии экологических прав человека [Текст] / И.О. Давронов // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. – 2023. – Т. 2. – № 2 (32). – С. 36-42.

[67]. Давронов, И.О. Эволюция конституционной регламентации экологических прав человека: от истоков к современным стандартам [Текст] / И. О. Давронов // Законодательство. – 2024. – № 4 (56). – С. 90-94.

[68]. Диноршоев, А.М. Экологические права человека как самостоятельная категория конституционных прав: теоретико-правовой анализ [Текст] / А.М. Диноршоев, И.О. Давронов // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. – 2025. – Т. 2, № 1 (46). – С. 227-233

[69]. Дустов, Д.В. История развития и формирования нормативно-правовых актов в правовой системе Республики Таджикистан [Текст] / Д.В. Дустов // Аспирант. – 2021. – № 7 (64). – С. 14-20.

[70]. Ефременко, Д. В. Демократия и коммуникация экологического риска как проблемы экополитологии [Текст] / Д.В. Ефременко // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 6. – С. 97-109.

[71]. Желтов, М.В., Невзоров, Т.Б. Особенности конституционного регулирования эколого-правовых отношений в странах Южной Америки

[Текст] / М.В. Желтов, Т.Б. Невзоров // СибСкрипт. – 2015. – №. 2-5 (62). – С. 263-268.

[72]. Жукова, А.А. Правовые и организационные аспекты реализации права граждан на возмещение вреда, причинённого экологическим правонарушением [Текст] / А.А. Жукова // Моя профессиональная карьера. – 2022. – Т. 1, № 40. – С. 54-61.

[73]. Зиновкин, Н.С. Принцип «загрязнитель платит»: история, интерпретации, имплементация в отечественное законодательство [Текст] / Н.С. Зиновкин // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 3(82). – С. 147-151.

[74]. Зоиров, Д.М., Кудратбекова, Ш.М. Легитимность Конституции Таджикской АССР 1929 года [Текст] / Д.М. Зоиров, Ш.М. Кудратбеков // Мир политики и социологии. – 2016. – №. 3. – С. 143-154.

[75]. Иванова, С.В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный природным объектам: пробелы российского законодательства [Текст] / С.В. Иванова // Правовой порядок и правовые ценности. – 2024. – Т. 2, № 4. – С. 31-36.

[76]. Исмаилов, Р.А. Принцип «загрязнитель платит»: правовой аспект [Текст] / Р.А. Исмаилов // Мировая экономика: проблемы безопасности. – 2022. – № 2. – С. 16-19.

[77]. Кадимова, М.Ш., Агабалаев, С.Г. О государственной собственности на природные ресурсы: проблемы и перспективы [Текст] / М.Ш. Кадимов, С.Г. Агабалаев // Закон и право. – 2025. – №.7.– С.102-106.

[78]. Казатенков, Я.С. Понятие «электронные отходы» и правовые основы обращения с электронными отходами в Российской Федерации [Текст] / Я.С. Казатенков // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 5 (221). – С. 162-165.

[79]. Карев, Д.А. Концептуальные подходы к определению места экологического права в системе права [Текст] / Д.А. Карев // Право и государство: теория и практика. – 2024. – №1 (229). – С 103-105.

[80]. Карелин, А.О. Отходы электронной промышленности [Текст] / А.О. Карелин [Текст] / А.О. Карелин // Твердые бытовые отходы. – 2019. – № 8 (158). – С. 28-29.

[81]. Каримбеков, А.М. Экологические права и обязанности и их место в системе прав, свобод и обязанностей человека и гражданина [Текст] / А.М. Каримбеков // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 9(184). – С. 128-130

[82]. Кодирзода, М.А. Некоторые вопросы экологических прав человека [Текст] / М.А. Кодирзода // International scientific review of the problems of law, sociology and political science: XX International correspondence scientific specialized conference, Boston, 26–27 мая 2021 года. – Boston: PROBLEMS OF SCIENCE, 2021. – С. 42-56.

[83]. Комиссаров, В.А. Электронные отходы в СНГ сегодня и завтра [Текст] / В.А. Комиссаров // Твердые бытовые отходы. – 2016. – № 11(125). – С. 40-43.

[84]. Копылов, М.Н. Право на благоприятную окружающую среду: процесс становления юридического содержания [Текст] / М.Н. Копылов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2003. – № 1. – С. 48-54.

[85]. Кравцова, Е.А. Экологическое право в системе естественных прав человека [Текст] / Е.А. Кравцова // История государства и права. – 2008. – № 15. – С. 2-4.

[86]. Лаврусевич, Д. Конституция РФ как правовая основа экологического права [Текст] / Д. Лаврусевич // Закон и право. – 2007. – № 10. – С. 54-57.

[87]. Липилина, А.А. Расширенная ответственность производителя как механизм экономического регулирования системы управления пластиковыми отходами: межстрановой анализ [Текст] / А.А. Липилина // Экономический вестник ИПУ РАН. – 2022. – Т. 3, № 4. – С. 10-21.

[88]. Лунева, Е.В. Понятие и место права рационального природопользования в системе экологического права [Текст] / Е.В. Лунева // Экологическое право. – 2020. – № 6. – С. 35-42.

[89]. Любарская, М.А., Киктенко, А.В. Влияние механизма расширенной ответственности производителей на состояние индустрии вторичных материалов в регионах России [Текст] / М.А. Любарская, А.В. Киктенко // Экономический вектор. – 2023. – № 3 (34). – С.32-36.

[90]. Кодиров, М.А. Правовая природа экологической функции государства: вопросы теории [Текст] / М.А. Кодиров // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2019. – № 2 (79). – С. 92-98.

[91]. Копылов, С.М. Принцип «загрязнитель платит» как специальный принцип международного экологического права [Текст] / С.М. Копылов // Правозащитник. – 2016. – № 1. – С. 15-25.

[92]. Макарова, Т.И. Теоретико-методологические проблемы систематизации экологического законодательства [Текст] / Т.И. Макарова // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2019. – №1 ч.161. – С.206-218.

[93]. Малышева, И.С., Ануфриев, Ф.Е. Принцип «Загрязнитель платит»: правовые аспекты [Текст] / И.С. Малышева, Ф.Е. Ануфриев // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 2. – С. 226-229.

[94]. Мамедова, С.И. Экологические права человека и роль ветвей власти в их обеспечении [Текст] / С.И. Мамедова // Вестник Академии управления при Президенте Кыргызской Республики. – 2011. – № 12. – С. 463-466.

[95]. Марьев, В.А. Введение расширенной ответственности производителя: закон и реальность [Текст] / В. А. Марьев // Твердые бытовые отходы. – 2016. – № 4 (116). – С. 11-13

[96]. Миронов, Л.В. Отходы электронного и электротехнического оборудования: практика обращения [Текст] / Л.В. Миронов // Твердые бытовые отходы. – 2011. – № 10 (64). – С. 60-62.

[97]. Мирославская, К.В. Общественные экологические объединения в системе охраны права человека на благоприятную окружающую среду [Текст] / К.В. Мирославская // Актуальные проблемы права. – 2018. – № 5. – С. 68-75

[98]. Моисеев, К.В. Современное состояние экологических прав человека [Текст] / К.В. Моисеев // Международное право. – 2025. – №.1.– С. 66-83.

[99]. Мороз, С.П. Новый экологический кодекс Казахстана? [Текст] / С.П. Мороз // Юридическая наука и практика. – 2020. – № 16 (2). – С. 48-55.

[100]. Нагайцева, Д.А. Правовое регулирование отходов электронного и электротехнического оборудования в системе отходов производства и потребления [Текст] / Д.А. Нагайцева // Экологическое право. – 2023. – № 2. – С. 35-37,

[101]. Нагибина, Т. Организация мероприятий, по борьбе с загрязнением вод в СССР и странах Восточной Европы [Текст] / Т. Нагибина // Сборник докладов, подготовленных для конференции по проблемам борьбы с загрязнением вод в Европе, Женева, 1961. – 1963. – С.21-43.

[102]. Назаренко, В.М. Будущее экологического образования [Текст] / В.М. Назаренко // Экология и жизнь. – 1997. – №2. – С.18-21.

[103]. Нодирзода, Ш.С. Современные экологические проблемы Таджикистана [Текст] / Ш.С. Нодирзода // Экология и безопасность в техносфере: современные проблемы и пути решения: сборник трудов Всероссийской научно–практической конференции, г. Юрга, 17-19 ноября 2016 г.–Томск, 2016. – 2016. – С. 315-318.

[104]. Нурутдинова, А.Ж. Место норм об экологически неблагоприятных территориях в системе экологического права [Текст] / А.Ж. Нурутдинова // Актуальные проблемы функционирования и развития государства и права на современном этапе. Материалы всероссийской научно-практической

конференции (с международным участием) / Под ред. И.А. Ворониной. Оренбург, 2021. – С.78-84.

[105].Обидова, М.Н. Место экологических прав человека в системе прав и свобод человека и гражданина [Текст] / М.Н. Обидова // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. – 2025. – Т. 2, № 4 (52). – С. 393-405.

[106].Оспенников, Ю. В. Методологические проблемы «Экологического государства» [Текст] / Ю.В. Оспенников // Современный юрист. – 2021. – №. 2. – С. 8-23.

[107].Пермиловский, М.С. Право на благоприятную окружающую среду в иерархии конституционных ценностей [Текст] / М.С. Пермиловский // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 2. – С. 109-113.

[108].Пирбудагова, Д.Ш., Камилова, Д.В. Содержание права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду в законодательстве России [Текст] / Д.Ш. Пирбудагов, Д.В. Камилова // Юрид. вестник ДГУ. – 2018. – Т. 26. – № 2. – С.61-66.

[109].Пластинина, Ю.В., Березюк, М.В., Дукмасова, Н.В., Румянцева, А.В., Теслюк, Л.М. Совершенствование организационно-экономического механизма расширенной ответственности производителя в Российской Федерации [Текст] / Ю.В. Пластинина, М.В. Березюк, Н.В. Дукмасова, А.В. Румянцева, Л.М. Теслюк // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. - № 9 (99). – С. 192-196.

[110].Поздняков, А.В. Собственность и ее роль в самоорганизации социально-экономических систем [Текст] / А.В. Поздняков // Новосибирск: Изд-во Сибирского отд. РАН. –1999. – С. 15-34.

[111].Пономарёв, М.В. Проблемы и перспективы кодификации экологического законодательства в Российской Федерации и Республике Беларусь в рамках Союзного государства [Текст] / М.В. Пономарёв // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2023. № 1. – С. 34–43.

[112]. Посадский, А. В. Экологическая цивилизация и права человека / А. В. Посадский, С. В. Посадский // Закон. Право. Государство. – 2020. – № 3(27). – С. 286-294.

[113]. Пчельников, М. В. Система экологических прав и свобод человека и гражданина-элемент экологической политики [Текст] / М.В. Пчельников // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2015. – № 2(7). – С. 42-44.

[114]. Рашидов, Д.К. Становление и развитие правового регулирования экологических отношений в период Саманидов: теоретические и практические вопросы [Текст] / Д.К. Рашидов // Сборник: Реформа системы государственного управления и государственной службы: ее современные эффективные модели. Матер. Межд. Науч. Практ. Конф. – Душанбе, 2021. – С.432-441.

[115]. Рошин, Б.Е. Конституция СССР 1924 года: основные положения и особенности (к 90-летию принятия первой Конституции советского Союза) [Текст] / Б.Е. Рошин // Вестник Костромского государственного университета. – 2014. – Т. 20. – №. 2. – С. 189-193.

[116]. Сафаров, Л.Ш. История и эволюция становления и развития парламентаризма в Таджикистане [Текст] / Л.Ш. Сафаров // Труды Академии. – 2014. – №3 (23). – С. 148-153.

[117]. Сафронов, Н.С. Расширенная ответственность производителя в Российской Федерации: комплексный анализ правового механизма и перспективы совершенствования / Н.С. Сафронов // Флагман науки. – 2025. – № 10(33). – С. 641-643.

[118]. Солнцев, А.М. Защита экологических прав человека в контексте интернационализации конституционного права / А.М. Солнцев // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22, № 4. – С. 196-199.

[119]. Солнцев, А.М. Международно-правовая защита экологических прав человека: региональная специфика [Текст] / А.М. Солнцев // Бизнес. Образование. Право. – 2014. – № 4 (29). – С. 273-279.

[120]. Солнцев, А. М. Развитие концепции экологических прав человека в практике Межамериканского суда по правам человека / А. М. Солнцев, А.М. Отрашевская // Международное правосудие. – 2022. – № 1 (41). – С. 57-78.

[121]. Сомов, М.Д. Конституционные факты в жизнедеятельности общества // Конституционное и муниципальное право. [Текст] / М.Д. Сомов. – 2008. – №. 16. – С. 2-6.

[122]. Тетерин, А.В. Реализация концепции «экологической демократии» (опыт Порту-Алегри) [Текст] / А.В. Тетерин // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского обществ: сборник материалов международной научно-практической конференции (23 декабря 2020 г.) / Белорусский государственный экономический университет; редкол.: Н. Ю. Веремеев (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Колорград, 2021. – 388 с.

[123]. Харламова, С.И. Экологическое право российской федерации: предмет правового регулирования и место в системе юридических наук [Текст] / С.И. Харламова // Юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики. сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза, 2023. – С. 65-69.

[124]. Цускман, Е.И., Дудина, Т.Н. Социальные и экономические аспекты реализации расширенной ответственности производителей [Текст] / Е.И. Цускман, Т.Н. Дудина // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2020. - № 4. – С. 101-106

[125]. Черданцев, В.П. Зарубежный опыт реализации принципа «загрязнитель платит» [Текст] / В.П. Черданцев // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2017. – № 4-4 (40). – С. 162-165.

[126]. Чхутиашвили, Л.В. Общественный экологический контроль: проблемы и перспективы [Текст] / Л.В. Чхутиашвили // Правовая информатика. – 2015. – № 4. – С. 55-58.

[127]. Шадрова, В.А. Проблемы обращения с потребительскими отходами электронного оборудования в России [Текст] / В.А. Шадрова // Управление

муниципальными отходами как важный фактор устойчивого развития мегаполиса. – 2018. – № 1. – С. 166-169

[128].Шварц, М.З. Принцип «загрязнитель платит» и юридическая ответственность хозяйствующих субъектов за неизбежный экологический вред [Текст] / М.З. Шварц // Закон. – 2019. – № 9. – С. 100-121.

[129].Шубин, Ю.П. Принцип возмещения экологического вреда как основополагающий принцип охраны окружающей среды [Текст] / Ю.П. Шубин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2016. – № 16-1. – С. 301-302.

[130].Шубников, Ю.Б., Щепашенко, А.С. Роль судебной практики в экологическом праве [Текст] / Ю.Б. Шубников, А.С. Щепашенко // Актуальные проблемы науки и практики. – 2020. – № 3. – С. 18-22.

[131].Юн, Л.В. Экологические права человека в странах БРИКС: актуальные проблемы [Текст] / Л.В. Юн // Основные тенденции развития современного права: право стран БРИКС: Материалы VIII Национальной научно- практической конференции (с международным участием), Казань, 09 февраля 2024 года. – Казань: Университет управления "ТИСБИ" (Татарский институт содействия бизнесу), 2024. – С. 321-324.

[132].Яковлев, Э.Ю. К вопросу о создании реально действующих конституционных механизмов защиты экологических прав граждан России [Текст] / Э.Ю. Яковлев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 58. – С. 332-338.

IV. Диссертации и авторефераты:

[133].Бадалов, Ш.К. Проблемы гражданско-правовой ответственности за экологический вред в Республике Таджикистан [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Бадалов Шараф Каримович. – Душанбе, 2011. – 224 с.

[134].Диноршоев, А.М. Конституционные основы регламентации и реализации прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан

[Текст]: дисс. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.02 / Диноршоев Азиз Мусоевич. – Москва, 2015. – 535 с.

[135]. Лагунова, А.И. Региональные особенности правового обеспечения экологической безопасности Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.06 / Лагунова Александра Ивановна. – Саратов, 2004. – 55 с.

[136]. Махмудзода, З.Г. История таджикской вексиллологии и геральдики второй половины XIX – начала XXI веков [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Махмудзода Зоири Гафур. – Душанбе, 2020. – С. 170.

[137]. Медведєв, К.В. Екологічні права громадян України: гарантії їх судового захисту [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / Медведєв Костянтин Вікторович. – Киев, 2012. – 17 с.

[138]. Сафаров, Б.А. История воплощения концепций и международных стандартов в области прав человека в правовую систему Республики Таджикистан [Текст]: дис. ... д-ра юрид. Наук: 12.00.01 / Сафаров Бахтовар Амиралиевич. – Душанбе, 2015. – 370 с.

[139]. Эльназаров, Д.Х. Конституционно-правовое регулирование защиты прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан: вопросы теории и практики [Текст]: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Эльназаров Давлатшо Ходжаевич. – Душанбе, 2019. – 364 с.

V. Литература на иностранных языках:

[140]. Андрейцев, В.И. Екологічне право. Загальна частина: курс лекцій в схемах [Текст] / В. І. Андрейцев. – К.: Вентурі, 1996. – 208 с.

[141]. Baber, W.F. A rights foundation for ecological democracy [Текст] / W.F. Baber // Journal of Environmental Policy and Planning. – 2020. – № 22. – P. 72-83.

[142]. Eckersley, R. Ecological democracy and the rise and decline of liberal democracy: looking back, looking forward [Текст] / R. Eckersley // Environmental Politics. – 2020. – Т. 29. – №. 2. – P. 214-234.

[143].Gellers, J.C. Toward environmental democracy? Procedural environmental rights and environmental justice [Текст] / J.C. Gellers // Global Environmental Politics. – 2018. – № 18. – P. 99–121.

[144].Hayward, T. Constitutional environmental rights. [Текст] / Т. Hayward // OUP Oxford, 2004. – 248 p.

[145].Knox, J.H., Pejan, R. (ed.). The human right to a healthy environment [Текст] / J.H. Knox, R. Pejan // Cambridge University Press, 2018 – 306 p.

[146].Mitchell, R.E. Building an empirical case for ecological democracy [Текст] / R.E. Mitchell // Nature and Culture. – 2006. – Т. 1. – №. 2. – P. 149-156.

[147].Smessaert, J., Feola, G. Beyond statism and deliberation: Questioning ecological democracy through eco-anarchism and cosmopolitics [Текст] / J. Smessaert, G. Feola // Environmental Values. – 2023. – Т. 32. – №. 6. – P. 765-793.

VI. Электронные ресурсы:

[148].Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 28.12.2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.president.tj/event/missives/36374> (дата обращения: 10.11.2024)

[149].Веселов, А.К. Взаимодействие государственного, общественного и производственного экологического контроля: правовое регулирование и практика [Электронный ресурс] / А.К. Веселов // Электронный журнал «Местное устойчивое развитие». – 2013. – №7. – Режим доступа: <https://fsdejournal.ru/node/408> (дата обращения: 01.11.2024)

[150].Новый экологический кодекс Казахстана: ожидания и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cabar.asia/ru/novuj-ekologicheskij-kodeks-kazahstana-ozhidaniya-i-perspektivy> (дата обращения: 10.11.2024)

[151].О разработке Экологического кодекса Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://centralasiacclimateportal.org/ru/publications> (дата обращения: 10.11.2024)

[152]. Сперанская, О., Понизова, О., Цитцер, О., Гурский, Я. Пластик и пластиковые отходы в России: ситуация, проблемы и рекомендации [Электронный ресурс] / О Сперанская, О. Понизова, О, Цитцер, Я. Гурский // Международная Сеть по Ликвидации Загрязнителей (International Pollutants Elimination Network), 2021. – Режим доступа: https://ipen.org/sites/default/files/documents/ipen-russia-2021-era_v1_4q-ru.pdf (дата обращения: 10.11.2024)

ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

I. Монография и учебно-методический комплекс:

[1-А]. Полтавец А.В. Конституционные основы экологического права в Республике Таджикистан». Монография. Душанбе: Российско-Таджикский (Славянский) университет, 2023. – 181с.

II. Научные статьи, опубликованные в журналах, рецензируемых и рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан:

[2-А]. Полтавец, А.В., Эльназаров, Д.Х. Проблемы развития конституционных норм в экологическом законодательстве Республики Таджикистан [Текст] / А.В. Полтавец, Д.Х. Эльназаров // Юридический вестник. – 2023. – № 1(13). – С. 33-39; ISSN 2790-7570.

[3-А]. Полтавец, А.В. Экологическая основа конституционного строения Республики Таджикистан [Текст] / А.В. Полтавец // Юридический вестник. – 2023. – № 1(13). – С. 26-32; ISSN 2790-7570.

[4-А]. Полтавец, А.В. Понятие и содержание конституционных основ экологического права в Республике Таджикистан [Текст] / А.В. Полтавец // Законодательство. – 2023. – № 1(49). – 27-32; ISSN 1681 8695.

[5-А]. Полтавец, А.В. Проблемы развития конституционных норм в экологическом законодательстве Республики Таджикистан [Текст] / А.В. Полтавец // Государственное управление. – 2024. – № 1(66). – С.249-255; ISSN 2664-0651.

[6-А]. Полтавец, А.В. К вопросу о классификации экологических прав человека [Текст] / А.В. Полтавец // Юридический вестник. – 2025. – № 4(24). – С.94-101; ISSN 2790-7570.

[7-А]. Полтавец А.В., Давлатов, Х.Х. Проблемы и перспективы развития экологического законодательства Республики Таджикистан [Текст] / А.В.

Полтавец, Х.Х. Давлатов // Юридический вестник. – 2026. – № 1(25). – С.10-19; ISSN 2790–7570.

III. Научные статьи, опубликованные в сборниках и других научно-практических изданиях:

[8-А]. Полтавец, А.В., Рахматова, Т.Р. Правовое регулирование электронных отходов в Республике Таджикистан на основании Базельской конвенции «О контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением» [Текст] / А.В. Полтавец, Т.Р. Рахматова // Юридический вестник. – 2021. – № 4(8). – С.106-111.

[9-А]. Полтавец, А.В. Понятие экологической функции в Республике Таджикистан / А.В. Полтавец // Актуальные проблемы современности: взгляд молодежи: материалы Международной научно-практической конференции (Душанбе, 5 мая 2023 г.) – Душанбе: РТСУ, 2023г. – С. 213 – 217.

[10-А]. Полтавец, А.В. Проблемы классификации конституционных основ экологического права Республики Таджикистан / А.В. Полтавец // XI Международная научно-практическая конференция «Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития». (Душанбе, 31 октября 2023г.). – Душанбе: РТСУ, 2023г. – С. 132–138.

[11-А]. Полтавец, А.В. Правовое регулирование лицензирования деятельности в сфере обращения с опасными отходами в Республике Таджикистан / А.В. Полтавец // XIII Международная научно-практическая конференция «Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития». (Душанбе, 31 октября 2025г.). – Душанбе: РТСУ, 2025г. – С 119–124.

[12-А]. Полтавец, А.В. Экологическая основа конституционного строения Республики Таджикистан / А.В. Полтавец // Сборник материалов республиканской научно-практической конференции «Теоретико-правовые основы регулирования экологических прав человека и гражданина в правовой

системе Республики Таджикистан и Российской Федерации: конституционно-правовой аспект». – Душанбе: РТСУ, 2025г. – С 183–193.